

Родная ДАДОГА

№ 4(6)' 2008

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Радован КАРАДЖИЧ
Родина требует воли и жизни

Валентин РАСПУТИН
Ближний свет издалека

**Архиепископ Тихвинский
КОНСТАНТИН**
Да будет воля Твоя
к 90-летию убийства Царской семьи

Михаил ДУНАЕВ
Виртуальные игры
*о некоторых тенденциях
«религиозного
литературоведения»*

Николай ЗИНОВЬЕВ
Печать бессмертия на всем

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСТВИЦА

Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с 90-летием убиения святых Царственных страстотерпцев	5
---	---

История и современность

Архиепископ Тихвинский Константин. Да будет воля Твоя. <i>К 90-летию убиения Царской семьи</i>	8
Валентин Распутин. Ближний свет издалека	80

ПРОЗА

Алексей Солоницын. Встреча, которой не было. <i>Рассказ</i>	24
Борис Споров. За пьяной рекой. <i>Повесть (продолжение)</i>	189

ПАМЯТОСЛОВ

Кавад Раш. Царский поэт	35
Николай Коняев. «В вечности вратах»	48

ПОЭЗИЯ

Радован Караджич.....	41
Николай Зиновьев	65
Геннадий Иванов	124
Борис Лукин.....	127
Юрий Перминов	129
Стихотворения поэтов Республики Коми: Андрей Попов, Надежда Мирошниченко, Татьяна Канова, Владимир Цивунин, Юрий Ионов, Анжелика Елфимова, Любовь Терентьева, Валерий Выухин, Виктор Демидов, Алексей Иевлев, Анатолий Илларионов	149

Стихотворения поэтов Сербии: Стеван Тонтич, Любица Милетич, Момир Войводиц, Слободан Ракитич, Ранко Йович, Райко Петров-Ного, Зоран Костиц, Джорджо Сладое, Милан Ненадич. <i>Вступительное слово: Наталья Харламова</i>	179
---	-----

Родная РечЬ

Игорь Изборцев. Духовной жаждою томим.....	44
--	----

ВЕРХИ

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви	69
--	----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	94
--	----

Русский ПАЛОМНИК

Валентина Ефимовская. Пути духовные. <i>Паломничество 2008, Италия</i>	99
---	----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил Дунаев. Виртуальные игры. <i>О некоторых тенденциях «религиозного литературоведения»</i>	133
---	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Виктор Веселов. Духовный потенциал российской провинции.....	144
--	-----

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Алексей Швечиков. Религия как объект научного познания.....	155
Ольга Авдеева-Мокрак. Это лукавое слово «толерантность»	175

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Чеслав Кирвель. Полюса силы. Векторы глобальных перемен и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов.....	162
--	-----

ДЕЯВИЦА

Послание Святейшего Патриарха Алексия II в связи с 90-летием убиения святых Царственных страстотерпцев

В связи с 90-летием убийства святых Царственных страстотерпцев Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II направил послание архипастырям, пастырям, инокам, инокиням, мирянам и всем верным чадам Святой Православной Церкви.

Преосвященные Архипастыри, досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, боголюбивые миряне, верные чада нашей Святой Православной Церкви!

В нынешнем году исполняется 90 лет со дня расстрела в Ипатьевском доме Екатеринбурга семьи последнего Российского Императора.

Страдальчески погибли святые Царственные страстотерпцы император Николай II и императрица Александра Феодоровна, их дети — царевич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Вместе с ними приняли кончину и их верные слуги. В это же время в Алапаевске пострадали преподобномученицы великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара.

Совершенное в июле 1918 года злодеяние положило начало тем трагическим событиям, которые пережил наш народ в минувшем XX веке.

В послании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, проходившем во граде Москве в июне сего года, говорится: «Воздавая честь святым Царственным страстотерпцам, мы все должны черпать в почитании их подвига силы и мужество и, взирая на их противостояние злу кротостью и смирением, подражать их вере» (ср.: Евр. 13, 7).

Степень христианского отношения человека к миру и к себе самому измеряется тем, в какой мере мы готовы принять страдания, встречающиеся на нашем жизненном пути.

Мы призваны видеть в этих испытаниях не простую случай-

ность, а скорбный и в тоже время радостный путь подражания Христу, которым Господь ведет нас ко спасению. Потому мы вновь и вновь мысленно обращаемся к воспоминаемому ныне трагическому событию российской истории, дабы духовно осмыслить прошлое и настоящее нашего народа.

Десятилетия, запечатленные в истории нашей страны страданиями войны, братоубийственными распрями, голодом и небывалыми по масштабам репрессиями, во многом были обусловлены нравственными ошибками, коренящимися в отступлении людей от вечных истин, данных Богом.

Хотелось бы надеяться, что период богоборчества и связанных с ним испытаний безвозвратно ушел в прошлое. Добрые приметы этого можно видеть в духовном облике нашего времени: происходит возвращение общества к непреходящим ценностям веры, повсеместно возрождаются из небытия православные святыни, уральская земля, политая кровью невинных страдальцев, принимает сегодня десятки тысяч паломников со всех концов России и из-за рубежа стекающихся, дабы поклониться подвигу святых Царственных страстотерпцев.

Храм-памятник на Крови во имя Всех Святых, в Земле Российской Просиявших, воздвигнутый на месте убиения Царской семьи, уже стал знамением возрождения нашего Отечества в покаянии, правде, любви и верности Богу, символом воссоздания исторической памяти и воскрешения Святой Руси.

Другим важнейшим видимым знаком совершившегося изменения должно стать духовное и нравственное преображение общества, водворение в нем мира и согласия, прекращение смут и противоречий, коими было так богато прошедшее столетие.

Однако следует помнить, что, как и во все времена, ныне перед каждым человеком предлежит обязанность ответственного нравственного выбора, определяющего его будущность, ибо Господь Вседержитель, обращаясь к сердцу каждого, говорит: *«жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое»* (Втор. 30, 19).

Необходимо во всех обстоятельствах жизни помнить, что только Господь есть Источник жизни. Его водительство несет человеку подлинное благо и истинную полноту бытия. Только исполнение Его заповедей приводит человека к гармоничной жизни и сподобляет вечного блаженства, и напротив, всякое нарушение воли Божией ведет к новым скорбям и несчастьям.

Посему выход из любого кризиса лежит на путях духовного возрождения. Господь же Сам незримо помогает всякому, кто идет за Ним. Из опыта своего двухтысячелетнего бытия Церковь Христова знает, что благодатная помощь Божия способна кардинально изменить жизнь человека, просветить его сердце и разум, даровать ему силу. *«Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром»* (Пс. 28, 11).

Обращаясь к Богу, будем просить Его, дабы по молитвам святых Царственных страстотерпцев даровал Он нам совершать труды свои в чистоте сердца, в твердой вере и непоколебимой надежде, в мире внутреннем и в мире со всеми, кто нас окружает, ибо к нам обращены слова Священного Писания, призывающего: *«не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение»* (1 Пет.3, 9).

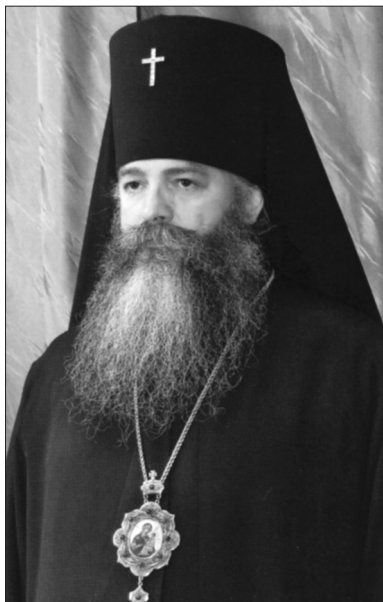
Да поможет нам Господь по примеру святых Царственных страстотерпцев, всех новомучеников и исповедников Российских изгнать из сердец своих всякую вражду и ненависть, ложь и неправду, гнев и зависть, облечься в добродетели любви и послушания, мира и терпения, смирения и братолюбия.

Божие благословение да пребывает со всеми вами.

+ **АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ**

История и современность

Архиепископ
Тихвинский
КОНСТАНТИН

**ДА БУДЕТ
ВОЛЯ ТВОЯ**

к 90-летию
убиения Царской семьи

Последний русский Царь Император Николай II по собственной, кажется, воле засвидетельствовал свое отречение или, вернее, допустил отрешение от Престола «по долгу совести» во имя требуемого мнимого «сплочения всех сил народных». По собственной, кажется, воле, Помазанник смиренно принял мученической венец и обрел свободу вечную.

Воля и свобода — смысловое различие этих священных русских слов, имеющих синонимическую общность, может почувствовать только русский человек, знающий нелегкую историю своей Родины. Только русскому человеку дано понять трагическое различие слов: отречение и отрешение, Царь Помазанник и

Высокопреосвященнейший Константин, архиепископ Тихвинский (Горянов Олег Александрович). Родился в 1951 году. По окончании Винницкого медицинского института шесть лет работал врачом, в том числе и на «скорой помощи», три года преподавал в институте. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию. Полгода будущий архиепископ сколачивал ящики на железной дороге, работал на лесоразработках, и только после этого митрополит Филарет разрешил принять его сторожем в Жировицкий монастырь, чтобы уже от монастыря получить направление в семинарию. Закончил Московскую Духовную Семинарию и Академию. Кандидат богословия. С 1990 года — архимандрит. Шесть с половиной лет был ректором Минской Духовной Семинарии. За труды по возрождению семинарии и епархии награжден Патриархом Алексием II орденом преподобного князя Даниила Московского. С 1996 года — ректор Санкт-Петербургских Духовных Семинарии и Академии, викарий Санкт-Петербургской епархии, профессор, зав. кафедрой богословия.

Император, казнь и убийство. Это природное лингвистическое чувствование, корневое семантическое слышание связано не только с национальной принадлежностью, но с тем, что живой славянорусский язык есть древо русской жизни. Наш благодатный язык способствует осмыслению исторического и современного значения величайшей русской трагедии.

Священное Коронование Его Императорского Величества Государя Императора и Самодержца Всероссийского Николая II Александровича

Без малого столетие бытует запущенная предателями сомнительная история отречения Императора Николая II от богоданной власти. Из этой версии следует, что Помазанник, слабовольный Царь и плохой командующий, будучи не в силах управлять страной, претерпев бедственные поражения на фронтах мировой войны, испугавшийся гнева народных масс, сам отрекся от русского Престола. Действительно, он собственноручно подписал Акт об отречении от власти в пользу своего брата Великого Князя Михаила, «во имя горячо любимой Родины». Действительно, в Акте есть такие слова: «Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными Нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совети облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Го-

сударственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть».

Кажется все просто, во всем виноват один Царь, который сам признал свою вину, то есть изрек ее и отрек-ся от власти. Но так ли это? Первые сомнения возникают уже при знакомстве с обстоятельствами, в которых оказался Император в канун этого исторического события. На самом же деле в Думе существовал антимонархический заговор, в который был затем вовлечен высший командный состав. Отрешение Императора от власти подготавливалось на протяжении многих лет тайной, кропотливой, планомерной работой враждебных России сил, старающихся отъединить Царя от народа и армии. Подписанный документ с их лукавой подачи стали называть «Актом отречения».

Но разве можно назвать отречением, то есть добровольным отказом от власти, изменой своей клятве, Акт, которому предшествовал заранее разработанный, предательский захват Императора, удерживаемого несколько дней в изоляции в вагоне насильственно плененного поезда. Его приказания военными и административными властями не исполняются. Командующие фронтами ему изменяют, и сам он попадает не в столицу для усмирения мятежа, а в западню, где находится в изоляции. Окружавшие Царя предатели искажали реальные факты, заговорщики в своих интересах снабжали его дезинформацией, навязывали свои решения, беспрекословно убеждали в необходимости отречения от престола якобы во имя России и для блага России. Предатели безошибочно рассчитали, что благо России для Царя превыше всего.

На самом деле это было выгодно в первую очередь иностранным державам и их русским пособникам, заботящимся о своих финансовых и политических интересах. При соблюдении более или менее благопристойной с юридической точки зрения внешней стороны, боящиеся зоркого ока истории заговорщики, по сути, осуществили насильственный переворот, отстранение от власти законного правителя, которое следует называть не отречением, а **отрешением**, то есть лишением власти, насильственным свержением с помощью внешних сил и военных. Обманутый русский народ легко поверил в хорошо отрепетированное и быстро разыгранное театральное-политическое действо на станции Дно.

Заговорщики, явно любители мистификаций, даже выбрали соответствующее место, где произошло историческое событие, станцию с говорящим названием Дно. Это должно было свидетельствовать о руке судьбы, отстранившей от власти Царя, доведшего, якобы, Россию до самого дна. И многие в эту «руку судьбы» поверили, не почуяв заготовленного заранее сценария. А по сценарию расправа с русской православной монархической властью началась задолго до марта 1917-го, сначала путем систематического террора, который исполнял центральный комитет эсэров, в который входили Евно Азеф, Абрам Гоц, Максимилиан Швейцер, Лейба Сикорский, Дора Бриль-

лиант, Борис Савинков, Пинхус Рутенберг, Иван Каляев, Мордко Богров и др. Верных слуг Отечества начинают систематически истреблять. Погибают от выстрелов и бомб Великий Князь Сергей Александрович, министры Плеве, Сипягин, Боголепов, Столыпин, генерал-губернаторы и губернаторы граф Игнатьев, Старынкевич, Хвостов, Александровский, Слепцов, генералы и адмиралы Чухнин, Сахаров, Мин, Карангозов, Алиханов и сотни других. Убийства совершаются с особой жестокостью и издевательствами. За шесть недель только с 1 июля до 15 августа 1906 года террористы совершили 613 покушений и убили 244 человека. Это не борьба за свободу, это очевидное разрушение государства.

Но разрушения державы как будто не замечают или не понимают дворянство, интеллигенция, купечество. Многие представители этих сословий или приветствовали убийства известных сынов Отечества, или трусливо отмалчивались. Так, например, сообщение в Думе об убийстве адмирала Чухнина вызывает гром аплодисментов. Лидер партии кадетов Милюков едет в Лондон уговаривать Ленина продолжать политические убийства и скорее готовить революцию. Купец и миллионер Савва Морозов посылает большевикам деньги и боится в их пользу свою жизнь. Здесь же мелькают и известные дворянские имена: князья Львовы, Долгорукие, Трубецкие, Шаховской, Родзянко, Самарин, генералы, члены Государственного совета. Грешили «свободомыслием» и некоторые члены Царского Дома, Великие Князья — цвет русского общества. Так об их деятельности высказался очевидец французский журналист Густав Эрвэ: «Мы всем сердцем жалеем русскую аристократию и буржуазию, которые перенесли с 1917 года страшные испытания, но приходится признать, что подобно и нашей аристократии старого режима, они проявили в критический час легкомыслие, безрассудность и отсутствие политической устойчивости поистине изумительное. ...Часть русской элиты своим разлагающим и мелко фрондирующим настроением, своим сочувствием самым разрушительным идеям, своими интригами во время войны — могла подготовить ужасную трагедию» (Император Николай II и революция. Ред. С.Фомин. Общество святителя Василия Великого. СПб. 2005. С.62.).

Самое главное, что в России к тому времени не было экономических причин для революции. Народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте. Благосостояние России в Первой мировой войне на 1917 год было лучше, чем в других воюющих странах. Государство распадалось не вследствие объективных причин, а благодаря тайным систематическим усилиям врагов России, а также в результате разложения части правящего класса. Россия была единственной страной в мире, в которой во время войны происходил рост экономики: по сравнению с 1913 годом (100%), в 1916 году — 121,5%!

И тем не менее, в том же 1916 году к Думскому заговору прикнули военные для осуществления государственного переворота.

Государь Император обходит строй почетного караула 13-го драгунского военного Ордена генерал-фельдмаршала Миниха полка

Тогда они старались разъединить Царя, Церковь, армию и народ, с тем, чтобы потом уничтожить всех поодиночке. Произошла не народная революция; в феврале 1917 года совершился государственный переворот, арест Царя и насильственный захват власти.

Но встает закономерный вопрос — являлась ли деятельность русских либералов и революционеров свободной от постороннего влияния? Не было ли у России тогда более хитрого, замаскированного внешнего врага.

О значении и степени разрушительной деятельности тайных обществ в русской революции сегодня говорится много. Однако не следует преувеличивать их бесспорную роль, когда правящие круги по собственной воле сдавали свою страну и первыми отрекались от своего Царя. Известны слова генерала Брусилова, который говорил: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией». «Начинайте, и мы вас поддержим», — говорил генерал Крымов, «нет, пусть армия добивается отречения», — отвечал Родзянко. А чего стоит высказывание командира Финляндского полка Теплова во время приема в масонский клан. Когда одним из «братьев» ему был задан вопрос о Царе, генерал не раздумывая, не по принуждению, а по собственной воле, ответил: «Убью, если велено будет» (Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Москва. 2007. С. 215.). В сплетении личных и государственных интересов уже было трудно определить, где кончалась измена Монарху и начиналась измена Отечеству.

Последним оплотом Царя оставался народ, который за него и за Матушку-Россию проливал кровь на фронте. К концу 1916 года

положение укрепились на всех фронтах. Снаряды доставлялись в достаточном количестве, части были укомплектованы. Ставка, не без помощи волевых усилий Государя Императора, который на передовой не боялся появляться в сопровождении Наследника, ободрял солдат в тяжелые минуты и вникал во все военные операции, готовила к началу 1917 года решительное наступление против обессилившей к тому времени Германии. Но все усиливающаяся оппозиция со стороны Государственной думы и измена в военных кругах подрывали возможность победы. Об этом открыто писал после революции лидер партии кадетов П.Н.Милюков, вспоминая 1917 год: «Мы знали, что весной предстояли победы Русской армии. В таком случае престиж и обаяние Царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность».

*Николай II и императрица
Александра Федоровна с детьми*

Государь все же чувствовал себя увереннее и спокойнее всего в армии, среди преданных генералов и верных Отечеству солдат. Поэтому революционный центр пытался перетянуть на свою сторону многих генералов, возбуждая в них честолюбивые планы. В результате подпольной пропаганды понемногу стала образовываться ячейка военных, готовых оказать помощь перевороту. В течение лета 1916 года в Ставке уже идут совещания и обсуждается возможность низложения Государя. К концу 1916 года военный заговор созрел настолько, что перестал составлять тайну для общественности, началось разложение народной армии и распространение пораженческих настроений, выгодных врагам России и Православия. Пропаганда Гучкова, членов Думы, Земгора (главный по снабжению армии комитет) и германских агентов на фронте возымела свое действие.

Сегодня, с высоты прошедшего времени, все более явственно вырисовывается в хаотичной политической картине, предшествовавшей гибели монархии, рациональные направления, отрегулированные действия, кажется подвластные палочке закулисного дирижера. Этот

«дирижер» как будто заранее знал, что после революции, после смены Батюшке-Царю русский народ откажется воевать за новых господ, произойдет долгожданное крушение русского фронта, а вслед и самого русского государства. Закордонным геополитикам, уже спланировавшим передел мира, Россия-победительница стала бы костью поперек горла. Понятно также, что в их геополитические планы не входили интересы русской национальной буржуазии.

На протяжении почти всей истории христианской России ей приходилось бороться не только с внешними, явными врагами на поле брани, но и со скрытыми, невидимыми, подтачивающими духовно-нравственные и политические силы государства, искусственно приводящими к смутам и революциям. Но так ли силен был бы этот незримый противник, если бы не было у него алчных до денег и власти пособников внутри православной страны? Православная держава, которая занимала 1/6 часть суши Земного шара, представляла угрозу для мирового зла своей духовно-нравственной силой, хранителями которой были Православная Церковь и Царь Помазанник Божий. Всегда против них велась подлая подпольная война, в начале XX века превратившаяся в открытое массированное наступление.

Каждый из православных русских царей династии Романовых прославил себя подвигами: кто военно-стратегическими, кто политическими, кто в социально-государственном устройстве страны. Николай II с детства чувствовал свое трагическое предназначение, свою жертвенную миссию, в тяжелые для России времена говорил: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия!» С детства отличавшийся волевым характером, достойным чувством самообладания, сдержанностью, чувством долга, стремящийся заслужить любовь своего народа Николай Александрович Романов сохранил все эти качества на всю жизнь. Став российским Императором, он свято соблюдал обет Помазанника Божия, то есть властителя, ставящего Волю Божию, жизнь по Заповедям выше своего желания и обстоятельств.

О большой вере Императора Николая II и его уверенности, что только во Христе может быть истинная свобода, свидетельствует и митрополит Антоний (Храповицкий): «Наш государь начал царствовать на сегодняшний день, 21 октября, причастившись в храме Святых Таин Тела и Крови Христовой. Вторично причастился Он Божественных Таин через три недели, в день своего бракосочетания. Сие необычно земным царям, которые, хотя и стараются всегда показать, что они не чужды веры в Бога, но весьма опасаются прослыть слишком благочестивыми, ибо это не очень нравится европейским народам, а Господню слову о том, что невозможно вместе работать Богу и мамоне, они не предают значения. Такая раздвоенность совершенно чужда нашему Монарху: слава Божия являлась главным направляющим началом Его деятельности» (Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Кн. 1.

Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 2003. С.472.).

Православный воцерковленный человек Николай II был убежден, что лишь в Божией Воле, которой следует подчинить свою, можно быть по-настоящему свободным, и что Россия может быть свободной лишь устроенная и живущая в согласии с Божией Волей. И в этом своем убеждении был непреклонен последний русский Царь, видимая сдержанность и смиренность которого была истолкована многими далекими от церковной жизни современниками, как слабость, как нерешительность. Хотя в это же время президент Французской республики Лубэ, человек умный и проницательный, так отзывался о русском Императоре: «Он предан своим идеалам, он защищает их с трепетом и упорством; у него задолго продуманные планы, которые он постепенно осуществляет... Царь обладает сильной душой и мужественным непоколебимо верным сердцем. Он знает, куда идет и чего хочет» (Император Николай II и революция. Ред. С.Фомин. Общество святителя Василия Великого. СПб. С. 40.).

Не такая свобода ценилась в высших российских кругах. Многим представителям аристократии, промышленникам, политикам и государственным деятелям хотелось лишь свободы беспрепятственного обогащения, многие понимали свободу как вседозволенность. Руководствуясь этими принципами, значительная часть русской элиты, стала благодатной почвой для пропаганды интересов западных стран, мечтавших о слабой России, понимавших, что она может стать таковой лишь при уменьшении влияния Православной Церкви и ослаблении самодержавной власти, и накинута с клеветой и ложными обвинениями на Николая II и его семью. В аристократических салонах и либеральных кругах создавались такие гнусные сплетни, о которых английский атташе при Ставке, генерал сэр Вильямс после общения со своим соотечественником, проводившим в столице всего 24 часа и передавшим все, о чем наслышался, сказал так: «...он дал мне о Государе такой отзыв, что я подумал, что он эти часы провел в помойных ямах Петрограда, ибо иначе он нигде не мог собрать сведений более лживых, несправедливых и столь же ошибочных, как и зlostных» (Император Николай II и революция. Ред. С.Фомин. Общество святителя Василия Великого. СПб. С. 42). В первую очередь в «заслугу» соотечественникам можно поставить успехи по дискредитации Самодержавия в среде русского народа и в рядах солдат, несущих тяготы мировой войны. Именно там эти предательские, антипатриотические усилия дали свои ядовитые, по сей день не увядшие всходы.

Что сегодня простой народ знает о военных, политических и социально-культурных достижениях в царствование Николая II, — что все было плохо?! Можно спорить о мнениях, оценках, но не о фактах и цифрах, многим не известных и сегодня. По данным Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, за двадцать два года царствования Государя Николая Александровича была начата и отчасти осуществлена

величайшая аграрная реформа, которую когда-либо знала история, стабилизирована национальная валюта введением в оборот золотой монеты, разработано и установлено народное представительство, в международной области — взята инициатива учреждения международного Гаагского суда, действующего и поныне. Добавить к этому, что за двадцать два года правления Николая II экономическое развитие России до войны шло таким быстрым темпом, который уступал лишь США. Урожай хлебов поднялся на 116%, добыча угля увеличилась на 400%, нефти — на 65%, чугуна — на 250%), золотой запас Государственного банка увеличился с 648 млн.р. до 2 257 млн.р., вся страна покрылась сетью железных дорог. Государственные доходы, несмотря на русско-японскую войну, на саботаж Государственной думы, увеличивались темпом, не ведомым ни одному другому европейскому государству: если в 1867 г. они составляли 415 млн.р., то в 1913 — 3 417 млн.р., причем ко времени начала войны оставались значительные излишки после покрытия текущих и чрезвычайных доходов. Россия могла позволить себе щадящие налоги.

Россия преуспевала не только экономически. За время царствования Николая II смета Министерства народного просвещения возросла с 25 млн.р. до 161 млн.р. Число учащихся в начальных учебных заведениях увеличилось на 159%, в средних — на 264%, в высших — на 433%. Нигде в мире женское образование не стояло так высоко, как в Императорской России. Нужно ли говорить о достижениях русской науки, русской культуры.

В военной сфере: самоотверженное наступление русских армий, которое спасло Париж в 1914 г., преодоление бедствия отхода без снарядов, постепенное восстановление сил, яркие победы, вступление России в кампанию 1917 года непобежденной, более сильной, чем ранее. По данным из монографии М.Геллера и А.Некрича «Утопия у власти», «несмотря на войну, продолжается быстрое экономическое развитие России. В 1914 году русская экономика составила по сравнению с 1913 годом — 101, 2%», в 1915 — 113.7%, в 1916 — 121.5%»!

Страстно и доказательно сегодня возражает историкам-фальсификаторам и «февральским преступникам», посеявшим миф о революционной ситуации, и наш современник, писатель, публицист, историк Кавад Раш. В своей книге, выпущенной в Омске в 2007 году «Русский выезд» он приводит высказывания англичанина Мориса Беринга, который несколько лет провел в России. Вот что писал иностранный исследователь накануне Первой мировой войны: «Не было, пожалуй, никогда такого периода, когда Россия более процветала материально, чем настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось меньше оснований для недовольства... У случайного наблюдателя могло явиться искушение воскликнуть: «Да чего же большего еще может желать русский народ?!»

Кавад Раш приводит не только удивительные цифры экономического роста, но и поразительные факты. Оказывается к 1913 году рост про-

мышленности был таков, что позволил заложить уже тогда Днепрогэс, Байкало-Амурскую магистраль, осуществлялся проект Урало-Кузбаса, закончен проект Транссиба, готовится прокладка каналов Рига-Херсон и Кама-Иртыш. До 1917 года в Императорской России создано 34 авиационных предприятия с десятью тысячами занятых на них рабочих и основано 13 авиационных школ. В начале 1916 года правительство учреждает отпуск кредитов на строительство шести автомобильных заводов-гигантов — пяти частных и одного государственного. Инициатива исходила от Царя. К 1917 году заводы, для которых в США было закуплено современное оборудование, в основном возведены. Разве не к славе русского Самодержца вся эта статистика, все эти начинания, многие из которых затем присвоили себе большевики?

Разве не к славе Царя его нежные отношения в кругу боголюбивой семьи? Разве не в радость его красивые добрые дети, так любящие свою Россию, что старшая дочь Ольга Николаевна отказалась от брака с принцем Каролом, будущим королем Румынии, лишь бы не расставаться с любимой землей? Почему злостная клевета ползет по городу, потоки грязи льются из великосветских салонов, так что брызги летят до самого Царского дворца? Или это разлилась темная «сила беззакония», которая вновь схлестнулась с Удерживающим от нее, с Помазанником Божиим, и на этот раз временно победила...

Вероятно, в Самодержавном здании образовался ущерб или трещина, которая ослабила его вековую крепость. Много тому во все времена могло быть причин. Но основной из них следует считать постепенное подчинение Церкви государству и подмена национальной духовной идеи идеей Империи. Православная Церковь всегда была защитницей и хранительницей нравственно-религиозного идеала Святой Руси — России, предполагающего, что взаимоотношение государственной и церковной власти характеризуется симфонией, параллелизмом самобытных по существу и происхождению власти Царя и Патриарха. Но первый Российский Император Петр I увидел по-своему взаимоотношения Церкви и государства в Империи, что отразил в своей книге «Правда воли монаршей» главный идеолог духовной революции Феофан Прокопович. Это можно тезисно сформулировать так: «Государство обладает верховенством, а потому всякая иная власть (включая церковную) верховенством не обладает и юридически подчиняется государственной власти. Верховная государственная власть повинуетя только Богу и никаким человеческим нормам, в том числе и церковным канонам. Судьей того, соответствует ли ее решение воли Божией или нет, является сама Верховная власть» (Экономцев И. Православие, Византия, Россия. Москва. 1992. С.142.).

Между такими идеологическими полюсами оказалась Россия, ослабевающая в непрекращающемся конфликте национально-религиозного идеала и идеи Империи. В конфликте интересов этноса, нации и государства металась российская элита над все расширяющейся духовной пропастью, постепенно заполняющейся темной «силой без-

закония». Царю Николаю II, находящемуся ближе многих к идеалам Святой Руси, было трудно, даже невозможно привычными, от мира сего способами, восстановить духовное единство русского общества, с одной стороны бесцельного, злостного, утопающего в роскоши, жадного до сенсаций, с другой замученного непосильным трудом, непрестанно жертвующего Родине своих сыновей.

Когда сегодня многие рассуждают о том, что было бы, если бы Царь спасся, как бы сложилась его судьба в эмиграции, какие более решительные меры можно было предпринять и т.п., удивляешься, как они не понимают, что Николай II пришел на эту землю, не для того, чтобы утопить Россию в крови гражданской войны, или прятаться в чужеземных дворцах, но чтобы вместе с ней пережить страшные испытания и не получить за них вознаграждения на этом свете во имя того, чтобы над Россией не закатился Свет Вечный. И вся его Святая семья, составлявшая единое целое, тоже уверовавшая в необходимость жертвы, выживи, не смогла бы существовать отдельно от своего главы. «Когда ты будешь сгибаться под тяжестью креста, возложенного на тебя Господом Богом, подними свои очи к Нему, мой единственный обожаемый, и Он тебя утешит, ибо мы смертные, слишком слабы, и трудно сказать: «да будет воля Твоя», если сердце разрывается от большого горя», — писала мужу задолго до трагических событий Императрица. Сказать, казалось, трудно, но легко страдать и умереть, повторяя, «да будет воля Твоя».

Духовно-мистический провиденциальный компонент явно присутствовал во всей жизни Николая II. Так, в личной беседе с П.А.Столыпиным Царь говорил по этому поводу: «Я обречен на страшные испытания, но я не получу моей награды здесь на земле». «Я родился в день Иова Многострадального, и мне предназначено страдать» — говорил он еще задолго до скорбных дней. Промысел Божий очевиден и в трагические дни отречения-отрешения, и в следовавшие за ним последние мучительные месяцы жизни.

Осуществилась, кажется, классическая хрестоматийная ситуация: палач и жертва. Непосредственным организатором и руководителем расстрела Царской семьи был Яков (Янкель) Юровский. Он впервые увидел свою жертву будучи еще в возрасте 13 лет. Двадцатитрехлетний Цесаревич возвращался через Томск в 1891 г. из кругосветного путешествия, которое прервалось из-за покушения на него в Японии. Даже спустя годы так косноязычно, с неизменным чувством зависти, Юровский вспоминал это «первое знакомство»:

«Все ждали и готовились к встрече наследника престола.

Я тогда уже учился часовому ремеслу. Видя все эти приготовления, они меня захватили, хотя особенной тяги видеть наследника как будто не было. Ребята готовились влезать на крыши, чтобы видеть наследника. Я думал, что если увижу, никуда не лагая, то посмотрю, а если не увижу, так что же?

В назначенный день наследник Николай приехал.

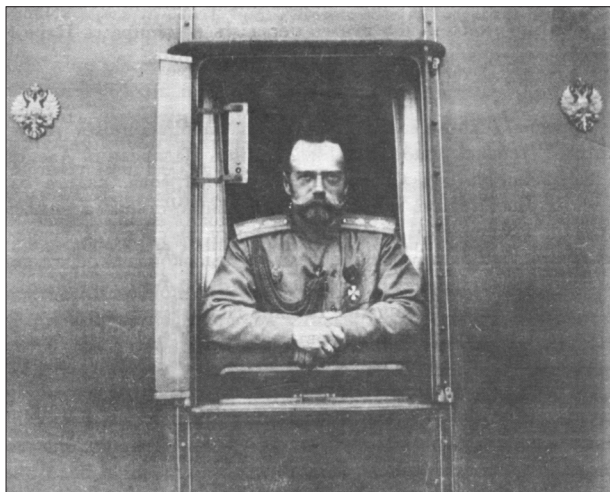
Магазин, где я учился часовому делу, был на Почтамтской улице, на самой большой улице города, которая вела к губернскому дому. Таким образом, я имел возможность наблюдать из окон и ворот дома, как проезжала процессия. Помню как сейчас, наследник с маленькими бакенами, красивый. Кругом много крестьян на лошадках, с мешками за плечами.

<...> Наследника в Томск, то есть последний перегон, вез один содержатель постоянного двора — еврей, который на тройке вороных и примчал наследника в город. Вызвало тогда немало разговоров, что наследник решил ехать на еврейских лошадях, и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что наследник пробовал у этого еврея приготовленный еврейский пряник и другие кушанья.

Торжество было огромное. Все придавали огромное значение тому, что в момент проезда наследника погода стояла замечательная, что когда наследник выходил на балкон губернаторского дома, дождик только взбрызнул и уложил пыль, и день был превосходный. Везет же таким великим людям как наследник. Таково было мое первое знакомство с царствующим домом и Николаем» (Юровский Я. Свидетельствую: Слишком все было ясно для народа: [Воспоминания] // Источник. 1993. № 10. С. 108 (Воспоминания Я. Юровского о расстреле царской семьи. Апрель-май 1922). Цит. по: Розанова Н. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба / Наталья Розанова. — М.: Вагриус, 2008. С.21-22.). В следующий раз Юровский встретился с Николаем II уже при иных обстоятельствах. Это случилось в Екатеринбурге в 1918 году, когда, как напишет он впоследствии: «Царь был у нас на замочке» (Там же).

Почему так жестоко расправились с русским Царем? Зачем надо было его арестовывать, если он, отрекшись от престола, полностью отстранился и от политической деятельности. Очевидно, что враги осознавали, что русский православный Царь, даже вдали от трона, оставался Удерживающим от тьмы беззакония, так алчущей власти над Россией. И потому «новые хозяева» постарались всяческими способами помешать ему покинуть страну. Перед войной английский король Георг V писал своему двоюродному брату и российскому Императору: «Да, мой самый дорогой Ники, я надеюсь, что мы всегда будем продолжать нашу с тобой дружбу; ты знаешь, я неизменен... и помни, что ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего друга». Сразу после трагических мартовских событий в Лондоне готовы были принять семью русского Императора, но 10 апреля 1917 года под давлением определенных сил Георг V взял назад свое королевское слово.

Временное правительство во главе с Керенским получило власть распоряжаться судьбой Помазанника Божия и его семьи. 7 марта 1917 года оно приняло постановление об аресте Николая II и его супруги. 8 марта исполком Петросовета постановил арестовать всю царскую семью. С 9 марта Император с семьей находился под арестом в Царском Селе. Это постановление не имело никакого законного юридического

*Государь Император
Николай II после отречения*

обоснования, так как ему не предшествовало никакое расследование. Однако 4 марта Временное правительство создало Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Комиссия предприняла большие усилия с целью выявить документы, свидетельствующие о противозаконной, антигосударственной деятель-

ности бывшего Государя и его супруги. Предполагалось предать их суду по обвинению в государственной измене. Следственная комиссия не добыла ничего, что подтверждало бы обвинение. Но вместо того, чтобы освободить невиновных узников, правительство 1 августа 1917 года отправило царскую семью в ссылку в Тобольск.

И большевики, вскоре пришедшие к власти, не нашли за что судить Императора, и не стали проводить открытый процесс, который был бы не в пользу новой власти. Решением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) весной 1918 года Николай II с семьей был переведен в Екатеринбург. А 19 мая в протоколе ЦК РКП(б) появилась запись о том, что переговорить с уральцами о дальнейшей участи Николая II поручается Якову Свердлову. По одной версии, Ленин, не послав ответную телеграмму на уведомление о готовящейся казни, дал молчаливую на нее санкцию. Хотя, по другой версии, утверждающая телеграмма от Ленина все же была.

В ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге без суда и следствия, по решению президиума Уралсовета и коллегии Уральской ЧК были расстреляны все члены Царской семьи — Император Николай Александрович, его супруга Александра Федоровна, Наследник Цесаревич Алексей, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. В тот же день ВЦИК и Совнарком получили телеграмму из Екатеринбурга с уведомлением о состоявшейся казни, которую по всем нравственным и юридическим нормам следует называть только — убийством. Казнят после суда преступников, вина которых или очевидна, или доказана. Фактически Император был злодейски убит за то, что являлся Православным русским Царем, а не гражданином Романовым.

18 июля состоялось заседание президиума ВЦИК по докладу своего председателя Свердлова о расстреле Царской семьи.

Протокол №1 заседания ВЦИК от 18 июля 1918 года.

Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановлено: по обсуждении принимается следующая резолюция — Президиум ВЦИК признает решение Уральского областного Совета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати...

19 июля 1918 г. «Известия» писали:

«Расстрел Николая Романова»

...В последние дни столице Красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. Ввиду этого Президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16 июля (не точно, уже началась ночь 17-го). Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Предполагалось предать бывшего царя суду... события последнего времени помешали осуществлению этого».

Особая, если не главная роль в случившейся трагедии принадлежит Якову Михайловичу (Янкелю Мовшевичу) Свердлову. Именно он был «мозгом партии» и главарем одного из самых кровавых режимов мировой истории. Свердлов развязал в стране чудовищный красный террор, и до марта 1919 года не было ни одной кровавой глобальной акции большевиков, инициатором которой не был бы Свердлов. И именно он передал приказ об убийстве Царской Семьи. Что интересно, после покушения на Ленина, Свердлов проводит спешное расследование по делу Ф. Каплан. По его приказу Каплан быстро расстреливают и на территории Кремля сжигают в бочке. Кстати, этот метод заметания следов по-свердловски, т.е. сожжение трупов, невольно приводит нас вновь к Ганиной яме. О том же свидетельствует и имя человека, руководившего расследованием дела Каплан — Янкель Юровский.

Таким образом, самый высокий орган советской власти официально солидаризировался с убийцами, что само по себе является соучастием в преступлении. Итак, до сих пор мы читали историю из рук предателей и убийц. Нет, не на радость трусливых палачей, которым на том свете досталась во много раз большая кара, не во славу кровавых временщиков было совершено это страшное убийство, значение которого начинает проясняться только в наши времена.

Первым об этом грехе смело сказал 21 июня 1918 года на Литургии в соборе Божией Матери Казанской на Красной площади в Москве Патриарх Тихон, введенный в заблуждение, что расстрелян только Царь, а его семья жива. Об убийстве Помазанника Божия он сказал так: «...совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше прави-

тельство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководимая Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он отрекся от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней... Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может. И мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают». Но что бы сказал Патриарх, зная, что зверски уничтожена вся Царская семья!

Царская семья подверглась незаконным политическим репрессиям как со стороны Временного правительства, Петросовета и входивших в них партий, так и со стороны РКП(б), Совнаркома, ВЦИК и подчиняющимся им органов советской власти. И до октября, и после — причиной репрессий было то, что Царская семья являлась живым символом Российской Империи с ее государственной религией — Православием. Члены Царской семьи были убиты не как конкретные люди, в этом качестве они не представляли реально угрозы никому, Белая армия воевала не под монархическими знаменами. Их, как живые символы православной России, нужно было уничтожить для полного разрыва с великим прошлым непобедимой страны.

Всероссийский св. прав. Иоанн Кронштадтский задолго до кровавых событий 1917 года неоднократно прямо и решительно предупреждал, что до тех пор антихрист не придет, пока существует в России Самодержавная Царская власть, которая «сдерживает бесчинное шатание безбожников». Кронштадтский пастырь зывал к народу: «Держись же Россия твердо веры своей, и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебленною людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться Царства и Царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, — то не будешь уже Россией или Русью святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга» (Сергиев И. Обличительные проповеди Отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1914. С. 6-7.).

Русский народ, обжегшийся дыханием антихриста, заглянувший в адовы бездны, сегодня, глядя на икону Царя-мученика, начинает понемногу выздоравливать духовно, понимать отличие свободы-вседозволенности от воли Божией. Как впоследствии писал святитель Иоанн

ПРОЗА

Алексей СОЛОНИЦЫН

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

рассказ

Алексей Алексеевич Солоницын — писатель, кинодраматург, автор 20 книг прозы и 40 документальных фильмов.

Наиболее известные книги писателя — роман «Звезда вечерняя», повести «Врата небесные» (о гибели последних монахинь Самарского Иверского монастыря), «Борис и Глеб», «Взыскание погибших».

Отмечен главным призом на международном кинофестивале «Золотой Витязь», премиями св. благ. князя Александра Невского в Санкт-Петербурге и премии имени философа Ивана Ильина в Екатеринбурге, а так же удостоен наград Святейшего Патриарха — ордена св. благ. князя Даниила Московского, медали преподобного Сергия Радонежского. **Живет в Самаре.**

Когда он выходил из дома, то ничуть не удивился, что туман окутал все пространство вокруг — ранее осеннее утро, что тут особенного. Тропу к реке он хорошо знал, и поэтому шел уверенно, ощущая, как трава задевает сапоги, как касаются плаща ветки ивняка и вербы. Рядом с плечом вспорхнула птица, издав тонкий и длинный звук. Тропа пошла под уклон, запахи реки, перемешанные с запахами трав, ощущались острее, и он понял, что надо забирать влево, где стояла у мостков лодка. Туман стал гуще, и если бы он не помнил хорошо, где вчера привязал лодку, то не нашел бы ее так быстро, как сейчас.

Весла тихо, с нежным бульканьем, опускались в воду, он неторопливо греб, направляя лодку от берега и вверх по течению, к тому месту, которое облюбовал — оттуда открывался чудесный вид, тот самый, ради которого он и приехал сюда.

Прикинув, что его место где-то рядом и когда туман немного рассеется, то найдет его, он поставил лодку на якорь и подумал, а стоит ли закидывать удочку, когда не видно поплавок. Все же на ощупь он насадил червяка на крючок, услышал, как булькнул поплавок и улыбнулся — этот звук, знакомый с детства, вызывал тихое, радостное чувство, потому что означал начало времени, свободного от суеты, ненужных обязанностей и ничего не значащих слов, которым почему-то придают такое большое значение.

Он прерывисто вздохнул и осмотрелся. Туман под легким

ветерком слегка колебался, струился, делая призрачными и реку с ее темными водами, и берег, с едва различимыми купавами кустов и деревьев.

«Вот, теперь самое время подумать, что же делать дальше. А, впрочем, что тут думать, когда уже все решено. Поеду в Германию, в этот Баденвейлер, раз туда советуют. А впрочем, здесь хорошо и лучше бы никуда не уезжать».

Надо было определенно решать, куда ехать лечиться, потому что болезнь опять дала о себе знать слишком сильно. Как врач он понимал, что откладывать нельзя, но все время возникали какие-то обстоятельства, которые мешали ему поступить так, как следовало бы. Да и он сам часто делал совсем не то, что следовало делать для себя — откладывал на потом, успокаивая себя тем, что успеется. Вот и сидеть в лодке в такое утро и в такой туман ему было нельзя. Но он встал как можно раньше и вышел из дома с такой осторожностью, что не разбудил хозяина дома, который обязательно стал бы задавать ненужные вопросы и давать ненужные советы. Хозяйка тоже не проснулась — она похрапывала, а дети, занимавшие соседнюю комнату, спали тихо, не издавая ни единого звука.

Впереди него, вверх по течению реки, вспыхнул огонек — загорелся на секунду, и тут же погас. Через некоторое время огонек опять коротко вспыхнул — и снова погас. Как будто кто-то ему подавал сигнал.

«Какой-нибудь светлячок, наверное, — подумал он. — Хотя какие в такой туман могут быть светлячки. Бакенщик? Но как будто тут бакенов не ставили... Может, ставят сейчас?»

Огонек вспыхнул в третий раз и так же быстро погас. Послышался стук уключин, потом всплеск весел. Приближалась какая-то лодка.

— Простите, что нарушил ваше уединение, — послышался приятный, баритональный голос. — Я вас еще давеча приметил, вернее, услышал, когда вы на якорь становились. Захотелось закурить, а спички, представьте, отсырели... Не зажигаются вообще или лишь на секунду...

«Вот откуда огоньки», — подумал первый рыбак и поспешно полез в карман плаща — там должен лежать коробок со спичками, который он непременно брал, уходя в лес на прогулку или отправляясь порыбачить.

— Извольте, — он протянул руку с коробком к незнакомцу — лодки сейчас стояли бортами друг к другу. Собеседники видели лишь силуэты друг друга.

— Благодарю. — Вспыхнувшая спичка осветила небольшую русую бородку окладом, густые усы. Еще успела увидаться офицерская фуражка с околышком, шинель, застегнутая на коротко блеснувшие металлические пуговицы.

— Шведские? — спросил о спичках офицер. — Очень надежные. А у меня оказались фабрики Лапшина, кажется. — Он с удо-

вольствием затянулся, по воздуху поплыл аромат дорогого турецкого табака. — Я, знаете, не курю по утрам, а тут страсть как захотелось. Оттого, наверное, что рыбалка не получается — туман, какого я прежде никогда не видел... Возьмите спички.

— Оставьте себе. Я не курю, а вам еще понадобятся.

— В самом деле...Еще раз благодарю... С кем имею честь?

— Я доктор, господин офицер. Здесь в гостях. Антон Павлович Чохов.

— Чохов? Почти Чехов. Писатель наш, знаете?

— Как же, как же. «Шведская спичка», такой рассказ у него. Правда, презабавный? — доктор говорил глуховатым баском, с оттенком иронии.

— Да, — живо откликнулся офицер своим приятным баритоном, — мы с женой вслух читали и очень смеялись. А когда отсмеялись, вдруг почему-то стало грустно. Это вообще у него особенность такая — вроде бы весело, весело, и вдруг грусть, какая-то особенная, отдающая болью...

— В самом деле? А рыбалка обязательно будет — не беспокойтесь. Как только туман начнет рассеиваться, пойдет клев.

— Вы здесь не в первый раз? Как это место называется?

— Село называется Плес. А вы что же...

— По Волге, на пароходе. Были в Костроме... Теперь в Ярославль, потом в Москву. И вы, наверное, оттуда?

— Теперь — нет. Я ялтинский мещанин.

— Правда? Ялту очень люблю. Что ж, приятно было познакомиться. Антон Павлович. Отплыву от вас. А то мы разговорами всю рыбу распугаем.

Офицер погасил папиросу и направил свою лодку примерно в то место, где она стояла раньше.

«Лицо как будто знакомое, — подумал Антон Павлович, — как будто где-то я его видел...»

Он подергал удилище — вдруг рыбка попалась на его червячка. И правда — удилище ожило, приобрело вес и силу, и с внезапно охватившим его волнением он вытащил из воды рыбу, и сумел забросить ее в лодку, где она отчаянно забилась, ударяясь боками о днище лодки.

«Вот так, уважаемый, рыбачить надо, а не папироски раскуривать», — подумал доктор, нашарил пойманную рыбу и, сняв ее с крючка, бросил в ведро.

Офицер услышал характерный звук выдергиваемой из воды лески, когда на крючок попадает рыба.

«Однако, — подумал он, — какой он удачливый, этот доктор. Лица его совсем не разглядел. Чохов... А голос какой-то глуховатый... И мне надо поскорее начинать», — но червяк никак не надевался на крючок. Но вот, наконец, ему удалось преодолеть сопротивление червяка, он закинул удочку, стараясь разглядеть поплавок.

«Туман рассеется, и все будет хорошо», — чувствовал он себя бодро, оттого, что удалось, наконец, освободиться и от охраны с ее заботливостью, которую порой нельзя было отличить от подобострастия, и от недоуменных вопросов подчиненных, близких к нему, и укоризны жены, считавшей стремление его к уединению вдали от дворца, да еще в незнакомом месте, непозволительной прихотью, чреватой самыми неожиданными последствиями. От всего этого и еще других обстоятельств, мешавших ему, он в это утро сумел избавиться, накануне вечером приказав капитану парохода подготовить лодку, а все необходимое для рыбной ловли собрать слуге Алоизию Труппу. Алоизия уже давно звали Алексеем Егоровичем — это был обрусевший поляк, родом из Латгалии. Когда произносилась его фамилия, вызывавшая смех, он смущенно улыбался, говоря, что имя можно поменять, а вот фамилию — нельзя.

Туман, как молоко, вылитое из кувшина, постепенно растворялся в свежем утреннем воздухе. Что они там подумают, не обнаружив его к завтраку, он старался не думать, приказав ждать его к обеду и ни в коем случае не искать его — он отплывет недалеко, необходимо побыть одному, вот и все.

В мареве тумана стали появляться прогалины, теперь он стлался над водой слоями, клубился, закругляясь по краям. Офицеру теперь было видно доктора, который то и дело выдергивал леску из воды, поймав очередную рыбу.

А у него по-прежнему не клевало. Уже несколько раз он проверял, хорошо ли сидит червячок на крючке. Хорошо сидел, даже извивался, но клева по-прежнему не было. Наконец поплавок, теперь хорошо видимый, нырнул под воду, и он с замиранием сердца выдернул леску из воды, и серебристая рыбка затрепетала в воздухе.

Радость удачи тут же сменилась досадой — ершишка был настолько мал, что офицер снял его с крючка и с досадой бросил обратно в воду.

Он покосился на соседа — тот в очередной раз вытащил из воды приличную рыбку. Снял ее с крючка и тоже посмотрел в сторону соседа.

Помахал длинной рукой, явно приглашая офицера подплыть на лодке ближе к нему.

Офицер принял приглашение.

— Здесь омуты, довольно глубокие. В них рыба водится, но надо специальную снасть. А вот здесь, где течения почти нет — видите? — клюет отменно. Ну, вставайте ближе ко мне, — доктор поправил пенсне и снова закинул удочку. Он был в шляпе, в плаще, не мешающем ему рыбачить. Офицер узнал его — особенно говорящими были пенсне и черная шляпа — именно такой портрет Антона Павловича Чехова недавно напечатали в «Ниве». Кажется, там говорилось что-то о предстоящей постановке новой пьесы писателя. Говорилось еще, кажется, что он женился на актрисе Художественного театра с немецкой какой-то фамилией...

Антон Павлович слишком был занят рыбалкой, и поэтому лишь изредка бросал взгляды на офицера. Да еще неважное зрение мешало как следует разглядеть офицера, иначе бы он сразу догадался, с кем ему довелось встретиться в это утро. Но вот когда офицер поймал, наконец, первую приличную рыбу и засмеялся, довольный, Антон Павлович посмотрел на соседа внимательней, тоже улыбаясь и радуясь за него.

«Неужели? — подумал он. — Нет, не может быть... В такую рань, здесь... Нет, невозможно. Но очень похож. Очень.»

Туман таял, растворяясь, стелясь над водой легкими волнистыми полосами, похожими на девичьи косынки. Над гладкой поверхностью воды вились стрекозы, иногда касаясь воды. Одна стрекоза села на леску Антона Павловича. Он хотел было стряхнуть ее, но тут красный его поплавок стремительно нырнул под воду. Он повел удилице влево и вверх. Жирный окунь затрепыхался в воздухе. Чехов поймал его, удерживая ладонью, а удилице зажав между ног.

— Окунь, — словно извиняясь, что у него ловится, а у офицера — нет, — сказал он. — А вы на что ловите? На червя? Дайте-ка я посмотрю, каков у вас спуск.

Он принял удочку офицера, проверил, каково грузило и где оно закреплено, изменил спуск, поправил поплавок на леске. Все это он делал сноровисто, ловко — было видно, что он рыбак опытный, умелый.

— Ну, теперь дело должно пойти, — сказал он, приветливо улыбаясь.

И вправду — ловиться и у офицера стало отменно. Они наперебой таскали подлещиков, окуней и красноперок, только успевая менять объеденных червей на свежих.

Выглянуло солнышко, увиделся простор реки за мысом, возле которого они расположились. Вдали виднелся и пароход.

Антон Павлович снял свой брезентовый плащ, оказался в теплом пиджаке серого цвета. Снял свою шинель и офицер. Фуражку тоже снял. На нем была тужурка светло-серого сукна с золотыми погонями и красными петлицами.

Теперь сомнений быть не могло — Антон Павлович узнал офицера. Он смущенно улыбнулся.

— Это вы, — сказал он утвердительно. — Как же вас отпустили одного?

— Пришлось похлопотать, Антон Павлович. А вы почему Чоховым назвались?

— Чоховы были мои предки. А потом нас стали называть Чеховыми — уж не знаю почему.

— Я вас представлял несколько другим. Не таким... рыбаком.

— У вас клюет. Эх, что же вы! — Чехов досадливо вскрикнул, видя, как сорвавшись с крючка, довольно приличная щука шлепнулась о воду, мгновенно уйдя на глубину.

— Плохой из меня рыбак, — смущенно сказал офицер.

— Ну, не беда. Все равно она тут будет кружиться, и мы ее изловим. Это ведь щука была, ваше величество.

Царь внимательно посмотрел на писателя, словно впервые его увидел.

— Ну вот, мы и познакомились, Антон Павлович. Не знаю, как вы, а я рад этому.

Антон Павлович поклонился, привстав.

— Не знаю, право, как мне дальше быть... Никогда прежде не доводилось с императорскими особами...

— А мне с писателями, — царь положил удочку в лодку и достал портсигар с папиросами. — Не желаете?

— Нет, благодарю.

— А я закурю еще — нарушать распорядок, так нарушать, — он добродушно улыбнулся, в ясных голубых глазах появился озорной блеск. — Вы нарушали порядок, Антон Павлович? В смысле житейском, про общественные ваши поступки я знаю...

— Да, совершал. Я, знаете, ночью в рестораны закатывался даже...

— Неужели? — Царь весело рассмеялся, и Антон Павлович не мог оторвать взгляда от его поразительно добрых, даже ласковых глаз. — И я нарушал, в особенности, когда молодым был... Тоже закатывался... не в рестораны, правда, а за кулисы... в театр... — Глаза его продолжали блестеть. — Вы ведь тоже любите театр.

— Да, с гимназии. У нас в Таганроге гимназистам было запрещено театр посещать. А на гастроли кто только не приезжал... Даже Итальянская опера. И вот мы клеили усы, бородки, наряжались франтами и шли на галерку. Многих ловили, сажали в карцер — он под лестницей в гимназии находился.

— И вас изобличали?

— Ни разу — я хорошо гримировался.

— Славно, — царь мечтательно улыбался рассеянной улыбкой, курил. Легкий дымок плыл от папиросы. — А не позавтракать ли нам, Антон Павлович? Мне тут мой Алексей Егорович целую сумку всякой всячины собрал... Или вы еще не нарыбачились?

— Что вы. К тому же настоящий клев кончился.

— Тогда гребите к берегу. Места-то здесь знаете?

— Да, конечно. Я здесь бывал у художника Левитана. Теперь его уже нет. А я решил вот сюда снова наведаться — необыкновенно здесь хорошо... В особенности в это вот время, осенью.

Антон Павлович причалил лодку к тем же мосткам, где она стояла ранним утром. Помог причалиться и царю. Впрочем, он и сам управлял лодкой хорошо.

Расположились на прибрежной поляне, под старой березой. Антон Павлович разостлал свой широкий, болотного цвета, плащ, смотрел, как царь вынимает из корзинки закуски, бутылку вина.

— Прошу, — пригласил Николай Александрович, усаживаясь на плащ и наливая в бокалы вина. — Без церемоний, пожалуйста,

Антон Павлович. Видите, мой камердинер даже бокалы приготовил, словно знал, что нас будет двое.

— Благодарю, ваше величество. Не знал, что мне выпадет честь увидеться с вами и... вот так...

— И я искренне рад. Я ваши рассказы читал, часто с волнением, а иногда с печалью... Про веселые ваши рассказы не говорю. С женой до слез смеялись. Ну, ваше здоровье, Антон Павлович.

— И ваше, государь.

Вино было терпкое, слегка кружившее голову. Царь вопросительно посмотрел на Чехова, тот одобрительно кивнул. Закусили, царь предлагал отведать всего, что припас заботливый Алексей Егорович, относившийся к государю как к сыну и отцу одновременно. Ежедневно, за утренней и вечерней молитвой он благодарил Господа, что тот дал ему радость служения такой семье, какую он нашел у царя. Ибо никого благородней он не встречал, нигде не видел семьи, где жили бы в такой любви и согласии.

— Антон Павлович, я вам не напомнил дочь туманного Альбиона? — весело спросил государь. — Как у вас там этот помещик, у которого англичанка служит... Как он вместе с ней рыбачит, и когда к нему товарищ приезжает, — царь озорно, искренне смеялся, — при этой даме снимает штаны и лезет в воду крючок оцеплять... Да еще бранит эту англичанку... А товарищу говорит, что она ни одного слова по-русски не понимает!

Чехов тоже смеялся, но застенчиво, тихонько:

— Я одну такую даму знавал. Она была похожа на гладильную доску стоймя. Есть точно такие же критики. Они меня называют «певцом сумеречных настроений». А некоторые еще хуже.

— Ну, это не так страшно. Вот обо мне как стали писать, читали, конечно. Вы, надеюсь, не столь резкой позиции держитесь? Как господин Амфитеатров, например... «Господа Обмановы» ...надо же такое придумать...

Чехов снял пенсне и стал протирать стекла. Царь увидел растерянные, почти детские глаза писателя.

— Не отвечайте, если не хотите. Но все-таки, Антон Павлович, позвольте вас спросить... зачем вам этот Горький? Что у вас с ним общего? Я удивлен был, когда мне сказали, что вы, в знак протеста вышли из академии... Но сами подумайте, если бы стал бы этот Горький академиком, что бы он в академии наговорил? С его-то ...как бы это поделикатнее сказать...

— ...нахрапистостью, — подсказал Антон Павлович, не поднимая головы.

— Вот-вот. Да его писания и ваши — прямая противоположность! Особенно меня удручили эти его «песни». А ведь их всюду декламируют!

Чехов с нескрываемым интересом смотрел на государя, надев пенсне:

— Букишон то же самое говорил. Извините, Бунин. Это я так дружески его зову.

— Бунин? Простите, не знаю.

— Это талантливый молодой писатель. Он заметил, что сокол — птица степная, «и высоко в горах» она умирать никак не может. А ужи обитают в болотах, а у него он тоже в горах оказался.

Царь радостно засмеялся. Чехов не мог не обратить внимания, что смех этот особенный — искренний, добрый. Он давно уже для себя определил, что человека узнаешь по тому, как он смеется и плачет. Может, перед ним сейчас не царь, а его двойник? Кто-то, кто ловко подделывается под него? К тому же писали, что он не разговорчив, замкнут, да и малообразованный... «Обыкновенный полковник», так, кажется, и он царя однажды назвал...

— Очень цепкий взгляд у вашего молодого друга. Впрочем, критиковать легче... Кто же из нас не делал опрометчивых поступков... Иногда их заставляют делать обстоятельства... Которые мы не можем превозмочь... в силу не зависящих от нашей воли причин... Вы понимаете, о чем я?

— Да, государь.

— Думаю, что не совсем... Вы не знаете жизни двора. И хорошо, что не знаете. Например, этикет... Впрочем, это скучно. Не будем об этом. Еще вина?

— С удовольствием.

Антон Павлович выпил и подумал о том, что если он часто делает совсем не то, что хотелось бы, то каково приходится человеку, на которого ложится бремя власти. Само слово-то какое — «бремя»...

— Как хорошо греет осеннее солнышко, — сказал государь. — Знаете, я особенно люблю вот такую теплоту, как сейчас. И эти деревья...

Они сидели, повернувшись лицом к Волге. На другом берегу реки взбегала по взгорку березовая роща, вся в золотой листве. Солнце мягко освещало ее, а небо отражалось в водах реки, ставших сейчас светло-синими. Ветра не было, и березовая роща замерла, как будто в томлении, в сладкой истоме, тихая и счастливая, что она еще не отдала листья тлению, а живет, вся в своей зрелой красоте и неге.

— Как хорошо, — повторил государь. — Я хотел пережить как раз такие минуты.

— Да, я тоже. Мне, знаете, ехать за границу, лечиться, — неожиданно для самого себя сказал Антон Павлович. — Не знаю, вернусь ли. Вот и приехал сюда — попрощаться.

— Вы что же, навсегда уезжаете? Куда, если не секрет?

— В Германию. Городок Баденвейлер.

Они смотрели на реку, на березовую рощу, и оба думали сейчас об одном и том же — об этой тихой красоте мира, которая лежала перед ними и вокруг них.

Старая береза, кряжистая, ветвистая, прикрывала их от солнца, словно мать своих детей. Ей уже недолго осталось жить, кора ее потрескалась, на стволе образовались наросты, а листья стали мелкими. Многие ветви уже засохли, но все же береза жила, и давала тень, и листва ее трепетала, когда дул легкий ветерок — как дыхание родного человека.

Антон Павлович кашлянул и быстро достал из кармана брюк платок, прикрыв им рот. Кашель нарастал, и Чехов встал, отойдя в сторонку.

«Вот от чего он едет лечиться, — понял государь, и вдруг ему стало отчаянно жаль этого человека. — Неужели чахотка? Похоже... Может, ему нужна моя помощь? Как бы так спросить, чтобы не обидеть»...

— Простите, — кашель у Чехова прошел, но он еще тяжело дышал, успокаиваясь после приступа. — Можно еще немного вина?

— Прошу вас, — царь сам налил вино в бокал Антона Павловича. — Баденвейлер — это курорт? Где он находится? У них в Германии что ни городок, то курорт. Взяли за моду в старых замках устраивать санатории. Я когда в первый раз приехал в Дармштадт, поразился, что герцогство называется великим, а сам герцог с семьей живет в доме мрачноватом таком. С другой стороны, строгость, аскетичность даже очень полезны — мы с женой так же организовали свою жизнь. Роскошь портит человека, верно? И все-таки... не надо ли вам помочь, Антон Павлович?

— Благодарю, ничего не надо, — поспешно отозвался Чехов. — Мне тоже нравится немецкая аккуратность, ответственность за все, что они берутся делать.

— Поэтому вы в жены взяли немку? — царь опять улыбнулся своей приветливой улыбкой. — И я тоже в немку влюбился. И женился, хотя родители были против. Я пять лет ждал, пока получил родительское благословение. А до этого еще пять лет прошло с того дня, как мы познакомились.

«А пишут, что он не имеет своего мнения и воли», — подумал Чехов.

— Это ведь она, Александра Федоровна, предложила сюда поехать. В Ипатьевский монастырь, знаете такой?

— Да, конечно. Где Михаила Романова на царство посадили.

— Совершенно верно, именно посадили. Бояре и духовенство упростили быть царем юношу из дома Романовых, Михаила. Я удивлен был, что Александра Федоровна знает не только об этом, но и что икона Федоровской Божьей Матери, которой благословили на царство Михаила, наша, семейная, царская. И вот возле нее поехали и помолиться. И кто такой святой Ипатий, я от жены узнал. Оказывается, ему молятся женщины, не могущие родить детей — и рожают. Вы, конечно, этому не верите.

— Почему же? Я знаю, что по сильной вере многое дается. И у вас будет наследник, вот увидите.

— Правда?

— Правда. Ведь вы с государыней очень хотите наследника.

— Да... У вас три сестры литературные, а у меня четыре дочери самые что ни есть настоящие. Хватит, наверное, мне женского персонала, а?

Он улыбался, потом лицо его стало серьезным:

— А все-таки знаете, кто такой святой Ипатий?

— Нет.

— Епископ из Пафлагонии. Это в Малой Азии. Город Гангры. Большого благочестия был епископ, любимый народом. Чудотворец. Враги веры христианской решили его убить. И вот подстерегли его на дороге, когда он возвращался со службы домой...

— Зарезали?

— Да, зверски, — почему-то задумчиво сказал государь. — Мы молились — за епископа Ипатия, всех Романовых... «Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны»...

— «...и доброго ответа на страшном судище Христовом, просим»...

— Помните?

— Как же. Я мальчиком в церковном хоре пел. Но, признаюсь, больше любил порыбачить. Вот и вам кроме молитвы нужна еще и рыбалка.

— Смеетесь.

— Нисколько. Дело — то ведь не в том, сколько наловил. Ведь вы увидели и утренний туман, и вот эту золотую рощу, и эту воду. Такого не увидишь ни в каком Дармштадте, ни в Баденвейлере. Посмотрите внимательно на тот берег. Ведь это... сердце России. А может быть... — он осекся.

— Что?

— Может быть, нам надо переплыть на ту сторону — домой...

— Может быть, — тихо ответил государь.

Помолчали.

Потом стали собираться. Царь не позволил Чехову все делать самому, помогал укладываться.

Когда собрались, в кустах легонько зашуршало. Царь быстро оглянулся, шагнул к кустам.

— Вы давно тут? — строго спросил он начальника личной охраны императора.

— Всего как несколько минут, ваше величество. Я бы не посмел, но Александра Федоровна...

— Вы по воздуху прилетели, аки ангел, или еще как?

— Лодка неподалеку, ваше величество.

— Идите. Дайте с Антоном Павловичем проститься. Это...

— Чехов, государь. Известный писатель.

Антон Павлович с удивлением слушал эту беседу. С таким же неподдельным удивлением рассматривал стройного, довольно молодого человека, хорошо одетого, вежливого.

Государь шагнул к Чехову, а начальник личной охраны скрылся в кустах.

— Извините, Антон Павлович. Но от этого никуда не деться. Я же вам говорил про этикет. Есть еще негласные правила.

— Понимаю.

— Не обращайтесь внимания. Все-таки это был не унтер Пришибеев. И подслушал он только самый конец нашего разговора.

Чехов грустно улыбнулся.

— Я понимаю, государь.

— Хорошо бы еще свидеться, но... — царь протянул Чехову руку.

Их ладони сошлись.

— Прощайте, государь.

Царь шагнул в лодку, веслом оттолкнулся от берега. Устроился поудобней на сиденье, стал сильно и ровно грести.

Лодка удалялась, Антон Павлович смотрел ей вслед. Царь сидел спиной к тому месту, где стоял Чехов, налегал на весла, не оглядываясь.

Подул ветерок, гладь реки засеребрилась, вспыхивая звездочками под солнцем. Со старой березы упал в воду лист и понесся по воде, подхваченный ветром. Вслед за ним по воде понесся еще один листок, сброшенный ветерком в воду.

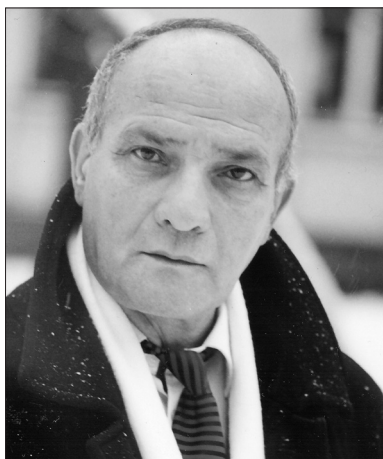
Антон Павлович дождался того момента, когда лодка скрылась из вида.

По знакомой тропе он пошел к дому, в котором остановился. Скоро должны подать лошадей, чтобы ехать на станцию. Там паровоз увезет его в Москву, а потом в Германию, в Баденвейлер, в последнюю его земную обитель.

Похоронят его в Москве, на Новодевичьем кладбище, под простым крестом с голубцом и напишут:

А. П. ЧЕХОВ **1860–1904**

Где покоятся останки государя императора Николая Александровича, мы точно не знаем. Но то, что он был зверски убит со всей своей семьей, приближенными и слугами, в том числе и Алексеем Егоровичем Труппом в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева, мы знаем точно. И то, что для расправы был выбран дом владельца с такой же фамилией, как у епископа из Пафлагонии, из города Гангры, в память которого был назван монастырь, где Романовых возвели на царский престол, мы тоже знаем точно. И это не случайное совпадение, и уже не авторская фантазия.

Кавад РАШ

ЦАРСКИЙ ПОЭТ

Кавад Багирович Раш — родился в 1936 году в Армении, в курдском селе Акко. С 1943 года обучался в русской школе в Кахетии. Окончил ЛГУ, факультет журналистики. Работал в Новосибирске журналистом. В Академгородке создал фехтовальную школу с целью органично соединить дух Царско-сельского Пушкинского лицея с лучшими традициями кадетских корпусов, где проработал 10 лет. Историк, публицист, секретарь Правления СП России, капитан 1 ранга запаса. **Живет в Москве.**

Склоняю голову перед великими детьми рязанской земли! И после пережитых кровавых катастроф 1917 года дерзну назвать самым великим рязанцем за 900 лет истории Рязани поэта-пророка и поэта-воина Сергея Сергеевича Бехтеева, предки которого верно служили еще великому Рязанскому князю Олегу. Сергей Бехтеев не только в русской, но и в мировой поэзии по чистоте, глубине и провидческому дару занимает особое место, его творчество имеет непреходящее значение, а судьба также исключительна и трагична, как судьба любимой им Родины.

Детство Сергея Сергеевича Бехтеева прошло в родовом имении в 25 верстах от Ельца, там, где река Липовка впадает в Дон. Имение Липовка четыреста лет было во владении Бехтеевых, что является для России редким случаем и говорит о родовой крепости хозяев имения. Род Бехтеевых, разветвленный, столбовой, восходит к XIV веку. В период Азовских походов Петра I, к 1699 году, шестеро Бехтеевых владели поместьями в Тульской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и Московской губерниях. Все они были боевыми сподвижниками Царя Петра I. В Липовке стоял каменный храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Все старшие сыновья в роду получали имя Сергия.

Сергей Бехтеев родился в 1879 году. Его родители — Сергей Сергеевич Бехтеев и Наталья Александровна, урожденная Хвостова. Предок матери, боярин Алексей Петрович Хвост,

влиятельный московский тысяцкий, второй человек в государстве, был убит в Кремле в 1357 году при таинственных и невыясненных обстоятельствах. И отец, и дед Сергея Бехтеева — выпускники Морского кадетского корпуса, оба служили на флоте. Морское дело со времен Петра I было в чести в роду Бехтеевых.

Сергей Бехтеев только на год был старше своего современника Александра Блока. В 1897 году будущий поэт поступает в Императорский Александровский Лицей, прославленный первым пушкинским выпуском. В Лицее Бехтеев провел шесть лет, поддерживаемый воспоминаниями о дружной семье и живописных рощах и садах родового имения на берегах Дона.

Елецкий уезд входил когда-то в Рязанское наместничество, а во времена Великого князя Рязанского Олега Ивановича елецкие князья были верными подданными славных рязанских князей. Таким образом, Бехтеевы, служившие стряпчими, стольниками, воеводами, исторически являются и рязанским дворянским родом.

11 марта 1900 года Лицей в Царском Селе посетил Император Николай II и Императрица Александра Федоровна. Августейшая чета обошла все классы Лицея. В четвертом классе они были встречены чистыми и вдохновенными стихами лицеиста Сергея Бехтеева.

*Не солнце с выси заблестало,
Не в небе вспыхнула заря —
Судьба нам счастье даровала —
Мы видим нашего Царя...*

В этих простых, безыскусных строках двадцатилетнего поэта сокрыта одна из определяющих особенностей его творчества, прошедшего на время эпигонов с изыском стиха, как самоцелью, неутомимо придумывавших искусственные, безжизненные метафоры. Чтобы писать искренне и просто требовалось незаурядное мужество и верность правде. С. Бехтеев будет верен этой пушкинской традиции всю жизнь.

На следующий год в феврале (1901 г.) Сергей Бехтеев встретил на Лицейском празднике Императрицу-Мать и посвятил ей стихотворение, которое вскоре лично преподнес на балу в Аничковом дворце. В 1903 году вышел первый стихотворный сборник молодого поэта, посвященный Царице-Матери Императрице Марии Федоровне. Это событие совпало с окончанием Лицея и 39-м выпуском знаменитого образовательного учреждения.

В годы, когда деклассированная прослойка, сама себя назвавшая «интеллигенцией», пустила в оборот словечко «царизм» с отрицательным знаком, а полуобразованные дети и внуки дворовых, т.е. разночинцы, расшатывали устои государства в социалистических кружках, воспевание царей требовало гражданского и религиозного мужества. Сергей Бехтеев продолжил пушкинскую традицию и ос-

тался верен монархическим устоям до последнего вздоха. Слова «царизм», «интеллигенция» и другие говорят нам о том, что язык можно использовать для разрушения государства. Сейчас для этих же целей широко внедряется слово «чиновник», почти всегда с отрицательным смыслом, слово, которое при советской власти почти не использовалось в обиходе. Интересно, что власть предержащие, часто не очень сильные духовно люди, сегодня бездумно подхватывают его, не задумываясь о последствиях. И «стража русистов», филологи, и даже писатели, этого не замечают. Сергей Бехтеев шел наперекор разрушительным веяниям времени. Когда в 1911 году отмечался 100-летний юбилей Лицея, поэт работал в должности земского начальника родного Елецкого уезда. Такие посты, обычно, закрепляли за потомственными дворянами, что способствовало укреплению земского уклада — основы государства.

Как только в 1914 году началась война, Сергей Бехтеев не медля поступает на военные курсы. Получив эполеты корнета, зачисляется в лейб-гвардии кавалергардский полк и отправляется на Кавказский фронт. Корнет Бехтеев во всех схватках впереди. Война и опасность обогатили лиру поэта, так родились строки:

*Под Императорским Штандартом
Неслись бесстрашно в грозный бой.*

В одном из боев Сергей Бехтеев был ранен в голову. Отважного кавалергарда отправляют в дворцовый лазарет Царского Села. Здесь он удостоивается посещения Государыни Императрицы Александры Федоровны и Великих Княжон. Сестра Сергея Бехтеева Зинаида Сергеевна Толстая, супруга полковника кавалергардского полка Петра Сергеевича, тоже трудится в лазаретах Царского Села и становится близкой подругой Императрицы Александры Федоровны. В лазаретах работают вместе с матерью Натальей Алексеевной и другие сестры Сергея Бехтеева Екатерина, Наталья, Нина и Софья. Зинаида Сергеевна Толстая переписывалась с Царской семьей, когда та оказалась в ссылке. Сохранилось 11 ответных писем, присланных царицей Александрой Федоровной. Зинаида Сергеевна посылала в Тобольск и Екатеринбург посылки с подарками и продуктами.

На третий день после отречения Императора Сергей Бехтеев пишет смелое стихотворение «Николай II»:

Клятвопреступники, Вас кара неба ждет!

.....

*Предатели, рожденные рабами.
Свобода лживая не даст покоя Вам.
Зальете Вы страну кровавыми ручьями,
И пламя побежит по Вашим городам.*

Так пробил час лиры Сергея Бехтеева, поэта-пророка и поэта-воина. Он пробил тогда, когда интеллигенты и даже частично Церковный Собор приветствовали «благоверное временное правительство». В этом феноменальном помешательстве никто не расслышал голос пророчествующего поэта. Но скоро к власти придут «пломбированные» революционеры-душегубы, и почти все ликующие либералы сползут в кровавые ямы ГУЛАГа. Поэт за долго до трагедии своим творчеством пытался убедить, что монархия есть один из краеугольных догматов христианства и особенно Православия, а значит, и Государства. Кто не понимает миссии монархии в мире, есть, строго говоря, еретик, как бы он не был прекраснодушен. А, как известно, «языком еретиков говорит сам диавол».

Сергей Бехтеев ушел на Дон к рыцарям Белой мечты. На войне он провел в общей сложности шесть лет — с 1914 по 1920 гг. Девять лет Бехтеев прожил в Сербии. Сорок один год он прожил в России, а на чужбине 34 года. Умер в Ницце в 1954 году. На его надгробии выгравирована бесспорная надпись «Царский поэт». Такого звания не получал ни один поэт, ни в России, ни в мире.

В 1923 году в Мюнхене Сергей Бехтеев опубликовал книгу стихов «Песни русской скорби и слез». Большая часть изданных стихов была написана в 1917 году, а последнее в день святого Николая 6/19 декабря 1922 года. Поэт предварил сборник посвящением: «С чувством благоговейного умиления, неизменной преданности и пламенной веры в чудесный Промысел Божий посвящаю мой скромный труд Пресветлому Царю Страстотерпцу и Его многострадальной Августейшей Семье».

В 1996 году настоятель московского храма Святителя Николая в Пыжах протоиерей Александр Шаргунов, по образованию филолог-русист, со своим предисловием, издает под тем же названием сборник стихов Сергея Бехтеева, включив туда более поздние работы поэта 30–40-х годов. Так в предисловии Александр Шаргунов пишет о Сергее Бехтееве:

«С самого начала святость Государя Николая Александровича для него очевидна. В 1917 году еще до мученической кончины Царя, в его стихах Царь предстает, как мученик. Об отречении Царя он пишет с трепетом как о подвиге страстотерпчества. Как пророк, говорит он о значении православной монархии для судеб России. По дару Господню стихи Сергея Бехтеева — видение бодрствования, а не видение сна. Ощущение, что он вознесен куда-то и созерцает грядущее с небесной высоты. Голос поэта, трезвенный и мужественный, кажется безумием почти для всех его современников, потому что современники не понимают пророков».

И далее протоиерей Александр Шаргунов заключает:

«И откуда берется у него, отвергающего всякую мечтательность как дьявольскую ложь, откуда берется среди беспросветной ночи эта вера как у наших святых, в воскресение России «в лучах блистатель-

ного дня», если не от благодати Христовой? Его свидетельство подлинно и значительно для всей Церкви. Эти стихи дороги всем, кому дорога православная Россия и святой наш мученик царь».

Приведем отрывки одного из самых пронзительных, пророческих стихотворений поэта. Оно называется «Видение Дивеевской старицы» с припиской автора «Зима лихолетия 1917 года»:

*Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе,
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;*

*.....
Жарко лампада горит пред Иконой Святой
Старица Ксения на Образ с любовью глядит.
Шепчут уста: «О, Господь, заступись Ты за нас!
Гибнет Россия, крамола по царству растет;
Мучит нечистый простой православный народ»*

*.....
Смотрит и видит, молитву честную творя,
Рядом с Христом Самого Страстотерпца Царя.
Лик Его скорбен, печаль на державном Лице;
Вместо короны стоит Он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей —
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-царя...
Молится Ксения, смиренною верой горя.
«Боже великий, единый, безгрешный, святой,
Сущность виденья рабе бесталанной, открой;
Ум просветли, чтоб могла я душою понять
Воли Твоей недоступною мне благодать!»*

*.....
Старица Ксения во мглу, в беспредельность глядит.
Видит она — лучезарный, нездешний чертог;
В храмине стол установлен, стоит поперек;
Явства и чаши для званых рядами стоят;
Вместе с Иисусом Двенадцать за бражкой сидят,
И за столом, ближе всех, одесную Его
Видит она Николая, Царя своего.
Кроток и светел Его торжествующий Лик,
Будто Он счастье желанное сердцем постиг,
Будто открылись Его светозарным очам
Тайны, незримые нашим греховным глазам.
Блещет в алмазах Его драгоценный венец;
С плеч ниспадает порфиры червлёный багрец;
Светел, как солнце, державный, ликующий взор;*

*Ясен, безбрежен, как неба лазурный простор.
Падают слезы из стареньких, слепеньких глаз.
«Батюшка Царь, помолись Ты, Кормилец, за нас!»
Шепчет старушка, и тихо разверзлись уста;
Слышится слово, заветное слово Христа:
«Дщерь, не печалься; Царя твоего возлюбя,
Первым поставлю я в Царстве Святых у себя!»*

Старый Футог, 25 ноября 1922 г.

В конце стихотворения Сергей Бехтеев приводит следующее примечание:

«Описанное мною выше видение Дивеевской старицы было мне передано моим родственником Арцибушевым в г. Ельце в декабре 1917 г., куда он приехал прямо из Сарова, где он служил 6 декабря молебен о здравии Государя Императора, и где он лично виделся и говорил со старицей».

Духовное видение Дивеевской старицы, запечатленное Сергеем Бехтеевым, имеет значение для всего мира и говорит о том, что убийство Царя и его Семьи является главным событием в духовной истории человечества после крестных мук Христа Спасителя.

С точки зрения истории отечественной словесности явление поэта-пророка и поэта-воина Сергея Бехтеева, потомственного дворянина и лицеиста, оспаривает придуманный и восхваляемый малодуховный «серебряный век» русской литературы. Своим религиозным творчеством Сергей Бехтеев в XX веке продолжил дворянский пушкинский век русской словесности.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

Н.В. Гоголь

*Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова*

И.С. Аксаков

ПОЭЗИЯ

**Радован
КАРАДЖИЧ**

РОДИНА ТРЕБУЕТ ВОЛИ И ЖИЗНИ

Радован Караджич — родился в 1945 году в Петнице, Черногория. Окончил медицинский факультет Сараевского университета. Первый президент Сербской Республики в Боснии и Герцоговине (1992–1996). Поэт, драматург, прозаик, публицист. Автор книг для детей. Объявлен вне закона пронатовским «мировым сообществом». Выдан гаагскому трибуналу.

Военные башмаки

Стоит надеть военные башмаки,
Что словно свирепые псы,
Крепки и мощны,
Ждут тебя на пороге,
Тут же помимо воли своей
Ты снимешь ружье со стены
И отправишься в путь
По разбитой дороге.

Когда оружия час подступает,
Ночи героев, рыцарей дни,
Когда чужаки захватили отчизну,
И всюду ущерб и потери одни,
Родина требует воли и жизни:
И ты бредешь в башмаках, и они
Вместе с тобой на врага наступают.

На войне для тебя они ох как важны,
Блистательна роль башмаков тяжелых:
Чтоб ты пол вражьего войска рассеял,
А половину пленил,
Как охотник добычу, лучшую в жизни.
Чтоб мать и отца защитил от войны,
Драгану, Анку, Йованку, Соню,
Зорицу, Раду и всю свою школу,
И спортплощадки,
И лужайки, и грядки,
Словом — чтоб ты защитил отчизну.

Вот — ушли чужаки,
Мир наступает.
Целыми днями
 скучают военные башмаки.
Зевает один, другой засыпает.

Ждут, как верные псы, сурово —
Не засвищут ли пули,
 разрывая мир на куски,
Не тронешься ли на войну ты снова.

Перевод И. Голубниченко

Пир тишины

Тихо ложится краска на краску,
выпит глазами покой старины,
свет нас уводит в древнюю сказку,
наши жестокие души темны.

В дивном краю отчего мы застыли
пред совершенным таинственным ликом,

в зрелых чертах его мы уловили
взрыв от прозренья —
к последнему крику.

Новую силу в той вспышке добуду,
множество звуков сольются в аккорд

и воскресят первородное чудо,
ветхий чертог будет временем стерт.

Небытие к нашим дням прикоснется,
маятник уничтоженья пробьет,
новую музыку гибель кует,
звук темноты нам навстречу несется.

Перевод А. Базилевского

Мои права

Имею право на крохотное оконце —
Выход к Великому Белому Свету.

Через него

Я вижу урывками То или Это,
Вижу лишь птицу, не вижу стаю,
Вижу верхушку дерева, но не корень,
Слишком мало конкретного вижу,
Все больше мечтаю.

Поэтому шаг мой по камере неверен,
Ибо ни разу не видел я всей
Лазури.

Наполовину до пропасти путь отмерен,
Бич и тюремщик пасут
Половину другую.

Имею право, но неофициально,
Любить тебя украдкой,
И на плач право,
И право на плач имею,
Тихий, непрерывный:

Губы чуть вздрогнут, а сердце
Слезами исходит втайне.

О, этот плач сокровенный многого стоит.

Перевод И. Числова

Черная сказка

Чтоб я ослеп, на самом деле!
Как я хочу смотреть на вещи
Твоим касаньем — легким, белым...
Сдаюсь. Твой взор — да будет вещим.

Веди меня сквозь этот ужас,
Сквозь черную, дурную сказку,
О мученике, сыне, муже,
Тоскуй всей силой женской ласки.

Ну что с того, что я ослепну?
Весь ужас я впитаю взглядом.
Пусть только ночь звенит и светит —

Любому другу сердце радо.
Петух объявит всем на свете,
О чем молчу. Ты будешь рядом.

Перевод А. Базилевского

Петница (фрагмент)

Прошипела змея подколотная,
И слова расползлись заветные.

Дуб, у которого нас расстреливали,
Дуб, живая история,
Раскачивает тень пустую, нас оклика,
Протягивает ее нам вслед.

Долго он ждал ответа,
Долго искал нас взглядом,

Но все еще верит, что
мы где-то есть,

Утренняя бомба (фрагмент)

И сучьями машет.
Давно от меня отказались
Все альтруисты.
Глею, как сигарета на губе воспаленной:
Ищут меня повсюду —
А я, в засаде росистой,
Жду великого шанса

Пуститься вниз по наклонной,
Отринуть свое же право
И бросить утренней бомбой
Смех —
Я, человек одинокий,
Темного нрава.

Перевод И. Числова

Ноктюрн

Всю ночь шел снег.
Словно солнце — внезапно и скоро —
входит он
в ночные комнаты города.

Входит дух его, и аккорд
колыбельной и колокольчика

лишает город сна.
Все тихо и прозрачно,
как перед смертью.
Без сомненья, некто об этом знает —
он начеку, поверьте.

Перевод А. Базилевского

На вершине Дурмитора

Вот я опять карабкаюсь один,
Как призрак из томительных глубин,
Как по обету, не страшась расправы,
На тот утес. На камень древней славы.

Карабкаюсь единственным путем:
Со злом не разминуться нам вдвоем.
Налево — извивается гадюка.
Направо — пропасть.

Прямо — только Бог.

...Горят глаза, в которых свет и мука.
И — нет иных тропинок и дорог,
Как только ввысь, в распахнутую даль,
Сопрягшую надежду и печаль.

Здесь и шалфей —

Перунов щедрый дар;
Он был мечом разящим, чей удар
С души усталой ржавчину сгоняет

И искренне показывает — где,
Доступная лишь вере и звезде,
Два лика Бога высота скрывает.

Но почему срываюсь с кручи я?
Десятый век я предан бранным требам,
Повиснув меж землей небытия
И бесконечным небом.

Пусть замысел свой довершает Бог.
А мой удел — прорвав тщету молчанья,
Оттачивать рога, словно пророк.
О твердь небес, залитую сияньем,
И из осколков целое собрать.
Чтобы на ту скалу взойти опять
И оглядеть с вершины наконец
Родной простор:
Как отчим.
Как отец.

Перевод А. Голова

Родная РЕЧЬ

Игорь ИЗБОРЦЕВ ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 году в Пскове. В 1984 году окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ.

Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

*Здравствуй, племя
младое, незнакомое!...*¹

Читаешь эти строки и ощущаешь невольное желание ответно воскликнуть: «Здравствуй, Александр Сергеевич, дорогой и любимый поэт!» Увы, и самый горячий наш порыв не сумеет преодолеть бездну лет, разделяющую нас с его эпохой. Можно лишь, перефразируя слова поэта, с грустью констатировать: «Уж сколько лет ушло с тех пор — и много/ Переменилось в жизни...»² Много... Эпохи наши смотрят друг на друга и узнают едва... Со свойственной ему неумолимостью время нанизывает века на историческую ось, теряют ясные очертания многие события, тают, исчезают в дымке столетий человеческие лица, судьбы, свершения и победы, драмы и трагедии... Пушкин... Ужели и он скрывается от нас пеленой времени и образ его изглаживается на доске мироздания? Да нет же, нет! Лик его по-прежнему ясен и чист, изумителен и прекрасен — солнечный лик его поэзии, его художественного гения!

Безусловно, не только мнение своего поколения выражал Федор Тютчев, обещая: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет».³ Забыть Пушкина, не есть ли это — забыть самое себя? Ибо смыслы существования Руси-России настолько переплетены, связаны с Пушкиным, что пытаться разделять их — значит рубить по живому.

¹ А.С. Пушкин. «Вновь я посетил тот уголок земли ... », 1835.

² Смотри там же.

³ Ф. Тютчев. «29-е января 1837», май-июль 1837.

Воистину прав Александр Шмеман, сказавший, что Пушкин «в известном смысле создал Россию...», ибо убедительно и полно «воплотил ее в своем творчестве и тем самым как бы оформил и нам явил...»⁴

Да, Пушкин сумел увидеть, объять разумом и выразить гениальным художественным словом красоту и благозвучие исторического и метафизического бытия России. Мысль его проникала во все ее клочущие, кипящие бездны, пронзало водные глубины и, оттолкнувшись от дна Светлояра с дремлющим до времени Китеж-градом, воспаряла в исполненные ангельским пением небесные сферы; с гениальной очевидностью она доносила до нас эту удивительную гармонию сосуществования буйства энергий, неукротимости стихий с небесной святостью, высотой человеческого и государственного служения, свойственную, наверное, только Русскому миру, Русской цивилизации, Русской культуре...

Почти уж два столетия отделяют нас от Пушкина. Мир меняется и, увы, не к лучшему. Современный человек постепенно отказывается от высших смыслов бытия, теряет представление о действительно высоком, нравственном, прекрасном; ищет благоденствия лишь в мире вещей, денег, чувственных удовольствий и грубых наслаждений.

А ведь совсем еще недавно все было иначе. Вспомним, как в 20-х—30-х годах прошлого, XX-го, столетия, зачастую вопреки идеологическим препонам и барьерам, совершал прорыв к великому русскому классическому наследию наш народ. Миллионы провинциальных юношей и девушек стали читать Пушкина, Гоголя, Достоевского и в высочайших образцах национальной классики черпать для себя примеры к подражанию. Их идеалами стали: Татьяна Ларина, Онегин, Печорин, Андрей Болконский, Наташа Ростова... Можно говорить, что Пушкин и его творческие последователи посвятили всю нацию в дворянское достоинство, с его возвышенными представле-

А.С. Пушкин.
Акварель П. Соколова 1830-е гг.

⁴ Протопресвитер Александр Шмеман. «Пушкин — это наше все». // «Вестник РХД» (Париж), 1987, № 149.

ниями о чести, долге, любви к Родине и защите своего Отечества.⁵ Не здесь ли кроется одна из важнейших причин наших достижений и великих побед?

Да, государство всеми силами поддерживало это доброе народное влечение к чтению, к постижению высоконравственных начал человеческого бытия. Вспомним колоссальные тиражи классических произведений, массовые библиотеки, заполненные читателями, да и саму систему образования, заостренную на то, чтобы воспитать вкус читателя, прививать любовь к чтению...

В настоящее время всем этим, увы, никто не занимается, формирование читательского вкуса отдано на откуп деструктивной стихии массовой культуры. Деньги, извлечение мгновенной прибыли, сегодня, сейчас! — вот что теперь является определяющим фактором культурного процесса... А что же будущее? Каков будет новый человек, вышедшей в «завтра» из этого вавилонского котла? Будет ли он способен на подвиг, на жертву во имя своей страны, на любовь к своим ближним, согражданам, да на простое уважение, наконец? Что бы ответить, достаточно посмотреть на современных всеобщих кумиров — героев телесериалов, шоупрограмм и газетных хроник. На них и будут похожи обитатели нашего «завтра». И что тогда вести разговоры о борьбе с коррупцией, организованной преступностью, наркоманией? Лишь нравственно здоровый человек сможет противостоять этому вселенскому злу...

На что же надеяться? И есть ли основания к таковой надежде? Думается, что есть... Бесспорно, что современный человек пребывает в состоянии глубочайшего духовного кризиса. Но пока еще, слава Богу, читает Пушкина... И это «пока еще» позволяет ему оставаться человеком в подлинном смысле этого слова ибо, внимая национальному Гению, Пророку, он остается причастным и к его, Гения, пророческому служению. Смысл же пророческой миссии Пушкина Иван Ильин выразил в следующих словах: «принять русскую душу во всех ее исторических и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях; найти... выстрадать... и показать всей России достойный ее творческий путь, преодолевающий эти трудности.. и развязывающий эти узлы...»⁶

Поэт и поныне показывает России этот путь — «от разочарованного безверия — к вере и молитве; от революционного бунтарства — к... мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе — к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия к культу семейного очага».⁷

⁵ Смотри: *Панарин Александр* «Народ без элиты». М. 2006. С. 142-143.

⁶ *Ильин И.А.* «Пророческое призвание Пушкина», т. 6, кн. II, с. 47.

⁷ Там же, с. 50.

*И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!*⁸ —

Так он сам себе определил и назначил, во исполнение Божией воли и Божиего благословения. Услышим ли сей вещий глагол, ощутим ли эту исцеляющую сердечную боль? Услышим, если порадеем, чтобы хоть отчасти определяющими смыслами нашего бытия стали не жажда обогащения и наживы, мести и реванша и даже не жажда экономического и военного возрождения, но жажда духовная. Лишь «духовной жаждою томим», человек способен к исполнению своего истинного предназначения — духовно-нравственному строительству, созидающему и преображающему мир. Только духовная жажда увлекает человека ввысь, к небу, и лишь в этом устремлении раскрывается подобие человека своему Творцу, Богу...

«Сколько бы ни проходило лет, и не лет только, а столетий, удивительные слова пушкинского «Пророка» остаются как бы эпиграфом к судьбе человека на земле: «Духовной жаждою томим»...»⁹

Господи, даруй же нам эту духовную жажду и отверзи нам источники, ее утоляющие!

А. С. Пушкин.
Автопортрет на полях
черновой рукописи пятой главы
романа «Евгений Онегин». 1826

⁸ А. С. Пушкин «Пророк», 1826-1828.

⁹ Протопресвитер Александр Шмеман. Воскресные беседы. Париж. 1989. С. 8.

ПАМЯТОСЛОВ

Николай КОНЯЕВ

«В ВЕЧНОСТИ ВРАТАХ»

Коняев Николай Михайлович — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Пушкин для России не только великий поэт.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа...» — говорил Н.В. Гоголь.

Чудесным образом Пушкину удается соединить в своем творчестве высочайшую европейскую культуру, с ее культом самоценности человеческой личности, и русскую, возведенную на фундаменте Православия духовность, казалось бы, безвозвратно утраченную Россией после Петровских реформ. Исторически в поэзии Пушкина соединяются культура дворянская и культура народная, Святая Русь и Россия, выстроенная Петром и его преемниками.

А.С. Пушкин. Автопортрет

1.

...Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем

своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом, — говорил Ф.М. Достоевский. — Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего... Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшийся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные.

К перечню созданных Пушкиным «художественных типов красоты русской», которые приводит Ф.М. Достоевский, в первую очередь необходимо добавить и образ героя лирических стихов Пушкина, который как «тип красоты русской» так до сих пор, невзирая на обилие исследований, и не изучен.

Стараниями либеральной и революционно-демократической критики Пушкин объявлен законченным атеистом, декабристом и вольнодумцем. В подтверждение приводятся пушкинские тексты, но при этом упускается тот существенный момент, что атеизм, и даже декабризм, с которым Пушкина связывали личные, дружеские отношения, всегда оставались для Пушкина лишь материалом, из которого воздвигались совершенно не отвечающие задачам этой идеологии произведения. Гоголь говорил, что Пушкин «видел всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма — Богом».

А Достоевский, завершая знаменитую речь, сказал удивительные слова: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, меньше недоразумений и споров, чем видим теперь».

Мысль очень глубокая и точная. Она справедлива не только для лета 1880 года, когда была высказана, но и для наших дней, конца второго тысячелетия.

Вот только в отличие от Достоевского мы уже не можем сказать, что Пушкин «бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну». Сейчас, когда опубликован весь Пушкин, мы видим то тут, то там заботливо и мудро расставленные вешки, ориентируясь по которым мы, если и не постигаем саму тайну Пушкина, то видим, на отвержении каких усердно вдавливаемых в наши головы лжеистин строится наполненный горним светом мир пушкинской поэзии.

Такие вешки находим мы и в беглом упоминании в письме к Чаадаеву — дескать, «русское духовенство до Феофана было достойно уважения: оно никогда не осквернило себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформации в минуту, когда человечество нуждалось в единстве», — и в записи остроумного, на французском языке разговора с великим князем.

«Вы истинный член вашей семьи... — сказал Пушкин, — *tous les Romanof sond revolutionnaires et niveleurs* (все Романовы революционеры и уравниатели)».

Император Николай I

Подобных знаков, расставленных на пушкинских страницах, достаточно много, и мы останавливаемся на этих потому только, что именно они важны для дальнейшего повествования.

Феофан Прокопович из письма к Чаадаеву — видный деятель Петровской эпохи. Бывший иезуит, он составил по указанию Петра I «Духовный регламент», легший в основание учиненной Петром реформы Русской Православной Церкви. Отменной патриаршества — а заодно, по сути дела, и тайны исповеди — была сделана попытка подор-

вать саму основу, на которой стояла православная Русь.

Столь же существенно и замечание Пушкина по поводу революционности первых Романовых. Оно подчеркивает особую роль Николая I в прекращении этой самой революционности...

2.

Отношения Николая I и Пушкина в нашем рассказе обойти невозможно. Тем более что как государственный деятель Николай I пытался исполнить в управлении страной ту же роль, что удалось исполнить Пушкину в литературе. Не всегда осознанно, но достаточно последовательно Николай I пытался соединить империю с допетровской Россией, выправить разлом, образовавшийся в общественном устройстве в результате Петровских реформ.

Первым из Романовых Николай предпринял действенные шаги к возрождению Православия в его прежнем для России значении. Первым начал ограничивать своеволие и себя как монарха, и своих подданных.

Пушкин был посвящен в эти замыслы монарха и, как это видно из многочисленных воспоминаний, вполне сочувствовал им. Вообще, сама первая встреча царя с поэтом, та долгая беседа в Чудовом монастыре, что состоялась после возвращения Пушкина из ссылки,

произвела глубокое впечатление («...Нынче говорил с умнейшим человеком в России...») на императора. И на Пушкина. Встреча эта знаменует для Пушкина начало нового этапа жизни. И мы видим здесь зрелого, полностью освободившегося от юношеских мечтаний и заблуждений поэта.

Естественно, что приобретенное расположение государя породило немало завистников и врагов, число их увеличилось, когда стало понятно, что Пушкин окончательно порвал с вольтерьянскими и масонскими идеями. Клевета, сплетни, доносы обрушиваются на Пушкина. И это не странно, а закономерно, что люди, преследующие Пушкина, пытающиеся очернить его в глазах государя, противятся изо всех сил и осуществлению замыслов самого Николая I.

Разумеется, бессмысленно говорить о каком-то идеальном совпадении позиций царя и поэта, об отсутствии разногласий.

Строй политических идей даже зрелого Пушкина, — отметил Петр Струве, — был во многом не похож на политическое мировоззрение Николая, но тем значительнее выступает непререкаемая взаимная личная связь между ними, основанная одинаково и на их человеческих чувствах и на их государственном смысле. Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ».

Возникновению недомолвок, недоумений немало способствовали преследователи Пушкина, «жадной толпой стоящие у трона» и одинаково враждебные — подчеркнем это еще раз! — и самому Николаю I.

И все же духовная связь остается.

«Я перестал сердиться (на государя — *Н.К.*), — пишет 16 июня 1834 года жене Пушкин, — потому что он не виноват в свинстве его окружающих»...

«Знаю лично Пушкина, — говорит Николай I, — я его слову верю».

Таковыми же — пролетающими высоко над объятой бесовским возбуждением толпой — оказываются и слова последнего, заочного диалога Царя и Поэта:

«Прошу тебя исполнить последний долг христианина»...

«Мне жаль умереть... Был бы весь его...»

3

В 1880 году А.С. Пушкин написал стихотворение «Бесы».

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес вас водит, видно,
Да кружит по сторонам...*

Это слова ямщика. Ямщик первым обращает внимание героя стихотворения на неладность происходящего. Первым и истолковывает

смысл происходящего, и только тогда спадает пелена с глаз героя и он сам видит причину невольного страха, охватившего его:

*Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...*

Хотя по пушкинскому календарю — «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает // Последние листья с нагих своих ветвей...» — время кружения листьев наступает ранее ноября, у нас не было бы никаких оснований выискивать дополнительный смысл в сравнении, если бы речь в стихотворении шла о явлении видимого, дневного мира. Но поскольку бесы и есть бесы и материализация их происходит лишь в человеческих поступках и отношениях, духовное зрение человека, осязающего бесовщину, расширяется и захватывает в себя образы как нынешней, так и будущей жизни. При этом — естественно! — сам человек этого не осознает, настолько смутны эти образы...

Однако если мы рискнем и все же соотнесем образы «Бесов», написанных в 1830 году, с событиями ноября 1836 года, то помимо разосланных в ноябре анонимных листов, с гнусным пасквилем на Наталью Николаевну Пушкину и самого Александра Сергеевича Пушкина, мы обнаружим и другие странные совпадения.

*Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

Екатерина Николаевна Гончарова, вышедшая замуж за Дантеса, разумеется, не была ведьмой, как не был домовым и сам Александр Сергеевич Пушкин, но ведь не о домовом или ведьме открывшееся видение, а о мельтешении свивающейся в метельные столпы бесовщины...

Опять же, если и рискованно наше сопоставление прозрения героя стихотворения «Бесы» с событиями последней пушкинской зимы, то еще рискованнее рассматривать его просто как путевую заметку, как описание некоего случая, приключившегося в дороге.

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.*

.....

*Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...¹*

Все смутно и неявно в открывшемся сбившемся с дороги герою стихотворения видении, кроме того, что предстоит испытать ему самому...

Как пишет Николай Скатов в статье «Пал, оклеветанный молвой», события последних месяцев жизни Пушкина уже мало зависели и от его воли, и от воли участвовавших в них лиц, мутным сделалось вдруг небо...

Притязания Дантеса на новом витке возобновились только через много месяцев, а именно, уже осенью 1836 года. За это время Наталья Николаевна совершенно удалилась от света и благополучно — в мае — родила дочь, Пушкин благополучно и, как никогда, успешно работал, а Дантес благополучно преуспел в «ловле счастья и чинов», очень упрочив свое положение, так как стал «законным» сыном «так называемого» отца. Это тоже подогревало уверенность и во всех отношениях прибавляло гонора и амбиций.

К тому же притязания эти становились все более наглыми, так как все более вписывались в общую кампанию лжи и травли, которая, нарастая, велась против Пушкина — поэта, историка, журналиста, государственного деятеля, центрального явления русской национальной жизни. П.А. Вяземский недаром, правда запоздало, говорил о жутком заговоре, об **адских** сетях и кознях. Над изготовлением густого, все время помешиваемого варева, где будут и сплетни, и анонимки, и спровоцированные свидания, трудились опытные повара высшей квалификации. Собственно, Дантес там был всего лишь способным поваренком. Острых приправ и специй, конечно, не жалели. Да и кухня была обширной. Уж где Геккерны нашли поддержку, сочувствие и

*Наталья Николаевна Пушкина.
Рисунок в черновой рукописи поэмы
«Медный Всадник». 1833 г. Болдино*

¹ Здесь и далее курсив наш —

содействие — так это у Нессельроде. Сама Мария Дмитриевна был агентом, и ходатаем, и доверенным, и поверенным. Если можно говорить, а это показали все дальнейшие события, об антирусской политике «австрийского министра русских иностранных дел», то ее объектом так или иначе, рано или поздно, но неизбежно должна была стать главная опора русской национальной жизни — Пушкин.

Именно в семье увидели возможность ударить безошибочно, точно и больно.

«Супружеское счастье и согласие, — сказал сразу после гибели Пушкина Вяземский, — было целью развратнейших и коварнейших покушений ... чтобы опозорить Пушкиных».

Что касается Натальи Николаевны, то, видимо, полагали, что здесь следовало прежде всего во что бы то ни стало в ответ на притязания «любовника» добиться «взаимности». Началось подлинное преследование жены Пушкина с угрозами, угрозами и, наконец, прямым шантажом. Унизить и растоптать ее для того, чтобы превратить в посмешище его: сделать рогоносцем и ославить.

В ход пошло все.

4.

«С утра 28-го числа, — пишет В.А. Жуковский, — в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, передняя была полна приходящих... Число их сделалось наконец так велико, что двери прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего; мы придумали запереть дверь из прихожей в сени, задвинули ее залавком и отворили другую, узенькую, прямо с лестницы в буфет, а гостиную от столовой отгородили ширмами.... С этой минуты буфет был забит народом»...

На следующее утро напор публики возрос до такой степени, что Данзас вынужден был обратиться в Преображенский полк с просьбою выставить у крыльца часовых. Толпа народа забила всю набережную Мойки перед входом, и трудно было пробиться в квартиру...

В учебниках литературы стечение петербуржцев к дому умирающего поэта принято трактовать, как изъявление народной любви. Нет сомнения, что большинство петербуржцев привели на Мойку любовь к Пушкину, беспокойство и тревога за любимого поэта... Но все эти весьма похвальные чувства при смешении с толпой превращались в противоположное любви и состраданию любопытство, жажду каких-либо событий, смутное стремление протестовать.

П.И. Бартенев пишет, что граф А.Г. Строганов, приехав к Пушкиным, увидел там «такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупредил отца своего не ездить туда».

Впечатление Строганова, разумеется, излишне категорично, но, с другой стороны, ни в чьих записках не найдем мы указания, что Пушкин испытывал хоть какое-то утешение от столь массового праздного и назойливого любопытства толпы.

Да и странно, противоестественно, если бы было иначе.

Границу между собой и толпою, жаждущей от поэта, чтобы он говорил на ее языке, на уровне ее понимания, Пушкин всегда проводил четко и решительно:

Пушкин в гробу. А.А. Козлов. 1837(?)

*Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!..
Не для житейского волненья.
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

Тем более никакого дела до толпы не могло быть у Пушкина сейчас, когда душа его готовилась предстать у вечности в вратах. Все тайное и сокровенное, что происходило в эти минуты с Пушкиным, было бесконечно далеко от теснящихся на Мойке людей.

Преданный Данзас предлагает Пушкину себя в качестве мстителя Геккернам.

— Требую, — отвечает Пушкин, — чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином.

Было искушение — врачи позабыли назначить болеутоляющее! — избавиться от нестерпимой боли выстрелом из пистолета.

Но и этого несчастья, теперь уже с помощью Данзаса, удалось избежать...

Мы говорим только о явных, документально зафиксированных искушениях, которым подвергался Пушкин в последние часы жизни.

И вот — странное дело! — по мере того как отвергает Пушкин все предлагаемые ему образы искушений, необыкновенно возрастает волнение окружающих.

Забаррикадированная дверь из прихожей в сени — символ.

Все труднее становится сдерживать злое нашествие... Станные, непривычные черты начинают проступать и в близких людях.

«Все население Петербурга, и в особенности чернь и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждало отомстить Дантесу. Никто — от мала до велика — не желал согласиться, что Дантес не был убийцей. Хотели расправиться даже с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить», — свидетельствовал доктор С. Моравский.

В этом свидетельстве тоже присутствует излишняя категоричность, но настроение толпы передано верно.

Общее волнение нарастало конвульсивно и непредсказуемо, грозя вот-вот перевалить через критическую точку...

Князь Вяземский вспоминает, что, исполняя просьбу графа Ш. показать знаменитый портрет Кипренского, отворил дверь в соседнюю комнату и спросил у находящейся там графини Ю.П. Строгановой, можно ли исполнить просьбу. Вместо ответа Строганова вскрикнула и побежала сообщить, что шайка студентов ворвалась в квартиру для оскорбления вдовы.

Юлия Петровна Строганова не ограничилась истерикой. Она написала записку графу Бенкендорфу, чтобы тот прислал жандармов для «охранения вдовы от беспрестанно приходивших студентов».

Волнение, путаница, растерянность и бестолковщина нахлестывали друг на друга, бесконечно усиливаясь порою и приобретая самые жуткие очертания.

Тело Пушкина решено было перенести в храм Спаса Нерукотворного Образа не днем, а в полночь...

«После смерти Пушкина, — писал П.А. Вяземский, — я находился при гробе его почти постоянно до выноса тела в церковь, что в здании Конюшенного ведомства. Вынос тела был совершен ночью, в присутствии родных Н.Н. Пушкиной, графа Г.А. Строганова и его жены, Жуковского, Тургенева, графа Вельегорского, Аркадия Ос. Россети, офицера Генерального штаба Скалона и семейств Карамзиной и князя Вяземского. Вне этого списка пробрался по льду в квартиру Пушкина отставной офицер путей сообщения Веревкин, имевший по объяснению А.О. Россети, какие-то отношения к покойному. Никто из посторонних не допускался. На просьбы А.Н. Муравьева и старой приятельницы покойника графини Бобринской (жены графа Павла Бобринского), переданные мною графу Строганову, мне поручено было сообщить им, что никаких исключений не допускается. Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, в сопровождении около двадцати штаб- и обер-офицеров присутствовал при выносе. По соседним дворам были расставлены пикеты. Развернутые

вооруженные силы вовсе не соответствовали малочисленным и крайне смирным друзьям Пушкина, собравшимся на вынос тела».

5.

В храм на отпевание пускали только по билетам.

Присутствовал весь дипломатический корпус, многие сановники.

Служили архимандрит и шесть священников.

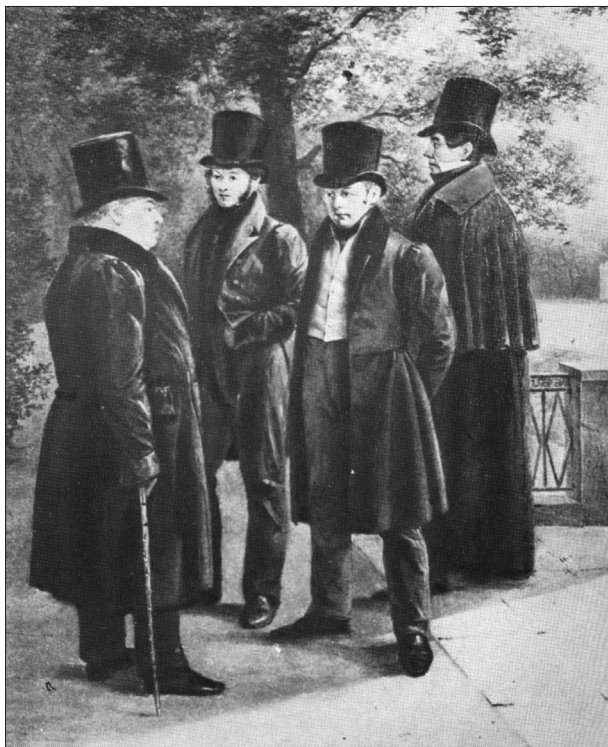
Однако и тут не обошлось без конфузов — у князя Мещерского в давке надвое разорвали фрак.

Кстати сказать, А.И. Тургенев, сообщивший эту подробность в день отпевания в письме А.И. Нефедьевой, за несколько дней пути — он сопровождал тело Пушкина в Святогорский монастырь — успел переосмыслить ее и в Тригорском рассказывал Осиповым, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки, и покойник оказался «лежащим чуть не в куртке».

После отпевания И.А. Крылов, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский и другие литераторы подняли гроб и понесли его в склеп, расположенный внутри двора.

Со стороны это выглядело так:

«Долго ждали мы окончания церковной службы; наконец на паперти стали появляться лица в полной мундирной форме; военных было немного, но большое число придворных... В черных фраках были только лакеи, следовавшие перед гробом... Гроб вынесен был на улицу посреди пестрой толпы мундиров и салопов... Притом все это мелькнуло перед нами только на один миг. С улицы гроб

*И.А. Крылов, А.С. Пушкин,
В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич.
Картина Г.Г. Чернецова. 1832.*

тотчас же вынесен был в расположенные рядом с церковью ворота в Конюшенный двор, где находился заупокойный подвал»...

Пушкин уже скрылся в вратах вечности, а возле тела его все еще продолжалось какое-то беснование.

Резали у покойного волосы, вкладывали перчатки в гроб...

«А дамы, — пишет в своих воспоминаниях М.Ф. Каменская, — так даже ночевали в склепе, и самой ярой из них оказалась тетушка моя, Агр. Фед. Закревская. Сидя около гроба в мягком кресле и обливаясь горячими слезами, она знакомила ночевавших с нею в склепе барынь с особенными интимными чертами характера дорогого ей человека. Поведала, что Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревнует ее за то, что она занималась с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь. И тетка с гордостью показывала любопытным барыням повыше кисти видные еще следы глубоких царапин...»

И тут, как и в воспоминаниях А.И. Тургенева о разорванном фраке, не так уж и важна точность деталей. Неважно, рассказывали ли А.Ф. Закревская над гробом именно эту историю или какую-то другую. Важно, что склеп храма Спаса Нерукотворного Образа превратился в эти дни в некий клуб, где бурлили над гробом Пушкина в отчаянном бесовском возбуждении неуголенные страсти и воспаленные самолюбия... И тем сильнее клубились они, что человек, на которого должны были обрушиться они, уже не доступен был им.

Среди многочисленных документов, связанных с похоронами Пушкина, кажется, только один стоит как бы в стороне от неприлично оживленной скорбной толкотни.

«1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсион и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступлении на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т. Император Николай».

И вроде и намека нет на живое чувство в намеренно суховатом перечне, но почему-то боли от невосполнимой потери, живого сострадания семье Пушкина здесь больше, чем в самых прочувствованных соболезнованиях.

Повторяю, что «записка» резко выделяется из бесчисленных воспоминаний и свидетельств о похоронах Пушкина.

Такое ощущение, словно в недоступной высоте звучит голос императора, но уже некому откликнуться на него...

6.

Пушкин завещал похоронить себя в Святогорском монастыре, где было приобретено им место.

И вот, наконец, готово было все, чтобы отправиться в неблизкий путь.

«3 февраля в 10 часов вечера, — пишет В.А. Жуковский, — собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас оставалось от

Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани, сани тронулись; при свете месяца несколько времени я следовал за ними; скоро они поворотили за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих»...

В последний год жизни А.С. Пушкин написал знаменитое стихотворение, в котором, давая оценку своего творчества, подытоживая пройденный путь, окончательно определил и отношение к атеизму:

*Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

А начинается это стихотворение 1836 года строкою: «Я памятник себе воздвиг **нерукотворный**...»

Совпадение с названием храма, в котором вскоре будут его отпевать, — Спаса **Нерукотворенного** Образа, случайное, но, как и все случайные совпадения у Пушкина, наполнено весьма глубоким и отнюдь не случайным смыслом.

Если же соотнести содержание третьей и четвертой строф с тем, что происходило на Конюшенной площади 1 февраля 1837 года, то обнаружатся и другие разительные совпадения, переходящие в некоторых воспоминаниях почти в цитаты из стихотворения.

Опять же, и Александрийский столп, выше которого возносится своей главою нерукотворный памятник, оказывается — он рядом с Конюшенной площадью! — еще и довольно точной географической координатой события.

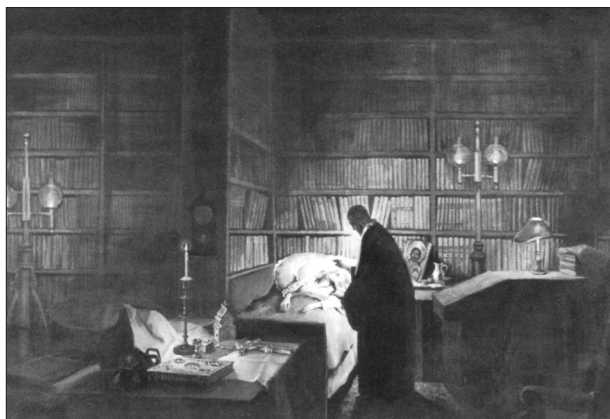
Все эти случайные совпадения обретают свою пророческую неслучайность, совмещаясь со «случайным» выбором священника для исповеди и последнего причастия, «случайным», продиктованным волею обстоятельств назначением храма для отпевания... И понятно, что происходить подобные «случайности» могут только в мире, где само вдохновение поэта подчинено Божией воле.

*Тайный увоз тела А.С. Пушкина
в Святогорский монастырь.
Этюд А. Наумова. 1894*

Завершая рассказ об отпевании А.С. Пушкина в храме во имя Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади, надо сказать и о дальнейшей судьбе храма, чудесным образом связанного с Пушкиным гораздо глубже, чем представляется рационалистическому сознанию.

После Октябрьской революции Храм Спаса Нерукотворенного образа перешел в ведение Авто-Конюшенной Базы Рабочего и

«Две молитвы — разрешающая и разрешительная. Диптих В. Янтарёва

Крестьянского Правительства. Казалось бы, судьба его была решена, но имя поэта, которого отпевали здесь, на первых порах сумело защитить храм от поругания. ВЦИК передал церковь со всем ее имуществом, в ведение Пушкинского Дома Российской Академии Наук.

Пушкинский Дом, приняв Церковь, немедленно назначил для

охраны ее и всего заключающегося в ней имущества гр. Ф.И. Знаменского — так, на языке советских канцелярий звался теперь настоятель храма Спаса Нерукотворенного образа, протоиерей отец Федор.

К 1923 году священнического стажа отца Федора было уже двадцать семь лет. Если приплюсовать к нему стаж отца и деда, получалось 133 года семейного священства...

Перелистываешь документы, связанные с отцом Федором, и все время мелькают имена святителя патриарха Тихона, священномученика митрополита Вениамина...

А вот интересная фотография... Судовой священник Федор Иванович Знаменский запечатлен на ней в строю морских офицеров... Он склонился в поклоне, и целует руку императрицы.

Почему фотограф запечатлел именно этот момент встречи Ее Величества на борту императорской яхты «Штандарт»? Право же, склонившийся перед дамой морской офицер выглядел бы гораздо уместнее и красивее, а священник выглядит в этом положении несколько карикатурно... Но, может быть, именно этой полуфельетонной «живинки» и добивался неведомый нам фотограф?

Может быть...

Только мы, смотрящие на эту фотографию из другого тысячелетия, видим, что не просто перед дамой склонился в поклоне священник Федор Знаменский, не просто у императрицы целует он руку, а у Святой, прославленной Всей Русской Православной Церковью...

И сразу, прямо на глазах, рассеивается фельетонность, и в жанровой, исполненной в лучших традициях передвижнического обличительства фотографии, проступают очертания иконы...

«Протоиерей Ф. Знаменский — достойный носитель пастырского долга, — писал в 1921 году, адресуясь к святителю, патриарху Московскому и всея России Тихону, непосредственный начальник о. Федора протопресвитер Александр Дернов. — Он сплотил прихожан вверенного ему храма в тесную приходскую семью; он охранял самый храм и прилегающие помещения, он сумел сберечь весь прежний истовый порядок и благолепие богослужений, он сумел спасти и сберечь церковное имущество закрытых соседних церквей... Но не в этой только стороне видит о. Знаменский главную свою задачу, а и в наставлении, укреплении прихожан в доброй христианской жизни, он учит и наставляет их в деле спасения своею проповедью и подвигом личного примера... **От его личных трудов, по собственному признанию прихожан, они учились жить и работать не на показ, а для Бога».**

«Две молитвы — разрешающая и разрешительная. Диптих В. Янтарёва

Нужно ли сомневаться, что уничтожить Храм безбожники из Конного Отряда Петроградской рабоче-крестьянской милиции могли только, уничтожив и его настоятеля...

Так и получилось.

Первый раз арестовали отца Федора в 1923 году, несколько месяцев он просидел в тюрьме, был осужден, кажется, только за то, что в его квартире было найдено слишком много икон и церковных облачений. И напрасно отец Федор говорил о 133 годах семейного священства, за которые и накопилось столько икон и облачений... Он был осужден на один год лишения свободы.

Не надо обольщаться мягкостью приговора...

Скоро отца Федора арестовали вновь, и в заседания Тройки ПП ОГПУ в ЛВО 10 февраля 1931 года было постановлено — «№ 24. Знаменского Ф.И. — расстрелять. Имущество конфисковать».

В 1923 году, как раз на столетие своего освящения, храм был закрыт, и ключи от здания переданы отряду конной милиции.

Как рассказывает нынешний настоятель храма протоиерей Константин Смирнов, лихие кавалеристы пашками изрубили иконостас, сожгли архив церкви, а в самом храме устроили клуб для танцев.

Бесовщина, что смутно и невнятно бродила по толпам людей, собравшихся к квартире Пушкина в январские дни 1837 года, и побуждала к какому-то иррациональному протесту, обрела теперь материальную плоть.

Церковь Спаса Нерукотворного Образа. Современный вид

Следы действия этой бесовщины нетрудно обнаружить на страницах многочисленных исследований и школьных учебников, посвященных Пушкину. Отменить Пушкина восторжествовавшая бесовщина не могла, но сделать его как бы похожим на самое себя — пыталась, и пыталась безуспешно...

Новая Россия знала Пушкина — друга декабристов, Пушкина — автора «Гаврилиады» (всего лишь приписываемой ему), но Пушкина — друга царя, Пушкина автора глубочайших по религиозному чувству стихотворений:

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлежать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,*

*Сложили множество божественных молитв,
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

— мы забывали...

В 1937 году, когда уже сто лет жила Россия без Пушкина, клуб в храме закрыли, и здесь, в связи с перегруженностью ленинградских тюрем, некоторое время работал «приемный пункт» ГУЛАГа.

Люди заходили в храм, сдавали в окошечко документы и через алтарь уходили во внутренний двор... Кто на пять, кто на десять лет, а многие, чтобы уже не вернуться оттуда никогда...

После войны в самом храме разместился институт «Гидропроект», а прицерковные помещения заняло проектное бюро тюрем Управления внутренних дел. В алтаре и ризнице были размещены тогда туалеты...

К 12 июля 1991 года, когда храм Спаса Нерукотворного Образа был возвращен Русской Православной Церкви, здесь уже почти ничего не напоминало о храме...

Но храм возрождался.

И это касалось не только реставрационных работ...

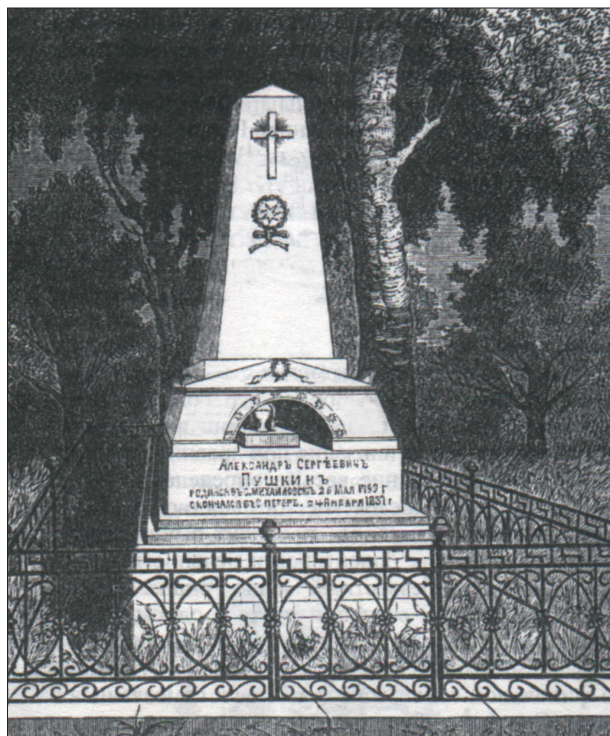
В 1995 году, когда по благословению покойно-

Настоятель церкви Спаса Нерукотворного Образа протоиерей Константин Смирнов

го владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского было создано Православное общество писателей Санкт-Петербурга, в Уставе которого сказано, что «Общество ставит своей целью возвращение русской интеллигенции в ее родной дом — Русскую Православную Церковь, воцерковление культуры, создание новых произведений художественной литературы, достойно продолжающих православные традиции мастеров русской классической литературы. Основой объединения — является исповедание православной веры и основанное на ней мировоззрение, профессионализм...», митрополит Иоанн назначил духовником Общества настоятеля храма Спаса Нерукотворенного Образа, протоиерея Константина Смирнова...

9.

*Памятник на могиле А.С. Пушкина
в Святогорском монастыре.
Гравюра. «Газета А. Гатцука». 1880*

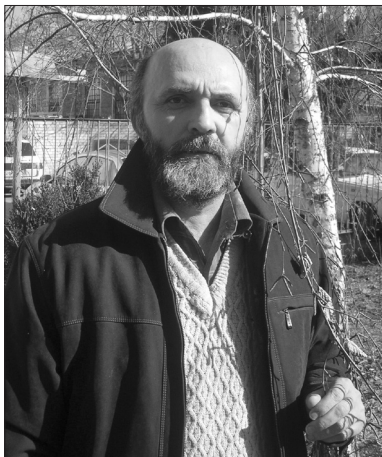
И вот прошло десять лет, и сейчас, когда поднимаешься по лестнице мимо картин, на которых изображена последняя исповедь А.С. Пушкина и отпевание его, когдаходишь в храм, видишь, что все здесь так, как было 1 февраля 1837 года, когда Пушкин предстал у «вечности в вратах»...

«Сорок шесть часов он мучился, чтобы исповедаться, причаститься и сказать, что хочет умереть христианином и прощает всех. Лермонтову не дано было, а Пушкину — дано. Я, как христианин, рад, что ему была дана эта возможность, которая является свидетельством

особой любви Господа»... — говорит в проповеди нынешний настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа протоиерей Константин Смирнов.

И каждый год 6 июня и 10 февраля совершаются здесь торжественные панихиды по А.С. Пушкину.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

ПЕЧАТЬ БЕССМЕРТИЯ НА ВСЕМ

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. Университета. Автор восьми поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

* * *

Вослед прошедшей нищенке любой
Болит душа, как рана ножевая.
Но как отрадно сквозь тоску и боль
Подумать о душе своей: «Живая».

МАТЬ

Там, где сквозь огнедышащий чад
Солнце на ночь в ущелье свалилось,
Сын погиб...

Чтоб донянить внучат,
Мать на время живой притворилась.

БЛАЖЕННЫЙ

Смотрит ясно, ходит боком,
Через грудь — ремень сумы.
Да, он тронутый. Но Богом,
А кем тронуты все мы?

* * *

Из всех блаженств
мне ближе нищета.
Она со мной
и в летний день, и в стужу.
Она тяжка. Но тяжестью пита,
Надежно защищающего душу.

КОЗЕЛ

С утра на привязи надежной
Козел пасется на лугу.
Травы достаточно в кругу,
И сыт козел, как только можно.

Но бородатому злодею
Неймется все. И потому
Веревка шелковая в шею,
Как нож, врезается ему.

От боли глаз ползет под веко,
И в горле горечи рассол,
И в сердце злота...
О, козел!

Как ты похож на человека.

* * *

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...

БОГАТСТВО

Огород к речушке. В хате
Столик с Библией. Скамья.

Полдень... Книга Бытия...
Разве этого не хватит?

* * *

Сердцу грустно, духу нище.
Жизнь права, и смерть права.
Лето. Сельское кладбище.
Ни крестов, ни звезд. Трава.

Но среди травы могильной,
Бледен, тонок и высок,
Колосок — гербом фамильным.
Тонкий, хлебный колосок...

* * *

Приходят мысли, но не те,
Которым радоваться можно.
Сияют звезды в высоте,
А на земле темно, безбожно.

Кто я, сидящий у воды,
Пекущий до утра картошку,
Когда с той звездной высоты
Россия кажется с ладошку?

* * *

Спустился тихий вечер летний,
И только там лишь плеск волны,
Где загорелые, как негры,
Таскают бредень пацаны.

А вон тот луг, где сено косим.
Вон балка, где коров пасем.
...Прозрачным крылышком стрекозым
Печать бессмертия на всем.

* * *

Как ликует заграница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени.

А мы встали на колени
Помолиться перед боем...

* * *

Первые седины в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови словно нитки. А в глазах —
Ничего, похожего на душу.

И стоит, румянами горя,
«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катька-полстакана», «Катька-шлюха».
Катя... Одноклассница моя...

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила укладкой,

Но все-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.

* * *

Прохожу. На калитке одной
Надпись краскою «Злая собака».
И действительно: взгляд ледяной,
Холка волчья и зубы. Однако
Отворяет калитку малыш,
Года три ему, может, чуть больше,
И верхом на собаку! О Боже!

Мальчик, будто на кротком осле,
На цепном кобеле восседает.
Ничего он не знает о Зле,
И собака его не кусает.

КОМБАЙНЕР

В пыльной куртке из холстины,
В сапогах и пыльной кепке
Мягко прыгнул из кабины
Человек — большой и крепкий.

И тряпицею в мазуте
Человек свои ручищи
Тер, не зная, что, по сути,
Нету рук на свете чище.

МУЖИЧОК

Сидит, дымит махоркою
Небритый мужичок,
Глядит с улыбкой горькою
На свой земли клочок.

Пока он на завалинке,
В нем силы — на щепоть,
Но встанет этот маленький —
Не приведи, Господь!..

* * *

А седые ковыли —
Оселедцы, не иначе:

За какой не потяни —
Череп вытащишь казачий...

* * *

Однажды после пьянки
Проснешься сер и хмур,
В окно посмотришь: янки
На завтрак ловят кур.

Чужим гортанным смехом
Буравят тишину,

И тащат на потеху
В сарай твою жену.

Взлетают крик и перья,
Кровавится рассвет,
А у тебя с похмелья
Подняться силы нет.

* * *

Может, радость моя не уместна
Средь насилья, разврата и лжи,
Но поверил я в то, что известно
Всему свету — в бессмертье души.

Но, увы, коротка моя радость.
Снова веру сомненья сомнут,
Но надолго запомню я сладость
Этих нескольких в жизни минут.

В ПИВНОЙ

«Иди отсюда, времени не тратя, —
Мне шепчет бес, —
иди, твори в тиши.

Тебе не пара эти алкаши». —
И Бог мне говорит: «Иди, пиши,
Но только помни: это твои братья».

* * *

Солнце встало. Как и надо
Голубеют небеса.
Похмеленная бригада
«С матом» лезет на леса.

Истопник глядит и злится,
И от зависти томится, —
Тлеет «прима» на губе.
А в котле смола курится...

А прораб, слюнявя челку,
Плотью чужа блудный гон,
Голоногую девчонку
Тащит в вахтовый вагон.

Глянь, Господь, что тут творится.
Это строят храм Тебе.

ПОБЕДА

Был день Победы взрывом счастья,
В нем гасла даже боль потерь.
Стучали радостно и часто
Сердца людские. А теперь?

Идут года, а с ними беды —
Как из прорвавшейся сумы.
И чем мы дальше от Победы,
Тем к пораженью ближе мы.

* * *

Необычная эпоха,
Несуразные года!
У любого спросишь: «В Бога
Веришь?» Сразу скажет «да».
Отчего ж ворон, как грязи?

Да и шлюх — неупорот.
Он таким быть должен разве,
Православный мой народ?

Не хочу писать пространно.
Только странно. Очень странно.

* * *

Я наследник любви и печали
Моих предков в аду и в раю.
То не гуси в ночи прокричали —
Предки Душу узнали мою.

Я не вырвусь из этого круга,
Круга вечной любви и родства.

Леденеет ночная округа,
И хрустит под ногами листва.

И не полнись, душа моя, страхом.
И ты, сердце, не бойся: «А вдруг?»
Никогда не рассыплется прахом
Этот вечностью замкнутый круг.

Состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

24-29 июня 2008 г. в Москве в Храме Христа Спасителя состоялся Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, ознаменовавшийся большим числом участников — в его работе приняли участие 183 архиерея и впервые в их числе были иерархи Русской Православной Церкви за границей.

Перед началом работы Архиерейского Собора в Храме Христа Спасителя была совершена Божественная Литургия, по окончании которой Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ прочитал молитву, в которой призвал благословение Божие на труды Собора.

По давно сложившейся традиции в первый день работы Архиерейского Собора Предстоятель Церкви выступает перед собравшимися иерархами с докладом, в котором дает оценку аспектам церковной жизни.

В этот раз Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ в начале своего доклада отметил, что 2008 год ознаменован празднованием 1020-летия Крещения Руси, датой, которая обращает наш мысленный взор «к единой киевской купели крещения, в которой в десятом веке приняли спасение и получили дары Святого Духа народы, окормляемые ныне Русской Православной Церковью».

Храм Христа Спасителя. Открытие Архиерейского Собора

Утром 25 июня и каждый день перед началом работы Архиерейского Собора в Храме Христа Спасителя совершались Божественные Литургии, за которыми молились участники Архиерейского Собора.

25 июня на очередном пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви с докладом «Украинское Православие на рубеже эпох. Вызовы современности, тенденции развития» выступил Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины ВЛАДИМИР. С докладом о современной церковной ситуации в Республике Молдова выступил митрополит Кишиневский и всея Молдавии ВЛАДИМИР.

Также с докладом выступил недавно избранный Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей, митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский ИЛАРИОН.

В этот день также прошли заседания пяти рабочих групп, согласно утвержденному регламенту Собора. Ректор Санкт-Петербургской Православной духовной академии архиепископ Тихвинский КОНСТАНТИН принял участие в работе третьей группы: «Духовное образование и просветительская деятельность Церкви». В группе обсуждались вопросы духовного образования, катехизации и образовательной деятельности Церкви. С докладами в группе выступили — Председатель Учебного Комитета РПЦ, ректор Московской духовной академии архиепископ Верейский ЕВГЕНИЙ; ректор СПбДА, архиепископ Тихвинский КОНСТАНТИН; Председатель Учебного Комитета УПЦ, ректор Киевской духовной академии, епископ Бориспольский

АНТОНИЙ; архиепископ Криворожский и Никопольский ЕФРЕМ; Председатель Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ, архимандрит ИОАНН (Экономцев).

В своем докладе «Жизнь Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии в межсоборный период (2004-2008 гг.)» ректор СПбДА, архиепископ Тихвинский КОНСТАНТИН отметил, что важнейшим событием жизни Санкт-Петербургской Духовной Академии в межсоборный период стало празднование в 2006 году 285-летия со времени основания и 60-летия возрождения Петербургских Духовных школ. 25 сентября 2006 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ посетил Духовные школы во время своего визита в Санкт-Петербургскую епархию. Святейший Патриарх совершил благодарственный молебен в честь знаменательного юбилея и чин малого освящения храма после капитального ремонта, проведенного в СПбДА.

Архиепископ Тихвинский Константин читает доклад «Жизнь Санкт-Петербургской Духовной Академии в межсоборный период (2004–2008)»

Также Владыка отметил, что в этот период Санкт-Петербургская Православная духовная академия активно участвовала в проведении реформы духовного образования: состоялся первый выпуск реформированной академии, были повышены требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Архиепископ КОНСТАНТИН обратил внимание, что «за последние несколько лет в связи с введением практики предзащит кандидатских диссертаций и привлечением

внешних рецензентов уровень диссертационных работ значительно повысился, некоторые из них по своему уровню превосходят даже прежние магистерские диссертации, защищавшиеся когда-то в ещё не реформированной Академии. Ныне возросло не только качество, но и количество защищаемых диссертаций. Все это позволяет говорить о том, что реформа духовного образования в Русской Православной Церкви уже приносит ощутимые плоды.

В Санкт-Петербургских духовных школах:

— в 2003-2004 учебном году было защищено 13 кандидатских диссертаций;

— в 2004-2005 учебном году было защищено 16 кандидатских диссертаций;

— в 2005-2006 учебном году было защищено 30 кандидатских диссертаций;

— в 2006-2007 учебном году была защищена 31 кандидатская диссертация;

— в 2007-2008 учебном году было защищено 30 из 40 поданных кандидатских диссертаций; следует подчеркнуть, что это очень много, учитывая резко возросшие требования к уровню работ; достаточно сказать, что 10 диссертаций было отправлено на доработку.

Также Владыка отметил, что «по окончании Семинарии учащиеся сдают выпускные экзамены и защищают выпускную квалификационную (дипломную) работу. Дипломную работу воспитанники

*Дискуссия в группе «Духовное образование
и просветительская деятельность в Церкви»*

Семинарии начинают писать уже на 4 курсе... Научный руководитель пишет отзыв на дипломную работу, а рецензент — рецензию. Защита дипломных работ происходит на заседании Ученого совета Академии. Следует подчеркнуть, что уровень некоторых дипломных семинарских работ сейчас оказывается даже выше, чем уровень прежних, защищавшихся в ещё не реформированной Академии кандидатских диссертаций».

Ректор СПбПДА рассказал о создании Межвузовской Ассоциации духовно-нравственного воспитания «Покров», целью создания которой стало возрождение традиций духовно-нравственного просвещения и воспитания, а также организация социального служения молодежи. Её учредителями выступил ряд ведущих вузов Санкт-Петербурга, а в настоящее время в работе Ассоциации «Покров» принимают участие представители 40 вузов Санкт-Петербурга — гражданских и военных, что делает ее одним из наиболее заметных в Санкт-Петербурге общественных объединений. Президентом Ассоциации избран Ректор СПбПДА Архиепископ Тихвинский КОНСТАНТИН.

Ещё одним значимым событием в жизни не только наших Духовных школ, но и всего Петербурга и всей Ленинградской области было по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА, при участии научной общественности, священнослужителей и богословов открытие первого в России народного православного университета. Существует ВУЗовское благочинье, в которое входит 15 университетских приходов.

Подводя итог выше сказанному, Архиепископ КОНСТАНТИН отметил, что «ныне Санкт-Петербургские Духовные школы переживают подлинный расцвет. И все члены профессорско-преподавательской корпорации, все учащие и учащиеся прикладывают все усилия к тому, чтобы оказаться достойными того высокого служения, которое возложено на нас Господом».

В пятницу в Храме Христа Спасителя состоялось заключительное пленарное заседание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2008 года. Был принят ряд итоговых документов Собора — «Положение о внутренней и внешней жизни Церкви», в котором намечены основные направления дальнейшей деятельности Церкви, а также «Обращение к верным чадам» — послание Собора, которое будет распространяться во всех приходах и монастырях Русской Православной Церкви.

Кроме того, на состоявшемся в пятницу девятом заключительном пленарном заседании было принято соборное решение о прещении в отношении епископа Чукотского и Анадырского ДИОМИДА. Пресвященные архипастыри рассмотрели и приняли два основополагающих документа: «Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)» и «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

В субботу 28 июня, в день памяти святителя ИОНЫ, Митрополита Московского, чудотворца, в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля был совершен благодарственный молебен, приуроченный завершению трудов Архиерейского Собора, а также началу празднования 1020-летия Крещения Руси. В завершении молебна Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II прочитал благодарственную молитву по окончании Архиерейского Собора. От лица Архиерейского Собора Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ с завершением Архиерейского Собора и началом торжеств в честь 1020-летия Крещения Руси поздравил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР.

После молебна в Успенском соборе Московского Кремля, в 12.00 в Государственном Кремлевском дворце состоялись торжественный акт и концерт, посвященные началу празднования 1020-летию Крещения Руси. Торжественный акт открыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ II. Затем с приветственной речью выступил премьер-министр Российской Федерации В.В. ПУТИН.

29 июня, в праздник Всех святых, в земле Российской просиявших, Святейший Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ возглавил Божественную Литургию в Кафедральном Соборном Храме Христа Спасителя в сослужении иерархов, участвовавших в Архиерейском Соборе.

По окончании Литургии Его Святейшество совершил благодарственный молебен, посвященный празднику Всех святых, в земле Российской просиявших, и 1020-летию Крещения Руси. На молебен прибыл Президент России Д.А. МЕДВЕДЕВ с супругой. В торжествах также приняли участие глава Администрации Президента С.Е. НАРЫШКИН, заместитель главы Администрации Президента А.Д. БЕГЛОВ, Полномочный представитель Президента в Центральном федеральном округе Г.С. ПОЛТАВЧЕНКО, Полномочный представитель Президента в Южном федеральном округе В.В. УСТИНОВ, министр культуры РФ А.А. АВДЕЕВ, чрезвычайный и полномочный посол Греции в России Илиас КЛИС и другие почетные гости.

По окончании молебна Предстоятель Русской Православной Церкви кратко приветствовал Президента, а Д.А. МЕДВЕДЕВ в свою очередь поздравил Святейшего Патриарха АЛЕКСИЯ, иерархов Русской Православной Церкви и всех участников торжеств с началом празднования 1020-летия Крещения Руси и передал Его Святейшеству ковчеги с христианскими святынями, хранившимися в Музеях Кремля.

Константин Павлюченко

ИЗ ДОКЛАДА
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви
Москва, 24 июня 2008 года

*«Братия, радуйтесь, усовершеншайтесь,
утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, — и
Бог любви и мира будет с вами» (2 Кор. 13, 11).*

Ваше Блаженство!
Ваши Высокопреосвященства!
Ваши Преосвященства!

Открывая второй в этом столетии Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, сердечно приветствую всех его участников. Нынешний год ознаменован символической датой: прошло тысяча двадцать лет со времени Крещения Руси. Наш мысленный взор вновь обращен к Киевской купели, в которой были соединены со Христом

народы, ныне окормляемые Русской Православной Церковью. Празднуемая дата побуждает нас осмыслить пройденный многовековой путь и с новой силой осознать духовную общность народов Святой Руси, укорененную в церковном единстве.

На протяжении двух десятилетий, прошедших после Собора 1988 года, наша Церковь живет в условиях социальных, политических и экономических изменений, происходивших на ее канонической территории. Это время стало периодом обретения свободы, сопряженной с огромной ответственностью за просвещение миллионов людей. Нам надлежало утолить их духовную жажду и привести к воцерковлению ищущих Истину.

К сожалению, события, происходившие в данный период, не всегда носили положительный характер. И среди отрицательных явлений можно указать на широкий спектр социальных проблем, на значительное падение уровня жизни многих людей, на наплыв массовой псевдокультуры, на оскудение общественной нравственности, на рост нетерпимости и напряженности в обществе. Все это не может не беспокоить Русскую Православную Церковь, непрестанно возносящую *«молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков <...> и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте»* (1 Тим. 2, 1-3).

Четыре года назад, на Соборе 2004 года, мы обсуждали проблемы, которые поставило перед нами время. И сегодня мы видим, что, *Богу содействующу*, многие из них в той или иной мере разрешены, а некоторые находятся в процессе разрешения. Агрессивный, не принимающий возражений секуляризм, о котором говорилось на прошлом Архиерейском Соборе, за минувшие годы не ослабел в своем стремлении ограничить спасительную миссию Церкви. Но это нисколько не может ослабить нашу ревность в свидетельстве и служении, ибо, по слову Священного Писания, *«дары и призвание Божие непреложны»* (Рим. 11, 29).

Православная Церковь не случайно именуется Единой, Святой, Соборной и Апостольской. Нам хорошо знакомы слова Священного Писания: *«Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна»* (Еф. 5, 25-27). Святость Церкви, переданная нам апостолами, неотделима от ее единства, которое, в свою очередь, немислимо без соборности. Мы, православные христиане, по слову апостола, *«составляем одно тело во Христе»* (Рим. 12, 5). Мы призваны обсуждать все вопросы, даже непростые, в духе открытости, честности, братской любви и стремления к единомыслию. Соборность, советование друг с другом — лучший способ избежать конфликтов, разделений, недоумений. Восемнадцать лет назад, принимая после своей

интронизации знаки Патриаршего достоинства, я сказал о важности управления церковной жизнью при развитии соборности. Эти же слова хотел бы напомнить и сегодня, когда они становятся особенно важными.

Межсоборный период показал, что динамика церковного роста сохраняется. Вместе с тем следует отметить, что темпы количественных изменений опережают динамику изменений качественных. И сегодня, несомненно, важнейшим для нас делом становится духовное устройство церковной жизни, созидание человеческих душ и сердец. В этом направлении следует скорректировать и развивать нашу деятельность.

Предваряя изложение основной части доклада, предлагаю вниманию членов Архиерейского Собора статистические сведения, позволяющие составить общее представление о положении нашей Церкви. На сегодняшний день Русская Православная Церковь имеет 156 епархий, 196 архиереев, из них 148 епархиальных и 48 викарных, 29 141 приход, на которых несет служение 30 544 священнослужителя. Количество монастырей в нашей Церкви — 769, из них 372 мужских и 397 женских. Число приходских воскресных школ — 11 051. Количество молодежных центров — 463.

Единство Церкви

Святая Церковь, *«имея Самого Иисуса Христа краеугольным [камнем]»* (Еф. 2, 20) и будучи напоена единым духом Божиим (ср. 1 Кор. 12, 13), призвана во всем являть зримый образец единства не только для верных чад своих, но и для «внешних», *«дабы Слово <...> Божие росло и распространялось»* (Деян. 12, 24). Посему и святой апостол Павел, зная о разделениях, существовавших в среде первых христиан, постоянно напоминал о необходимости *«поступать достойно звания, в которое <...> призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира»* (Еф. 4, 1-3). Несомненно, эти слова апостола языков, обращенные к первохристианской Церкви, имеют непреходящее значение. И нам, архипастьрям, несущим служение в мире, наполненном противоречиями, надлежит всегда применять к себе эти слова апостольского увещания, памятуя об ответственности каждого христианина, а тем более архиерея Божия, за целостность и неповрежденность веры Христовой и канонического строя Церкви.

17 мая 2007 года в Храме Христа Спасителя произошло историческое событие: Преосвященные архипастыри, клирики и миряне Русской Православной Церкви, разделенные в результате трагических событий XX века, вместе приступили ко Святой Чаше. Состоявшееся воссоединение стало символом излечения ран, нанесенных нашему народу лихолетьями прошлого века. Накануне этого незабываемого

дня Священный Синод, действуя на основании полномочий, предоставленных ему Архиерейским Собором 2004 года, утвердил Акт о каноническом общении. Торжественным подписанием этого документа в присутствии тысяч богомольцев было восстановлено единство Поместной Русской Церкви, запечатленное в праздник Вознесения Господня первым совместным служением Божественной Литургии.

Напомню, что Архиерейский Собор 2004 года, возблагодарив Господа за успешное развитие начавшегося тогда диалога с нашими зарубежными братьями, признал «делом исключительной важности» шаги, направленные к преодолению разделения. Тем паче нынешнему Собору — первому, в котором вместе с нами участвуют архипастыри Русской Зарубежной Церкви, коих я сердечно приветствую, — подобает воздать хвалу Богу нашему, совершившему, молитвами святых новомучеников и всех святых, в земле нашей просиявших, великое дело единения. Несмотря на все трудности, которых поначалу было немало, после долгих десятилетий отчуждения мы, наконец, вместе. Свершилась победа Божия над человеческими грехами и предрассудками, *«победа, победившая мир»* (1 Ин. 5, 4), полный разделений и вражды.

Должно также поблагодарить всех, кто потрудился в деле единства, всех, кто молился о его успехе. Первым среди таковых хочу назвать Высокопреосвященнейшего митрополита Лавра, первоиерарха Зарубежной Церкви, которого Господь, по завершении его земного подвига, промыслительно призвал к Себе в день Торжества Православия, когда Святая Церковь чтит память исповедников православной веры и молится о единстве.

Преемником почившего первоиерарха был избран архиепископ, ныне митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион. И это избрание Архиерейского Собора Зарубежной Церкви, в соответствии с Актом о каноническом общении, впервые было утверждено Священным Синодом Московского Патриархата. В соответствии с Актом, определяющим статус Русской Православной Церкви за границей в качестве неотъемлемой самоуправляемой части Поместной Русской Православной Церкви, Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви в мае сего года внес необходимые изменения в Положение о Русской Православной Церкви за границей. Нашему Собору также следует принять соответствующее дополнение в Уставе Русской Православной Церкви — в главе о самоуправляемых Церквях.

Особенно хочу отметить, что восстановленное единство не осталось лишь изложенным на бумаге решением церковного Священноначалия. Прошедший год убедительно показал, что единение реально ощущается в жизни епархий, приходов, семей. Паломничества, совместная молитва, встречи духовенства и мирян, общие начинания — всему этому радуется сердце каждого православного христианина. Поистине, *«се, что добро, или что красно, но еже жити братии*

вкуне» (Пс. 132, 1)! Настоящему Собору надлежит подумать и о том, как нам *возгревать* сей *дар Божий* (2 Тим. 1, 6), что предстоит вместе сделать для укрепления единства и его последовательного практического осуществления.

Сказанное, конечно, в не меньшей мере относится и к единству нашей Церкви в ее канонических пределах. За двадцать лет, минувших со времени празднования великого юбилея тысячелетия Крещения Руси, в жизни нашей тогда еще единой страны произошли огромные перемены. Церковь обрела свободу, смогла в полный голос свидетельствовать о хранимой ею истине Православия. Вместе с тем, на пространстве исторической Руси пролегли новые границы, образовались суверенные государства. Наша Церковь с уважением относится к сложившимся политическим реалиям. При этом мы сознаем, что в нынешних условиях сохраненное нашей Церковью единство не является простой данностью. Оно встречается с новыми испытаниями и угрозами, а его укрепление становится важнейшей церковной задачей, над которой надо всерьез задуматься участникам настоящего Собора. При этом мы должны с равным вниманием отнестись и к нашему историческому наследию, и к новым обстоятельствам времени; помнить как о чаяниях народа Божия, так и о естественных интересах независимых государств, не допуская при этом смешения благородного христианского патриотизма с разрушительными националистическими устремлениями. Свидетельствуя о нашей общности, мы в то же время призваны уважать культурные особенности каждого из народов, составляющих паству Московского Патриархата.

Учитывая новые условия, но прежде всего руководствуясь благом Церкви и составляющих ее людей, предшествовавшие Соборы предоставили различным частям церковного тела нужную им меру самостоятельного действия, создав институт самоуправляемых Церквей внутри единого Московского Патриархата. Юбилейный Архиерейский Собор 2000 года систематизировал эти канонические деяния, внося соответствующие изменения в Устав Русской Православной Церкви. Считаю, что ход истории подтверждает правильность и своевременность данных мер. Они, разумеется, могут обсуждаться и совершенствоваться в связи с теми или иными потребностями церковной жизни. Но уверен, что при этом не может ставиться под угрозу драгоценная для всех нас духовная связь наших народов, духовная целостность нашей общей Родины — великой Святой Руси, с ее подвижниками и святынями, с ее устремленностью к созиданию жизни на евангельских основаниях.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валентин РАСПУТИН БЛИЖНИЙ СВЕТ ИЗДАЛЕКА

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

Пытаться говорить о Сергии Радонежском — это, по ощущениям, сметь войти в область запретного, неизъяснимого по своей природе, не могущего быть изреченным. Телесные черты великого святого Земли Русской стерлись и давно заменились духовным портретом, тот лик, который знаем мы по иконам, — это оттиск на нетленной плащанице народной памяти, проступивший из общего взгляда и запечатлевшийся из обратимости необратимого. Наш язык для вызывания духа «земного ангела» и «небесного человека» тщетен, для этого нужна родственность особого рода.

В.Н. Ильин (не путать с И.А. Ильиным, также мыслителем Русского Зарубежья), жизнь посвятивший вопросам духа, и тот в книге о Серафиме Саровском признается:

«Всякое житие, если оно только написано человеком, живущим в мире и усовершенствованным духовно настолько, чтобы принять славу святого в свою душу, — недостаточно. Полностью же лик святого не описуем и житие его неизъяснимо, — как неизъяснима вообще личность, в святости обретающая особую высоту и ценность. Святому дается новое имя, которое никто не знает, кроме того, кто получает».

Последние слова о имени, взятые из Откровения Иоанна Богослова, ближе всего подводят к разгадке святости как обитанию на таком уровне духовности и в таком общении, что они мало соотносятся с рядовой жизнью и требуют другого названия. На

подобной высоте чудеса, представляющиеся нам снизу подозрительными, есть не что иное, как способ общения, при котором и обращение к поднявшемуся может быть слышимо только им. Вообще новое имя при пострижении означает отказ от прежней жизни и переход на иную ступень бытия. Поэтому он и называется иноческим. В отличие от нас, грешных, опустивших свой разум ниже желудка, там не бытие определяет сознание. И освобожденный, высветленный и взыскующий дух достигает там у счастливых избранников таких пределов надмирности, где языком становится или язык вызывается неведомым нам чувствованием.

Тогда объяснимым становится случай, описанный в житии Преподобного Сергия его учеником Епифанием Премудрым: проезжая мимо обители Сергия, другой великий старец, его современник, святитель Стефан Пермский за многие версты поклонился игумену, и Сергей, прервав трапезу, поднялся и отвесил ему ответный поклон. Не вызывает тогда особого недоверия и дальновидение Преподобного в часы Куликовской сечи, когда, оставаясь за сотни верст в своей обители, Сергей одного за другим, вглядываясь, называл павших, читал им заупокойные молитвы, а в конце изрек: «Мы победили». В таких случаях не глаза видят, не уши слышат, а как в наше время при спутниковой связи, которая никого не удивляет, «видение» столь же естественное для другого уровня связи свершается с помощью родственного «горного» тела.

Борис Зайцев, один из самых глубоких русских писателей, отважился в 1924 году на свое житие «Преподобного Сергия Радонежского». Вообще приходится признать, что потребность питаться от света Преподобного и, в свою очередь, самой питать этот свет у русской эмиграции, острее нашего размышлявшей о судьбах России, никогда не иссякала. Вспомним дивный, от начала и до конца теплом и надеждой согретый, небесным словом сотканный рассказ Ивана Шмелева «Куликово Поле». Вспомним страстное, составленное из народного мнения, заклинание Н.К. Рериха на освящении часовни Преподобного (поставленной, кстати, сибиряками в американском Радонеже, штат Коннектикут): «Преподобный знает, когда спасти», «Преподобный знает, когда явиться», «Преподобный знает, когда помочь», «Преподобный знает, где нет неверия и предательства».

Борис Зайцев, рассуждая, как созидаются натуры, подобные Сергию, похоже, попадает в самое русло их таинственного движения:

«Существует целая наука духовного самовоспитания, стратегия борьбы за организованность человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон. Аскетический подвиг — выглаживание, выпрямление души к единой вертикали. В таком облике она легчайше и любовнейше соединяется с Первоначалом, ток божественного беспрепятственной бежит по ней. Говорят о теплопроводности физических тел. Почему не назвать духопроводностью то

качество души, которое дает ощущать Бога, связывает с Ним. Кроме избранничества, благодати, здесь культура, дисциплина».

Но и избранничество. Звезда Вифлеема зажгла многие звезды, и одна из них, по-русски неяркая и мягкая, привела к рождению в самый необходимый момент нашей истории первого печальника земли русской и собирателя ее единого духа.

Что мы, неразумные дети неразумного века, усущенные к тому же дурным образованием, знаем сегодня о Сергии Радонежском? Большинство из нас почти ничего не знает, кроме имени, которое и помимо церковных стен звучит как бы само собой, одним движением воздуха, и означает что-то светозовное, терпеливо нас дожидющееся... Из оставшихся большая часть знает хрестоматийное: жил в XIV веке, был основателем Троице-Сергиевой Лавры, духовного центра Православной России, благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем и послал с московским князем на Поле Куликово двух своих монахов, один из которых — Пересвет — и начал битву схваткой с ордынским мурзой Челубеем. Вспомним при необходимости некоторые «легенды», как всегда сопутствующие святым, прочитанные нами среди исторических событий: то будто Сергей Радонежский несколько раз появлялся среди защитников своей обители в критические для нее моменты, когда поляки вместе с тушинцами в 1608-10 годах 16 месяцев осаждали Лавру, но так и не смогли ее взять; то в Смутное же время, когда судьба православия и России висела на волоске, Сергей Радонежский трижды в видениях являлся к Козьме Минину, нижегородскому гражданину, подвигая того не мешкая собирать народное ополчение для изгнания врагов; то раньше еще, в пору покорения Иоанном Грозным Казани, и русскому царю помогал небесный воитель в окончательном освобождении своей земли от татарского ига... А поскольку в нас «превалирует чердак», материалистическое мышление, мы, и вспоминая, чувствуем неловкость за странную избирательность своей памяти: почему-то сохраняется то, что должно бы испариться, и испаряется — что забивалось гвоздями.

И только немногие из нас при имени Преподобного Сергия обращаются не к памяти и не к книгам, а к душе. Он — там. Немногие — не значит, что их мало: в процентном соотношении их цифра окажется невеликой, но своим числом они соберут завидные тысячи. То, что у других предано забвению и пребывает в пустоте, у этих тепло сохранено, пристроено от себя, возжено негасимой лампадкой и заполнено собранием родных по духу имен. Тут могут быть живущие и давно почившие, тут не отказывается и никогда не жившим, созданным благословенным воображением, как Сонечка Мармеладова или Алеша Карамазов. А потому это даже и не имена, а некое общее подвижническое служение, скрывающееся за именами, сцепление согласием и любовью ко всему светлому. Тут же и Сергей из Радонежа, служивший этому общежитию, как «раб купленный», по слову Епифания Премудрого, как служил он братии, ничем не возвышаясь

над нею, при строительстве Троицкой обители. Но и в этой обители, построенной в душе человеческой, он также не сразу облекается в свой образ, чувствуется лишь чье-то пастырское присутствие среди всех других, чье-то покровительство, и только после установления определенного чина души, он, давший им прежде от себя, ими же и становится собой, проступает собственными чертами и именем.

Человеческая душа не может быть необитаемой: из чего-то исходящей из нее энергии братья нужны. Но рядом с великими покойниками, рядом с согнутыми от бремени родительства отцом и матерью и рядом с примерными судьбами из настоящего там поселяются воспоминания, поступки, картины природы, про которые не напрасно говорят, что они западают в душу, родные слова и напевы — целый мир, собранный из самого лучшего и святого, трудящийся под покровительством того, к кому он тяготеет.

Без Сергия Радонежского русская душа не полна, не окормлена до полной меры сытости, когда она может окормливать других. При всем множестве любимых и почитаемых в нашем народе святых, Сергиева святость несколько особого сложения — сложенная из русского представления о своем идеале. Тут народ сам рассудил и, приняв житие Преподобного, лучше всего отозвавшееся народному призванию, узнав в нем свой чаемый образ, направление своих трудов, он и от себя добавил ему там, где сужено было одной жизнью, и своей крови влил, чтобы не приустать ему от хождений по многим молитвам, и, веками к нему припадая, дотворил Сергия до полной свойственности, до обращения к нему из праздничного канона в постоянное излияние чувств. К Сергию народ не мог охладеть, это значило бы отказаться от самого себя. В самые тяжкие для общей нашей судьбы моменты в русском сердце слышался его участливый голос: «Не скорби, чадо». Борис Зайцев в XX веке попытался преступить черту возможного и взращенные в нем чувства оборотить в сторону того, кем они были посеяны:

«О, если б его увидеть, слышать. Думается, он ничем бы сразу и не поразил. Негромкий голос, тихие движения, лицо покойное, святого плотника великорусского. Такой он даже на иконе — через всю ее условность — образ невидного и обаятельного в задушевности своей пейзажа русского, русской души. В нем наши ржи и васильки, березы и зеркальность вод, ласточки и кресты и несравнимое ни с чем благоухание России. Все — возведенное к предельной легкости, чистоте».

Удивительно, что описанное в рассказе Ивана Шмелева «Куликово Поле» я на Поле же Куликовом и услышал в самый канун 600-летия битвы, поздним вечером перед праздником Рождества Богородицы, под покровом которой князь Дмитрий добился победы. Услышал от своего товарища, с которым приехал на Поле, а он, рассказывая, и не подозревал, что передает Шмелева: талантливая эта русская душа, отлученная от Родины, была даже нам недоступна

и открылась вместе с книгами совсем недавно. Но он не Шмелева и передавал, не рассказ, а событие, составившее рассказ. Рассказ проникновенный, светносный, но и событие само по себе, вне пера, что называется, «святится».

Я выслушал его под ночь и так живо представил местного крестьянина (у товарища это был крестьянин), нашедшего в день Дмитровской субботы, что установлена навеки для поминовения павших на Поле Куликовом, большой медный крест по дороге и тут же увидевшего подходящего к нему старичка. Проникшись доверием к старичку, крестьянин попросил его передать свою находку друзьям в Сергиев Посад подле Лавры, куда якобы и держал путь старичок. Путь не близкий, но в тот же вечер крест оказался доставленным по назначению. В разговоре между пишущими смешно пытаться рисовать устный портрет, поэтому его и не было, но я вдруг отчетливо увидел все — и как крестьянин рассматривает крест, поднятый из грязи, и как подходит странник, легкий, просто и опрятно одетый, какого-то смотрительного вида, будто он негласный хозяин здесь и обходит с присмотром свои владения, как-то сразу угадываемый в его праве на догляд. Позже у Шмелева прочитал: «По виду из духовных, в сермяжной ряске, лыковый кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой; шлычок суконный, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью». Но Шмелев был ближе к старой Руси и четче видел старца извне, в costume его времени, мне же ничего не оставалось, как угадать Сергия, смотря внутрь.

И потянуло, потянуло меня после рассказа на Поле: Господи, в эту ночь спать! Он же где-то здесь в эту ночь! Утром Поле заполняют живые, придут поклониться делу 600-летней давности и воодушевиться его славой, а сейчас они встали, они одеваются в свои земные образы, узнавая друг друга, и все, увезенные в свои земли и здесь погребенные, сходятся на встречу ветеранов Дмитриева войска. Он не может не быть среди них теперь, утишая, должно быть, их ропот при взгляде на русскую землю, при виде того, что с нею сотворили последние потомки, утешая каждого в отдельности и всех вместе: не смущайся, чадо, и не скорби, милость отымается, милость и дается.

Мы ночевали у работницы музея недалеко от Поля. Я тихо вышел и свернул по короткой улице вправо, в сторону обрисованных над землею куполов храма-памятника Сергию и колонны-памятника Дмитрию, увенчанных крестами. Кресты висели в небе, не воздымаясь над построенным человеческими руками, а опускаясь к нему — как провозвестники наступления иных времен. Ночь стояла тихо и скорбно, по ту сторону Поля мерцали дальние огоньки, мерцали они и за Доном, где упокоены мощи павших и где жива небольшая деревенька Монастырщина, от последней нашей встречи волшебю воспрянувшая с восстановлением храма. И так грустно, не по-электрически пробивались эти огоньки, что чудилось: это шествие под

началом душеводителя. Если вслушаться сверх меры, можно было, вероятно, что-то и услышать. Но я не стал ни вслушиваться дальше и ни всматриваться, я и без того чувствовал в себе смятение оттого, что вступил в границы, где совершалось таинство не для жителей-всех.

Но в ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, отыскав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Сыграли тут роль рассказ товарища, душевные поиски пред великой датой, когда, как археологу перед раскопом, который завтра закрывать, так захочется отыскать самое важное... И я, кажется, нашел. Оно было со мной, но правильно ли рассмотрел я его, это уже другое дело. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей Преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклоненных, или то как раз, что мне уже была явлена милость в разверстости той полекуликовой ночи.

«Чесо же смущаешься, чадо?» — я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твердый взгляд поднятых глаз.

Смутиться, право, есть отчего: многие ли из нас осмелятся потревожить дух великого молитвенника за землю русскую и возьмутся просить явить нам лицо его по случаю приближающейся даты.

Год рождения отрока Варфоломея потерян (от 1314 до 1322). Время отшествия Преподобного Сергия известно точно — через двенадцать лет после Куликовской битвы. Эти двенадцать лет истекают. В сентябре 1892 года на торжественном собрании в Московской Духовной Академии в память Сергия Радонежского историк В.О. Ключевский сказал слова, которые в то время были широко известны и точностью своей представлялись опорой в чувстве непоручимости России.

Вот они:

«Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

Даже предупреждение, изшедшее из этих могучих слов в конце, прозвучало уверенностью: никогда тому не быть.

Полный век, миновавший от даты до даты, как корова языком слизнула. То был страшный для России и ее братьев век, каких не водилось и при татарщине. Едва не вытравили огнем, разбоем и ругательствами веру, заменяя ее не на басурманскую, чего в старину боялись, не на униатскую, посягавшую позднее на православие, а на каинову, при которой брат подбивался на убийство брата и открыто творилось торжище зла. Миллионы были уведены в полон в свое же отечественное рабство, миллионы замучены, огромные хлебные губернии уморены голодом. Сергиев Посад вскоре после революции переименовали, Лавру закрыли, мощи Преподобного выставили в музей на посмешище.

Свершилось! Невозможное грянуло на Россию с такой разрушительной яростью, какой нельзя было представить в самых тяжелых предчувствиях.

Можно возразить, вглядываясь в слова Ключевского, что нравственный запас народа не был растрочен, а был растоптан, и лампы не погасли без присмотра, а были загашены вероломно. Это так. Но мы бы и перед разверстой пропастью продолжали лукавить, если бы не спросили себя: как случившееся могло случиться при попустительстве и руками народа, который незадолго перед этим объявлял себя богоносцем и нравственной крепостью мира? Нет, точилась эта крепость долго и источена была сильно, если с таким энтузиазмом растоптали и загасили.

В той же речи Ключевского есть еще слова:

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».

Провидел там, провидения надо ожидать и здесь. Натерпелись сполна, хватит. И какое бы ни раздавалось вокруг улюлюканье своих и чужих бесноватых, сознательных и несознательных, вышедших из чрева ее, поносителей России — пробил час подыматься. Будут еще, бесомненно, подсечки, будут от ослабшести неверные движения, не сразу Москва строилась, не сразу и Русь соединилась в Дмитриеве войско, вставшее стеной на Куликовом Поле. Мы нередко слишком поверхностно относимся к историческому событию: кликнул клич московский князь Дмитрий по всем русским землям — и потекла под Москву мужественная рать. Нужно было прежде собрать эти земли, в которых отзывался клич, воспитать в воинах мужество, а пуще того — вложить в народ чувство национального подъема, привести к самопризванности, к самообилизации, потому что во внешних отношениях друг с другом земля враждовала с землей и князь на князя водил татарские отряды, чтобы посчитаться в русских обидах. Полтора века рабства — это угнетенные души, робость и страх, принявшие

за правило коварство и хитрость. Все это надо было капля по капле переломить, взрастить новые всходы и подготовить восходительное настроение. И на Поле Куликово не все русские земли пошли, и после бегали в Орду наушничать один на другого. Прямые пути в истории редки, ими лишь итожится долгая возделывательная работа, подобно тому, как неделя венчается воскресением. Исторические воскресения не непременно случаются с обязательностью седьмого дня, за них приходится много претерпеть.

Из всех слав, возданных Сергию Радонежскому при жизни и по смерти, первая — собиратель русских душ. Гнет, как известно, разъедает и нравственность. Это рабство, налагающееся на рабство: из меня сделали раба, и я поработшу в себе свободную личность, стану помыкать ею, как помыкают мною. При нравственной разрухе народ ближе всего к своей гибели, в нем точно надламывается спинной хребет и теряется опорный остов. Исцеление в таких случаях подобно чуду, в котором участвуют и земные, и небесные силы.

Игумен Троицкой обители, основав ее и приняв братию, судя по сложившемуся о нем мнению, не учил внушением, меньше всего наставлял словом. Он собой наставлял, своим примером. Пишущие о нем сходятся: само наставлялось, без усилий и употребления власти. На мирскую власть, на княжение, даже самое маленькое, он не был способен, и игуменом стал — братия просила по духовному влиянию на нее; государственные поручения выполнял — митрополит и великий князь просили по великой его духовной славе. Только однажды он вышел из себя — этот литературный образ следует принимать почти буквально: призвал к себе кого-то, способного на столь решительное действие, и повелел принять его, Сергиев, облик и отдать от его имени приказ закрыть в Нижнем Новгороде все церкви, дабы вразумить князя Бориса Суздальского, который захватил Нижний у своего брата Дмитрия. Это не Сергиев прием. Посланный примирять строптивного князя рязанского Олега с великим князем Дмитрием, он говорит с рязанцем «тихими и кроткими словесы» и возвращает его к общей русской пользе и миру.

Те, кто склонен искать в облике Преподобного позднейшие легендные наросты, должны помнить, что легенда понизу не ходит. Сергей весь был внизу, со всеми и больше всех принимал труды, со всеми голодал, одарял последним и зверя и странника, никогда не поднимал голос, с государственными поручениями в Рязань и Ростов пробирался пешочком, тяготился положением настоятеля, а когда митрополит Алексий предложил ему после себя митру, не на шутку перепугался и ответил решительным отказом. Он и похоронить завещал себя на общем кладбище. Вышность Преподобного заключалась в другом. Его облик полностью дорисовался при жизни и не нуждается в исправлениях; кто-то точно заметил, что Преподобный пребывал еще во днях своих, а образ уже сошел с него в вечную святость, а это значит, ему было к кому обращаться за сверкой.

Толпы народные, текшие к Сергию за утешением и поддержкой, видели в нем, надо думать, целителя, родственного небу, одно прикосновение к которому способно отвести беды. Случаи сверхъестественных физических исцелений, описанные Елифанием, в огромном авторитете Преподобного участия почти не принимают. Они — как дань святости, и в сравнении с другими святыми, дань довольно скромная. Словно Сергей имел власть и над посмертной своей славой и в лишнем ей отказывал. Не этим силен был Преподобный. Искавшие его помощи шли к нему часто за одним, а получали другое, но полученное по мере воздействия на жизнь, по “направлению” превосходило желаемое. Когда монашеская братия в обители возропала, жалуясь на трудную дорогу к воде, Сергей, по житию, иссек источник из земли подле своих ног. Но иссеченный им в себе духовный источник, к которому текли и текли страждущие, представляется более чудодейственным по своему влиянию на людей. В нем было нечто такое, что припадавший к нему видел как бы направленным на него зрением, нечто открывающее ему самого себя.

После Преподобного не осталось писаний, и слова бесед его с учениками, по житию, не достоверно его — он говорил в ответ на исповеди и запросы, до каждого, так сказать, снисходя, хотя в буквальном смысле снисходить ему не требовалось. Он еще и благодарил любого, кто искал общения с ним. Интуиция подсказывает, что ничего великого он и не говорил при беседах, самое простое, но величие было в том, как говорил, каким голосом, как смотрел, что видел в собеседнике, что читал в одном ему ведомых письменах. Созданный им в себе огромный святой мир, высказываемый незамысловатым истечением мысли, должен был производить немалое впечатление. Какое-то окрыление, вероятно, появлялось у человека. Не сразу благословил Сергей и князя Дмитрия на кровавую встречу с Мамаем, выпрашивая, все ли испробованы мирные пути, и видя, как много плетется по Руси мученических венков, а благословив и отпуская от себя князя, шепнул — вся правда тут в том, что шепнул, только что провидя: «Ты победишь». И такая сила была в этих словах, так они вошли в князя, что он «прослезился» и больше уже не позволял себе сомневаться в успехе. Иногда выбор судьбоносных решений зависит, казалось бы, от самого малого: неизвестно, осмелился ли бы Дмитрий Иванович перейти Дон и закрыть себе дорогу к отступлению, если бы не звучал в нем шепот Сергия.

С ним дружил митрополит Алексей, Киприан искал его сотрудничества, чтобы утвердиться во главе русской церкви после Алексея, строптивейшие из князей поддавались его вразумлению. Чтобы пользоваться подобным влиянием, нужно иметь славу возвышенную и чистую, источник незамутненный и глубокий, к которому бы одинаково тянулись и простолюдины, и вожди. В нем было место их дружеских встреч, в нем, благочестивом и щедром старце, они ощущали равенство друг перед другом и проникались потребностью осознать

себя единым национальным телом. Поруганная и плененная, Русь, чтобы подняться, нуждалась не в количественном, а в качественном присутствии в себе, в воинстве, поднятом святыми ее идеалами.

Вообще, если уж речь зашла о качественности, русскость в широком смысле — это не набор и не ассортимент качеств, свойственных русскому человеку, а духовная качественность. Те, кто не принимает сегодня ни под каким видом русскость, — или не верят, что столь высокое призвание могло быть вручено столь «низкому» народу, или она, качественность, сама по себе вызывает в них раздражение по принципу: нет во мне, не должно быть и в других. А потому народ, домогавшийся или домогающийся ее, представляется им опасным. Это расхождение и непонимание вызывается не обязательно национальным или религиозным — все больше причиной их становится нравственный раскол, торжество зла, собирающее под знамена своего передовизма аморалитический интернационал. Поспешая в него, бывший русский человек, чтобы не вызывать у новых друзей подозрений в лояльности, посылает вслед своему народу, который он предал, самые бешеные проклятия и издевательства, что, кстати, по законам предательства является делом обычным.

Передовизму такие и нужны; это общество иноземлян, много чего, на наш взгляд, потерявших в человеческой ипостаси, подводящих милую их сердцу альтернативу под все — под совесть и стыд, любовь и семью, веру и родину, народ и государство — и направлено это общество против всякой нации в ее необщего вида историческом предназначении.

И сталкивают народы они — чтобы от народов отбывало к ним.

И рушат веру — чтобы на безверии терялись древние человекопастные заветы и остывали души: бытие определяет сознание.

И канонизируют каинов и иуд — чтобы былую святость превратить в козлище, а святыни — в места публичных физиологических или художественных испражнений, будь то Казанский собор подле Красной площади, храм Христа Спасителя или Пушкин.

И ненавидят всякую святость в большом и малом, в народе и человеке, в поступке и мыслях, иконе и пении, ненавидят даже несостоявшуюся святость, ибо она может не загаснуть.

И когда слышат они: «святоотеческие чувства», «Святая Русь», «святые идеалы» — как от заклинательного «свят, свят» по известному адресу передергивает их и заставляет в голос взвыть свой, хорошо нам знакомый, хорал, решительно определяющий русскость от рождения ее и во веки веков под руки невежества и варварства.

Здесь не без умысла подменяются понятия. Русскость, так же как немецкость, французскость, есть общее направление нации, внутреннее ее стремление, выданный ей при мужании, когда обозначаются успехи, аттестат на особую роль в мире. У одних эта роль практическая, у других художественная, у третьих религиозная, но каждая нация призвана на оплодотворение собой, помимо общих усилий,

чего-то отдельного, к чему она имеет склонность. Иначе человечество окостенело бы в однообразных движениях. Есть, пить, плодиться, веселиться, защищаться от коварства соседей, выискивать из поколения в поколение все более и более совершенные способы для производства оружия, коварства, еды, питья, веселья — мир давно бы погиб, если бы он сразу же отправился по этому никуда не ведущему пути. Коли он жив — худо-бедно народы свое общемиссианское строительство, талантом каждого, не оставляли. Если сравнивать народ с притоком, пополняющим родственно-этническую реку, впадающую затем в Мировой океан, то приток не одну лишь воду несет, но питает, созидает и одухотворяет целый мир, не повторенный более нигде на пути своего следования. Задача притока — течь, находить к реке кратчайшую дорогу, но призвание его — отвернув в сторону, вымыть из земли целительные соли, которые составят славу его существования.

А такой народ, как русский, впитавший в себя при рождении и продолжении не одну кровь, сам по себе река, могучая и загадочная.

Русский человек может быть и варваром, и невежественным. Не в первый раз награждают его подобными «достоинствами», и он никогда от них не отказывался. В семье не без уродца, в народе не без уродства. То, что скрывалось у других под внешним лоском и внешним же благополучием, у нас не хотело прятаться и как бы нарочно рвалось на общее обозрение. Это извечное свойство русского — душа нараспашку, которое шокировало посторонних, не умевших взглянуть в эту душу. К тому же русский порыв к святости, не отрицавшийся прежде и недругами, невольно оставлял внизу нравственное увечье, в любом народе не изжитое, но в нашем имеющее склонность к демонстрации и вызову, также своего рода порыв с обратным знаком. А при таком явлении, как юродство, смешивались и знаки. В юродстве народ сам себя обличал, не скрывая ни наготы своей, ни струпов на теле и не жалея ругательств, и делал это настолько безжалостно, что, принимаемое за варварство, было оно, это публичное окаяние вместе с покаянием, что-то вроде публичного изгнания бесов, — было оно мучительной судорогой народной души, ищущей спасения. Не случайно в свято-звездном русском небе так много юродивых; как знать, не в одной ли небесной келье братствуют за одинаковыми занятиями столь, казалось бы, разнившиеся на земной службе Сергей Радонежский и Василий Блаженный.

Святая Русь не значит Русь идеальная. Это примеренные на национальную фигуру сияющие одежды, пришедшиеся впору, но не воздетые до тех пор, пока последние не станут первыми. Это литургическое настроение народа, его осознанная цель, заключавшаяся в сердечной деятельности, в работе над благополучием духовным. Рядом с другими, давно избравшими путь материальной качественности и достигшими немалых успехов на этом пути, наш народ продолжал показывать странное и болезненное упрямство. Периоды необычайно

го нравственного подъема перемежались в нем тяжелыми падениями, времена, когда представлялось, что он близок к весям небесным (при Ярославе Мудром, в первой половине XV века, в середине прошлого века), сменялись безудержным поклонением долу, а дол на русской земле не из самых чистых. Отчаяние от очередного падения переживал он мучительно, но находил в себе силы снова и снова готовиться к восхождению. Трагедия этого святоискательного народа заключалась в том, что его устремленность вверх всякий раз сбивалась могучим встречным движением, общим ходом мирового порядка, от которого не хотела отставать и российская власть. Она только и делала, что преобразовывала и перестраивала Россию вопреки ее назначению. Вероятно, и поперек миру идти, чтобы уцелеть в нем, было невозможно, но преобразователи порой очень уж старались, чтобы показать свой передовизм. Петр Великий похвалялся перед европейскими послами: «Я научу свой народ курить» — и научил. Не станем сбиваться на примеры, чему в том же роде учат и научают и сейчас.

В трех революциях начала века из последователей победившего общественного хода, к которому Россия только-только примыкала и привыкала, она была выдернута и поставлена во главе его — и, не готовая к этой роли, не соответствующая ей ни психикой своего народа, ни его избранничеством, ни даже энергическим пульсом, за несколько десятилетий этого противоестественного цуга немало себя извратила и надорвала. Если продолжать сравнение народа с рекой — реку повернули вспять, заставив ее с помощью насосных станций себя собой уничтожать. Нечто похожее происходило и с народом. Что после этого спрашивать с него нравственность?! Еще удивляться надо, что каким-то чудом сохранились ее остатки, которые дают надежду на восстановление.

Таким образом, главное противоречие старой русскости с утвердившейся в мире материальной цивилизацией — в их разнонаправленности, разнокачественности. Русскость готовила себя к собиранию небесных сокровищ, а вокруг наперегонки принялись ковать земные. В русскости внутренняя свобода была важнее внешней, ее демократизм был органическим, суд творился от имени Бога, а передовая мысль уже вовсю городила из законов и конституций места выпасов для устроительных демократий и свобод. Это был неравный спор, спор духовного с материальным, победу в котором не представляло труда предсказать. Оказалось легче преодолеть земное притяжение на пути к космосу, чем на пути к показанному нам праведниками человеку, до которого пять веков назад было гораздо ближе, чем теперь.

Пять веков назад — потому что к этому времени собрано было засеянное Сергием Радонежским и его учениками. Преподобный Сергий первый основал монастырь вдали от города и положил начало новому виду святости — в рассеянии и пустынножительстве. Ученики Сергия, считается, поставили в глухотамных местах около 40 монастырей, ученики учеников еще более 60. «Собор радонежских

святых», как называется в истории нашей духовности все величие имен из последователей Сергия, канонизированных впоследствии Церковью, объял своим трудничеством многие окраины Московской Руси. Княжеская власть продолжала прибирать под одну государственную руку уделы, добровольное духовное миссионерство соединяло их внутренним единством. От князя и начинавшегося внешнего закабаления можно было сбежать в леса или Дикое Поле, но сердечное возжение, но невольный отзыв на неслышимый переклик каждой христианской души заставляли держаться вместе и претерпеть все, пока претерпевает Русь.

Убегали как раз под покровительство монастырей и славу святых, способных защитить от несправедливости и неправедности. Едва только расчиналась новая обитель, вместе с монашеской братией внутрь обители пробиралось под ее теплый бок простонародье. Так сильно было влияние в то время старцев, перенятое от Сергия, что не подчиниться ему считалось тяжким грехом. Но соседства с местом богомолья искали не только для защиты от утеснений, а и во имя очистительного перенимания. Сейчас такое не спуста представляется домыслом, мы от такого отвыкли, но было, было время, пришедшееся в том числе и на послесергиеву жатву, когда народ жаждал нравственного врачевания и духовной зречести. Не по княжескому же распоряжению крестьянин получил свое имя от христианина, для этого надо было выработать в себе все смысловые звуки, чтобы выговорилось слово. И посмотрите: как только засохли они, опало и слово, оставив по сеньке и шапку — неудобовыговариваемое и механическое «аграрник».

Епифаний, говоря об исходящей от трудов Сергия Радонежского благодати, находит для нее точное пространственное сравнение: «Рука Сергия была простерта, яко река многоводная, тихая струями». Так и представляешь эти «тихие струи», переливающиеся от сердца к сердцу, чтобы оплодотворить и соединить их в общее национальное биение. По водоразделам всех просторов текли они, растопляя хладнорусскость, оставшуюся от времен вражды и раздоров, отогревая ее в живое проточное чувство. И вот один из примеров: когда в XV столетии вольница Дикого Поля, управлявшаяся собственными законами, отслоилась от российской государственности, при угрозе врага, забыв обиды, она считала своим долгом выступить на помощь России: братство по крови и по духу уже побеждало году и разногласия.

Все это готовилось исподволь и долго, но Святая Русь, прерванная татарским игом, начиная с Преподобного Сергия, снова была отмолена и вымолена, смутная тоска русского человека по праведности просветлела до осязаемых образов и подобий: явились замечательные примеры, из кроткой молитвенности выросла могучая сила. Еще раз оговоримся, что окаянство продолжало бурлить рядом с течением святости, но Россия подтвердила свой путь, и когда бы поддержана

она была хоть немного странами, задававшими тон в ходе мировых событий, как знать, может быть, мы сегодня все вместе не оказались бы у края пропасти.

Такие светоносные явления, как Сергей Радонежский, вызываются не итогом чего-то, а предвестием, в том числе необходимостью спасительных переходов через духовное бездорожье всех времен. Когда окаянство в России принялось одолевать, пришли Серафим Саровский, оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский и вновь указали переправы через предстоящие потоки лжи и грязи на противоположный берег, где, установясь на твердую почву, русский человек сможет опять обрести себя в праведных трудах.

Много тяжкого ждет его впереди, особенно в ближайшие годы, но не оставят его Великие Путеводители, когда обратится он к ним за просвещением.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

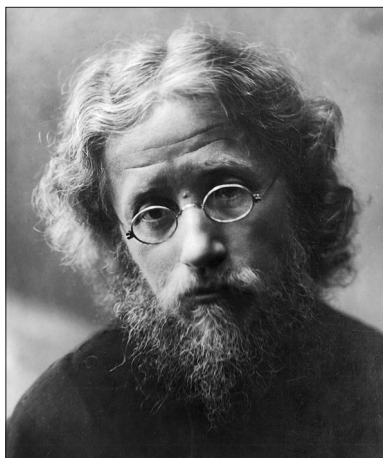
Е.Н. Трубецкой

*Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова*

А.А. Блок

25 декабря 1949 года
Светлой памяти деда

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С.Н. Корытиным и Н.Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало
в № 1, 2, 3 2008 г.

Вечная тебе память, незабвенный пастырь!

Одинокие люди, по Воле Божией оставшиеся в одиночестве среди массы людей — своих родных и чужих, — к вам слово мое!

Послушайте меня, вы, бездетные матери, безмужные вдовы (после убитых воинов или без вести находящихся мужей), брошенные мужьями жены, одинокие девушки, уже пережившие возраст юности, когда все кажется так ясно и просто! Такие одинокие, не понятые окружающими людьми. К вам убогое мое слово!

Да будет мир тоскующей душе вашей!

Сколько горьких слов я слышал и слышу от вас, родные мои! Сколько горьких слез вы проливаете у аналоя на исповеди! И как много среди нас таких людей!

После долгого раздумья я решил, с помощью Господа и Пречистой Матери Божией, все вам сказать, что благословил Господь.

Страдает Ваше сердце, вспоминая прошлое, — ищет сердце выхода, ищет взаимности и не находит ее. Горем сердце сдалось, замкнулось в себя. Один раз обманутое, оно теперь не верит так слепо, так опрометчиво, как раньше, и зорко подозрительно смотрит кругом. Не увлекает его больше ни льстивая речь, ни первое ласковое слово, оно ждет дела и недоверчиво молчит... и страдает сердце мое.

От всех его страдание скрыто. Но рана глубока и каждый день не тронь его... оно разбито (говорит русская поэзия).

В этих проникновенных словах — самая жизнь, самая правда горькая! Еще на работе в труде забывается горе, как будто спокойнее станет на людях, но когда останешься наедине сама с собой, сочтется сердце кровью и нет границ тоске его.

Не добро быти человеку единому, — сказал Сам Господь еще в раю, при сотворении Евы. И вы эту истину poznали на своем горьком опыте. Не добро быть одной — это правда, вместе с тем правда и это, что не на кого опереться, нет груди родной, где можно склонить голову, где можно облегчить тоску свою... Кому сказать? Кто горькое слово услышит, оценит, чье сердце готово? Не бросаться же на шею случайному встречному? Мы уже насмотрелись на случайные встречи и знаем им цену. Сердце ищет опоры, но теперь ищет опоры не какой-нибудь, а твердой опоры, надежной, и тоскует потому, что не находит ее. Шевелится горькая дума, что нет такой опоры вовсе, что я никому не нужна и не найти мне своего места в мире.

Безотрадные думы, безотрадная скорбь и такие слезы, слезы, ночью на подушке, когда никто не видит, никто, никто не посмеется — чего больше всего боится одинокое страдающее сердце! Во всем необъятном мире я одна, никому не нужная, бесполезная, в бесполезной пустоте тяну свою одинокую долю...

И сколько безотрадных слез в душе такой! А сколько сейчас таких, которые это переживают? И сколько здесь горя, безотрадной тоски, именно «безотрадной» — почти отчаяния. И так легко в таком положении или пуститься «во все тяжкие», как говорится, или с моста в Неву, в Фонтанку, выпить отравы, или на чердаке с веревкой. Да мало ли способов, которыми люди в отчаянии самовольно кончают жизнь. Они не знают, что делают, не задаются вопросом: а что же дальше? Они не знают и *не хотят знать*, что «будет дальше».

И совершенно понятно, что нам, христианам, так говорить не должно: «Нет выхода, нет твердой опоры». Мы так думать не можем: чутьем верующему сердцу видно, что при таких безотрадных мыслях не обошлось без лукавого... Много стараний наш враг здесь приложил, чтобы довести до отчаяния, до полного крушения всех мечтаний, планов хороших и ярких надежд! Да... тут видна его мерзкая лапа. Это он стремится обмануть бедное сердце, увести его от яркого света в беспросветную тьму... Он знает все неотразимое величие этого яркого света и боится, что страдающее сердце увидит его, потому и обманывает, застилает глаза.

Так и хочется крикнуть во весь голос: «Отойди, окаянный враг. Неправда. Обманываешь. Есть опора для нас, и опора твердая, могучая, сильнее и нет ее на свете!»

Ведь есть Господь наш Иисус Христос и наша вера в Него! Вот наша опора! Он наш Свет Незримый! Он наше Солнце, наше Утешение, наша Радость! Светлая наша Отрада!

Следовательно, есть два вида одиночества: одно безотрадное, полное отчаяния — это одиночество без веры в Бога; второе — одиночество верующей души. Понятно, что мы будем говорить об одиночестве верующих людей... Наша задача — христиан — правильно осмыслить это грустное явление одиночества, увидеть, понять его значение и найти правильный выход из горькой беды.

Вспомните, сестры-христианки, вспомните пустынников, отшельников, вспомните Марию Египетскую, Таисию, Пелагию и других святых жен. Вспомните истинных монахинь нашего и ближайшего к нам времени. Они всей душой искали одиночества, мечтали о нем, как о счастье истинном. Все бросали — богатство, имения, славу мирскую, обычную жизнь и бегали в пустыни, где не только людей — и зверей-то не было, где только луч солнца да ночные звезды могли подслушать тайны сердца, раскаленного огнем Божественной любви.

Бог и человек, человек и Бог, и чтобы между ними ничего не было. Даже от солнца, от неба скрывались, врывались в глубь пещер или, как иные, запирались в кельи своей, и там только подземная тень лампы озаряла светлый Лик Господа Христа, пред Которым стояла все для Него забывшая душа человеческая. Для людей, ищущих Бога, одиночество дорого тем, что в нем как-то полнее и ближе открывается Бог. Наедине с Богом — вот вся жизнь. Чувствуем, что прекрасна такая жизнь. Мы не знаем ее тайн, но думаем о них с бьющимся сердцем. Только угадываем, потому что, чтобы понять, надо самому пережить... И после годов своего тайного счастья эти люди переходили к иному, еще высшему и безграничному счастью — Царства Небесного, перед которым так ничтожно земное счастье.

Скажите, променяли бы эти одинокие люди свое одиночество на молву мирскую? Сможете вы их уговорить уйти снова в мир, выйти замуж, иметь детей? Они — истинные подвижники и слушать вас не станут... Они будут считать, и совершенно справедливо, что в этих уговорах есть проделка диавола.

Вот тут и разберись: одни с ужасом думают об одиночестве, другие стремятся к нему, как к истинному счастью. Епископ Феофан пробыл 20 лет в затворе, и когда люди писали ему и просили разрешения увидеть его, он решительно отказывал в этом. Одиночество ему было так дорого и сладостно, что он никак не желал променять его на людскую молву. Что он переживал тогда в затворе, он никому не сказал, но, видимо, радостно было его состояние, если он не хотел и на один час расстаться с ним.

И преподобный Серафим Саровский никому не сказал, что он пережил в затворе, только из затвора, из сурового одиночества вышел отнюдь не озлобленный, как бы можно ожидать, а таким любвеобильным и светлым, что всякого человека встречал словами: «Радость моя!»

И для всех, кто со Христом переносил одиночество, оно не было тягостью, а совершенно наоборот, оно оживляло, воскрешало душу человека!

*Иисусе Сладчайший! Души моя Утешителю!
Иисусе, ума моего Просветителю!
Иисусе, сердца моего веселие!
Иисусе, покров радости, покрый мя недостойного!*

Эти дивные слова, несомненно, вылились из сердца человеческого во время тайной уединенной молитвы, когда всем сердцем тянулся к Сладчайшему Господу.

А разве многие из здесь стоящих не испытывали, хотя в самой малой степени, подобных мгновений? Разве не пело райской песни и наше сердце, когда Господь Милосердный простирал над сердцем Свою Отеческую руку?

Недаром писатели сравнивают душу-христианку с подсолнечником, который весь день тянется к солнцу. Лицо повертывает; солнце движется, а он за ним, пьет живительное тепло, пока не наступит ночь и он опустит голову. Стоит одинокое дерево, нет кругом деревца, не на кого опереться, только и есть, что ласковое солнышко, и тянется деревцо к нему всеми веточками. Его лучам подставляет свои листочки и пьет тепло и свет, так необходимые дереву для жизни. Так должно и христианину тянуться к своему солнышку — к Господу Иисусу Христу, где свет и тепло, и жизнь и радость.

Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

Зовет человек — язык выговаривает эти слова, а сердце поет нежные песни:

*Иисусе, сладосте сердечная!
Иисусе, светлосте душевная!
Иисусе надежда известная!
Иисусе, желание мое, не отрини мене!*

Да хоть весь акафист переписывай — какие дивные слова! И как много они говорят чуткому сердцу, и какая сладость должна быть в ту пору на сердце!

Вот вам и одиночество! Да такое одиночество воистину слаще и радостнее самого роскошного бала и вечера, где любовь, весна, цветы, где гремит музыка и все залито светом.

Слышите, тоскующие в одиночестве христиане и христианки! Вот где тихая пристань! Вот где можно отдохнуть, где можно и должно излить тоску свою — у ног Господа Иисуса Христа. Он услышит вас. Он приласкает вас, Он утешит вас, и вы запоете:

*Иисусе, сладосте сердечная!
Иисусе Сладчайший, души моя Утешителю!*

И надежда и опора найдутся, и какая опора! Твердая, прочная — Сам Господь Вседержитель. Нет нигде сильнее этой опоры! Пойдите же к Нему все! Не только Вы, одинокие, а и все, кто не видит просвета в семейной жизни, среди семьи и близких сердцу людей...

Посмотрите, что творится у нас: муж на жену кричит, как зверь дикий! Жена на мужа негодует, брат на брата, сестра на сестру. Дети не уважают родителей. Это свои родные, а что про чужих говорить. И тут сочтется кровью сердце. И этим нужно утешение, и здесь нужно слезы утереть. И опять станет вопрос, куда обратиться? Кто подкрепит, приласкает, утешит? И ответ тот же самый: Господь Иисус Христос и Его Святая Матерь.

*Вот тихая пристань: святой Божий храм.
Сюда всем спешить нужно нам.*

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

М.М. Пришвин

*Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова*

П.А. Флоренский

Русский ПАЛОМНИК

Валентина ЕФИМОВСКАЯ ПУТИ ДУХОВНЫЕ

*паломничество 2008,
Италия*

Валентина Валентиновна Ефимовская — поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения.

Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в Библиографическом словаре «Русские писатели» (изд. Пушкинским Домом в 2006 г.), большой цикл статей публиковался в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. Живет в Санкт-Петербурге.

1. ДЫХАНЬЕ ПАЛЬМОВЫХ ВЕТВЕЙ

«Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога...» Слова Н.В. Гоголя наиболее точно определяют силу чувства русского человека, так часто испытываемого им. Дорога, даже заведомо трудная, всегда являлась желанной для русских людей вне зависимости от их происхождения и благосостояния. Неторопливое постижение бескрайнего отеческого простора было не единственной целью, но необходимостью существования беспокойной, трудолюбивой православной души. Почему испокон веков дорога — главная координата русской жизни? Не потому ли, что со времен формирования государства народ селился по берегам рек, которые были первыми путями, приучившими его к непрерывному движению. Или потому что велика территория нашей родины и так хочется весь ее простор вместить в одну краткую человеческую жизнь. А может, потому, что душа православная придает понятию «дорога» особый сокровенный смысл, связанный с христианским представлением о земной жизни как пути в Вечность.

Этот путь для верующего человека немислим без соприкосновения с христианскими святынями, с местами, освященными стопами Спасителя, Божией Матери, Апостолов и Святителей христианской Церкви, во имя которой они совершали свои подвиги. Проще говоря, в любом

христианском сердце живет неугасимое желание «освятиться» святым местом во искупление греха, в обретение полноты веры, для стяжания благодати. Это желание с древних времен заставляло многих христиан совершать далекие паломнические путешествия к святым местам, что приравнивалось к подвигу. «Подвиг, собственно, заключался в отказе от удобств, в том, что человек скидывал с себя временно все земные пути богатства и приобщался к нищете. Человек становился добровольным нищим и следовал завету Христа: не сеял, ни жал, всецело вручал себя на волю Бога. Так он шел к тому месту, куда влекла его вера, и там, узрев святыню, прикоснувшись к ней, снова становился прежним человеком, лишь просветленным подвигом, им совершенным».¹

История подвига паломничества восходит к ветхозаветным временам, когда верующие издалека приходили на поклонение к Иерусалимскому храму. Более глубоким смыслом паломничество наполнилось во времена христианские, а по мере расширения христианства увеличивалось и количество благодатных мест. И само слово имеет христианский смысл, связанный с историей путешественников, возвращавшихся из своих странствий и несущих к гробу Господню пальмовую ветвь в память тех пальмовых ветвей, которыми народ встречал Иисуса при въезде Его в Иерусалим. Паломничество, а по-русски «богомолье», постепенно, и особенно на Руси, приобрело и свою практику, и разные виды, и своих учителей, наполнилось смыслом монашеского подвига, потому что предполагало в пути духовную брань и перенесение искушений.

В нашей поездке, казалось, понятие паломничества утрачивало традиционное значение. Действительно, о каких лишениях, о каком подвиге можно говорить, если к святому месту доставляют комфортабельные транспортные средства, если предоставляются удобные гостиницы, если есть страховка на все случаи жизни? Но у каждого времени свои законы, и в каждые времена можно послужить Богу. Как я выяснила на собственном опыте, облегчение быта паломничества не слишком отражается на его духовном уровне, не сказывается на молитвенном накале, даже, наоборот, способствует сосредоточенности в радении Господу, не изматывает сердце бытовыми заботами, не отвлекает душу, которая более чем когда-либо доверяется воле Божией.

Побывать в итальянском городе Бари, где покоятся мощи святителя Николая Мирликийского, в майский день его прославления хочет, наверное, каждый русский православный человек. Паломничество в такие дни в христианскую Италию предлагают не многие туристические фирмы. Но как из них выбрать надежную, какой довериться в наше обманное время? С этого вопроса я вручила себя

¹ «О странниках русской земли». Записки священника Сергея Сидорова. М. 1999, С. 98.

Воле Божией, и на память пришло объявление из православной газеты, в котором сообщалось о поездках, организуемых московским туристическим агентством АНО «Паломнический центр». Оно уже много лет благополучно работает по благословению иерархов Московского Патриархата и имеет филиал в Санкт-Петербурге. В этой компании разработано уникальное путешествие, позволяющее паломнику с помощью сопровождающих группу священников поклониться множеству христианских святынь Италии. Мне, коренной жительнице Петербурга, предоставлялась возможность усложнить свое первое заграничное богомолье, увеличить путь к святым местам, ведь поездка начиналась в Москве, где в аэропорту я должна была соединиться со своей группой, которая состояла в основном из женщин, тоже приехавших из разных городов России.

Вид майской неаполитанской земли вызвал наше общее восхищение. Это такое чудесное зрелище, которое запоминается на всю жизнь. Цветет все! Розы, оливы, пальмы, маки, кактусы, кажется, что ярко цветут стены старинных домов и причудливые балконы и балкончики. На деревьях не видно листьев, лишь каскады разноцветных бутонов. Принарядившиеся белыми скромными цветочками пальмы, тяжело дыша на ветру Тирренского моря, машут своими огромными ветвями, будто напоминают нам, что мы паломники, и что нам, невзирая на курортные моды, надлежит позаботиться о скромности своего наряда и не роптать на тяжесть выбранного пути. Пальмы по берегу Неаполитанского залива так высоки, а их ветви так велики и тяжелы, что недоумеваешь, какой же великой силой и какой выносливой любовью должны были обладать люди, приветствовавшие ими Христа. Благость и духовную силу Христовых учеников удалось ощутить в первый же наш день, когда с Божией помощью посчастливилось приложиться к мощам святого Андрея Первозванного.

Город Амальфи, в котором находится храм с мощами Христова Апостола, некогда был самостоятельным княжеством и имел власть над морем. Святые мощи покровителя моряков были тайно вывезены из Константинополя и в мае 1208 года доставлены в Амальфи Петром из Капуи, кардиналом Амальфийской церкви. Мощи Апостола, распятого за проповедь христианства в греческом городе Патросе, были помещены в амальфийский Кафедральный собор, построенный в X веке, фасад которого неоднократно перестраивался, последний раз в 1875 году. Собор в честь святого Андрея Первозванного расположен на побережье, у самого подножия города, поднимающегося по крутым склонам Апенинских гор ввысь, как будто к небесам. В храм ведет крутая многоступенчатая лестница, приводящая к подлинным византийским дверям XI века, выходящим в монастырский двор, называемый «Райским». У входа в храм нас встретил отец Андрей Бойцов, с 2002 года настоятель прихода Святого Апостола Андрея Первозванного Русской Православной Церкви Московского Патриархата в Неаполе. Специально для нашей группы по плану

паломничества он приехал из Неаполя, чтобы рассказать об истории храма и отслужить молебен.

*Храм апостола
Андрея Первозванного в г. Амальфи*

Через базилику Распятия, выстроенную в стиле итальянского барокко, мы, оробевшие от безлюдной холодности и гулкой скульптурной величественности пространства католического храма, в главном алтаре которого, украшенном иконой с изображением мученичества Апостола Андрея, находится саркофаг архиепископа Петра из Капуи, в сопровождении отца Андрея спустились в крипту, к мощам любимого русскими Апостола. Большая бронзовая скульптура надгробья, изображающая святого с атрибутом мученичества — косым крестом, выполненная скульптором Микеланджело Наккерино, свидетель-

ствовала о том, что мы находимся в пространстве чужой культуры. Но это тревожное ощущение сразу рассеялось, как только четко, словно по-военному, прозвучало из уст батюшки такое родное, православное: «Христос воскрес!», — и множеством голосов нашей паломнической рати откликнулось: «Воистину воскрес!» Этой стройной перекличкой мы как будто укрепили свои права на духовное общение с Первым Апостолом, проповедовавшим Христово учение на славянских землях. А потом в реликварии зазвучали слова православного молебна. Мы вместе с отцом Андреем просили Христова Апостола молить Бога не только о нас, но и о нашей многострадальной России, о ее пастырях, о ее защитниках. В черном священническом облачении отец Андрей, несущий свою священную службу вдали от Родины, тоже был одним из тех, кто стоит на страже государственных рубежей, самых ныне атакуемых — духовных. Наш русский молебен в сердце католического собора свидетельствовал, что русское священство справляется со своей ответственной миссией. Невидимые слезы радости, казалось, просветлили очи, и увиде-

лось великое будущее нашей православной Отчизны, и почему-то вспомнились загадочные слова В.О.Ключевского о России, которая подобна люльке, «в которой беспокойно возится и кричит мировое будущее». Государственная тема как будто промыслительно сопутствовала нам в этот светлый день.

Святыни, которыми так богата христианская Италия, действительно, производят очень сильное духовное впечатление. В поклонении им, кажется, приближаешься к Богу, кажется, что Он внимлет твоим благодарностям и мольбам, видит все твои прегрешения. Поклонение мощам святого Апостола Андрея Первозванного, а именно, части главы, заключенной в стеклянном ковчеге, происходило в торжественной просветленной тишине. Отец Андрей позволил нам приложиться к этой величайшей христианской святыне, и наши души благоговейно наполнились возрастающей верой и благодарной любовью.

Ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного

В маленьком пространстве реликвария в этот торжественный момент вместе с нами были еще два человека. Мы узнали бывшего министра иностранных дел России Игоря Иванова, с ним была его супруга Екатерина Семеновна. Оба они горячо, искренне молились Первоапостолу. Казалось, что судьба не случайно свела нас с этими людьми пред мощами покровителя морской, а значит, государственной мощи России. Как будто для того, чтобы показать нам ошибоч-

ность, греховность и недопустимость привычных наших обывательских, не компетентных суждений о людях власти, чьи пути бывают воистину неисповедимы. Отец Андрей рассказал о том, что, оказывается, Игорь Иванов приложил немало сил на получение разрешения на открытие православной церкви во имя святой Екатерины на территории российского посольства в Риме, что он тоже совершает паломничество по святым местам. Так со сложным, радостным чувством прикосновения к вечности и уверенности в благополучном будущем России закончился наш первый день.

В воскресенье в Италии отдыхают все, занимаются любимыми делами, предпочитая мессе массовые спортивные соревнования. В такой веселый день нам предстояло посетить небольшой старинный город Салерно, расположенный на побережье Неаполитанского залива, по которому в античные времена путешествовал Одиссей. Считается, что именно в этом заливе находятся острова, где жили сирены, бродили одноглазые циклопы, о которых есть достоверные упоминания в древних источниках, там они называются одноглазыми слонами. Но если к мифам можно относиться по-разному, то грозное величие Везувия, вблизи которого мы проезжали, вызывает у всех чувства схожие: восхищения и любопытства. Да и как иначе можно относиться к этому древнему и по сей день живому вулкану, с извержениями которого связаны известные трагические события в истории Италии. Говорят, что над ним, притихшим с 1944 года, вновь появляется дымок, как свидетельство о его новой боевой готовности, имеющей цикличность 50-60 лет. Но веселых неаполитанцев, очевидно, не пугает этот факт. Нам же, несмотря на всеобщее праздничное настроение, нужно было сохранять сдержанное усердие, ведь предстояла «встреча» с Евангелистом Матфеем.

В Кафедральном соборе Салерно, построенном в честь Девы Марии в 1081 году, гробница Святого Апостола Матфея находится со дня его освящения. Из Византии мощи были перевезены лангобардским принцем Жузульфом в 954 году. Вход в собор через подлинную византийскую дверь XI века стерегут два старинных каменных льва, символизирующие силу, защищающую от пороков трусости и гордыни. И весь собор построен в византийском стиле, древнегреческие колонны коринфского ордера украшают внутренний дворик. В стиле барокко выполнена неоднократно перестроенная капелла собора, в которой, вероятно по случаю воскресения, и к нашему удивлению задорно, через микрофон, в сопровождении звучных электроинструментов, под руководством пасторов, немногочисленные подростки разного цвета кожи распевали веселые песни на евангельские сюжеты. Эти новые формы, придуманные, наверное, для привлечения в храм молодежи, показались кощунственными, а само действо возмутило наши души, так как очевидно не соответствовало ни строгости мозаичного алтаря, выполненного старинными мастерами Сицилии, перед которым происходило, ни величественности древнего храма, ни

той великой истории, которой посвящалось. Крипта с мощами Евангелиста Матфея, расположенная в нижнем левом приделе, к счастью, была изолирована от громогласного «веселья», которое происходило над ней. Обволакивающая холодом, отражающаяся от мозаичных стен тишина, словно отрезвляла, способствовала душевной концентрации. Как принято в католических соборах, гробницу украшает скульптура. Серебряный Апостол Матфей изображен в тот момент, когда ангел диктует ему Евангелие. Прикосновение губами и лбом к многослойному саркофагу длилось несколько секунд, но бережно хранит незабываемое ощущение память сердца, повторяющего слова тропаря: «Апостол святой и Евангелист Матфей, моли милостивого Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим».

Вторая половина этого насыщенного воскресного дня, когда по объективным причинам под угрозой оказался дальнейший распорядок путешествия, благополучно состоялась, казалось, по милости Божией, о которой мы просили в молитвах Апостола Матфея. Мы остались без сопровождающего по христианским святыням Неаполя. Без этой интересной и очень важной части паломничества оказались бы не понятыми некоторые особенности христианской культуры вообще и католической в частности. Но сопровождающая группы и переводчик, скромная славянская женщина, уроженка Севастополя, Елена Ельчанинова, которая теперь постоянно живет в Неаполе, утешила нас и взялась сама показать свой любимый город и его святые храмы. Но прежде, как заботливая хозяйка, накормила. Нельзя, будучи в Италии, не попробовать знаменитую итальянскую пиццу.

На маленькой, величиной с театральную сцену, площади Салерно, окруженной старинными двух-трех этажными домиками с балконами, на которых ярко цветущие комнатные растения гирлянды своих цветов спускают почти до земли, и беззастенчиво сушится белье, мы расположились в ожидании заказанного обеда. Конечно же, нам принесли «Маргариту». Как рассказала Елена, название это связано с историей из жизни Маргариты Савойской, которая, попробовав три вида пицц, предпочла ту, что была выполнена в цветах итальянского флага. Эту пиццу и назвали в честь патриотичной королевы. Итальянскую пиццу обычно исполняют три человека: один раскатывает тесто, второй делает начинку, третий выпекает. Наша заботливая Елена не только заранее рачительно просчитала стоимость обеда, но и сама всем распоряжалась, так ей хотелось, чтобы соотечественникам понравилась ее, действительно восхитительное, новое место жительства.

В Неаполь мы ехали по шоссе, которое потому в народе называется «Золотая миля», что по этой дороге озолотившиеся Бурбоны вывозили сокровища из раскопанных из пепла Помпей. Но на самом деле это шоссе больше напоминает асфальтированную аллею: ряды могучих пальм сменяются оливковыми плантациями, виноградники отделяются от дороги высоченными кактусами, круглые медвежьи

лапы которых сплошь усеяны яркими кругленькими цветочками, похожими на наши кувшинки. И все это по обеим сторонам, переходя в маковые поля, тянется к подножию гор. Горы на юге Италии являются основной частью вмещающего ландшафта. Они, кажется, созданы для того, чтобы на их высоких лесистых вершинах, кое-где сверкающих отвесными водопадами, располагались неприступные замки и величественные монастыри. К сожалению, многие замки сегодня превращаются в руины, а в монастырях братии, как нам сообщили, или вовсе нет, или не более десятка. Наверное, для восполнения утраченного и удержания уходящего и в знак своего боголюбия неаполитанцы на многих вершинах ставят большие, видные издали железные католические кресты. Наше особое внимание привлеч мрачный серый замок на вершине самой большой горы вблизи Неаполя. Оказывается, он тесно связан с русской историей: в этом замке скрывался от отцовского гнева сын Петра I царевич Алексей, и из этого замка обманом он был выманен и увезен на казнь. Не менее страшные истории совершались и в неаполитанских землях.

*Кафедральный собор
св. Ианнуария в г. Неаполе*

История Неаполя, а в переводе с греческого Новгорода, расположенного на побережье Тирренского моря, начинается задолго до Рождества Христова, с 427 года до н.э. На месте самой древней базилики, капеллы святой Реситуиты, построенной в IV веке, в XIII веке по велению Карла II Анжуйского был построен Кафедральный собор. Собор, в благодарность помощи Божией, богато украшенный серебряными и позолоченными статуями, многократно перестраивался. Здесь покоятся мощи покровителя Неаполя святого Ианнуария, перевезенные из Бенвенутто, где святитель родился и был епископом. По ука-

зу язычника — правителя Тимофея, Ианнуария мучили, заставляя отказаться от веры, но христианский первосвященник, молящийся о

своем мучителе, просящий Бога вразумить тирана и избавить его от слепоты, не сгорел в огне, не погиб от побоев, его не тронули дикие звери. Хотя Тимофей по молитвам святого и прозрел физически, но остался слепым духовно и казнил Ианнуария, отрубив ему голову. Кормилица бережно собрала кровь своего молочного сына и поместила ее в колбы. Мощи и колбы с кровью св. Ианнуария, которые долгие годы не имели постоянного пристанища и «путешествовали» по стране, перенесены в Неаполь в 1497 году архиепископом Карафмой. От мощей происходит много чудес и исцелений. Но самым главным чудом является кровь Ианнуария, которая три раза в год на глазах верующих разжижается. Это чудо в XVI веке примирило и спасло неаполитанцев от гражданской войны. Правда, говорят, что кровь разжижается не всегда: так, например, этого не произошло во время чумы в XVI веке.

Неаполитанцы очень любят своего святого покровителя, дарят ему драгоценные подарки, которые все вместе называются «Сокровища святого Ианнуария» и выставлены в храмовом музее. Но самое ценное сокровище — чудотворные мощи, — находится в нижней крипте Кафедрального собора. С содроганием мы увидели в большой керамической вазе открыто выставленные кости святого. Рядом похоронен архиепископ Караффа. Над его могилой установлен мраморный скульптурный портрет, изображающий священника коленопреклоненным в момент глубокой молитвы.

В одном из приделов помпезного центрального нефа помещена огромная скульптура св. Ианнуария в виде Папы. Беззастенчивое обилие довлеющих мраморных скульптур, как будто вопиющих в ог-

Скульптура архиепископа Караффы

ромном полупустом соборе о мучительном стремлении изображенных к вечной земной жизни, обилие материальных свидетельств чудес, так ярко, убедительно доказывающих святость католических священ-

ников, кажется, вытесняют образы вечного духовного мира. Во всем сияет художественный гений человека, всем прославляется мудрость и непогрешимость римских пап, человеческая сила и значимость, так необходимые для достижения материально-потребительского рая на земле, которая, действительно, и щедра, и плодоносна, которая дарит неаполитанцам такие красивые, благоухающие и долго цветущие цветы.

Но большая старинная церковь по соседству с Кафедральным собором, безмолвная, наглухо закрытая, кажется, грустно свидетельствует о том, что в здешнем мире не все цветы бессмертны. Как рассказала Елена, настоятелем этой церкви был молодой пастор, который решил в одиночку исправить мир, и стал открыто бороться с местной мафией, но вскоре, не без помощи всесильной мафии, исчез из этой церкви, а храм теперь стоит закрытым, как свидетельство вседозволенности сильных мира сего. С жалостью смотришь на огромный пустой умирающий собор, ведь где-то здесь в Неаполе отец Андрей ютится со своим православным приходом в маленькой арендуемой церкви.

Полупустым в воскресный вечер оказался и древний готический собор XII века святой Киары или Клары. Последовательница и современница Франциска Ассизского святая Клара, будучи из богатого рода, отказалась от состояния, от своего богатого жениха и решила уйти во Франсисканский орден, но в мужском монастыре ей не нашлось места. Тогда Клара сама образовала свою общину для бедных девочек, которых прозвали Клариссами, и сама стала у них проповедницей. Однонефный собор очень строг, величествен и печален. Здесь устроили свою усыпальницу правители Неаполя Бурбоны. В соборе мало скульптуры, почти нет икон, только витражи в стрельчатых окнах. Храм сильно пострадал во время войны, сейчас его внешний вид восстановлен почти полностью. Интересна для сравнения одна скульптурная группа, расположенная справа от входа и изображающая ангела, стоящего на льве. Считается, что скульптор хотел сказать, что небесный мир, представленный ангелом, не может существовать без мира земного, без мира власти, олицетворяемой львом, который если вырвется, то и ангел упадет. Здесь вспомнились византийские львы из Салерно, установленные перед древними воротами, ведущими в храм Евангелиста Матфея, наоборот, предостерегавшие властителей от пороков алчности и гордыни.

Очень большой, красивый, принадлежащий иезуитскому ордену собор Джезу Нуово — храм Христа Спасителя, этим воскресным вечером единственный оказался полон прихожан. Он был преобразован иезуитами на рубеже XVI-XVII из ренессансного палаццо Сансеверино, от которого осталась необыкновенная граненая облицовка фасада. Трехнефная церковь, увенчанная куполом, выполнена в форме готического креста. Этот, можно сказать, «медицинский» собор, хранит мощи святого бессеребренника Кира и его помощника

Иоанна. Известно, что Кир был знаменитым врачом в Александрии в Египте и лечил бесплатно всех больных телесно и духовно с помощью Христовой молитвы. Во время гонений Диоклетиана, конец III — начало IV веков, Кир удалился в Аравийскую пустыню, где продолжал с Божией помощью исцелять людей. Желая помочь в благом деле, там его отыскал Иоанн из Эдесса, ставший последователем врача. Спасая, заключенную в тюрьму христианку Афанасию с тремя малолетними дочерьми, Кир и Иоанн сами были схвачены и преданы мучительной казни. Мощи мучеников, от которых происходили исцеления, были перевезены в Константинополь, а позднее в Италию. Но в храме, хранящем мощи многих христианских мучеников, почитается еще один человек, живший не так давно, в 1880–1927 г., медик Джузеппе Москати, причисленный к лику святых. Он жил и работал при храме, принимал ежедневно бесплатно большое количество больных, многие из которых вылечивались. По сей день по молитвам, обращенным к врачу, происходят исцеления, чему есть множество доказательств в виде подаренных излечившимися людьми маленьких барельефов из золота и серебра той части тела, которая была вылечена со святой помощью Джузеппе. Такими барельефами сплошь увешаны все стены придела святого Джузеппе Москати. И сегодня в этом переполненном соборе прихожане истово молятся о своей брэнной плоти.

Наши тела тоже ощутили усталость, но неутомимый экскурсовод Елена после такой насыщенной плановой пешеходной экскурсии, попросила молодого доброжелательного водителя Алесслио сделать нам в подарок еще и незапланированную поездку по вечернему Неаполю. Добросердечная славянская женщина за счет своего свободного времени показала нам дворцы и площади любимого города, рассказала об их истории. Мы увидели статую Данте на одноименной площади, Королевский дворец и театр, неприступную твердыню Анжуйского замка, где хранятся росписи Джотто и городской парк, площадь Победы, названную в честь четырехдневного в 1944 году противостояния неаполитанцев фашистам и их приспешникам, закончившегося их изгнанием. Оккупанты ушли из города вместе с членами последней королевской династии Савойских. Взглянув на гору, где похоронен Вергилий, и на огни набережной, мы направились в свой уютный пригородный отель в естественном волнении, ведь завтра нас ждал Рим.

2. КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Глядя на Рим, кажется удивительным, что сказка о неувядаемом Каменном цветке превосходной красоты, появилась не в Италии с ее живописными горами, разноцветными известняками и еще живой, древней жилой каррарского мрамора, питающего художников вдохновением поныне. Не иначе, как Каменным цветком хочется назвать

вечный Рим. Потаенная красота раскрывается не сразу, нужно потрудиться и духовно, и физически, чтобы потом долго-долго в памяти жил его искусный рукотворный образ, трудное рождение которого так точно описал Н.В.Гоголь. «...он уединился совершенно, принялся рассматривать Рим и сделался в этом отношении подобен иностранцу, который сначала бывает поражен мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными темными домами, и с недоумением вопрошает, попадая из переулка в переулочек: где же огромный древний Рим? — и потом уже узнает его, когда мало-помалу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим, где темной аркой, где мраморным карнизом, вделанным в стену, где порфировой потемневшей колонной, где фронтоном посреди вонючего рыбного рынка, где целым портиком перед нестаринной церковью, и, наконец, далеко, там, где оканчивается вовсе живущий город, громадно воздымается он среди тысячелетних плющей, алоэ и открытых равнин необъятным Колизеем, триумфальными арками, останками необозримых цезарских дворцов, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полям... Он находил все равно прекрасным: мир древний, шевелившийся из под темного архитрава, могучий средний век, положивший везде следы художников-исполинов и великолепной щедрости пап, и, наконец, прилепившийся к ним новый век с толпящимся новым народонаселением».²

Рим, основанный в 753 году до Р.Х., был большим, людным языческим городом, поэтому первые апостолы, Христовы ученики, устремились с Благой Вестью в первую очередь сюда. По площадям и улочкам многолюдного императорского города ходили святые проповедники, здесь они пролили свою кровь, здесь нашлось множество их последователей, которые Христово учение понесли по всему свету. Само же объединенное государство Италия очень молодо, оно существует с 1870 года. Хотя, как говорят жители, глубинного объединения все-таки не произошло: неаполитанцы, миланцы, венецианцы и говорят на разных диалектах, и чувствуют свое историческое и национальное различие. Может быть, для укрепления нации во всех итальянских школах — не в пример нашим — введен обязательный религиозный урок с обязательным посещением! Но самой главной объединяющей ценностью, основанной на всеобщей любви, является Рим.

Рим встретил нас пасмурно. Нахмурившись, низкие серебряные небеса предвещали скорые осадки. Но в такой погодной безрадостности, затененности сильнее, чем в откровенно солнечную погоду, чувствовалась таинственная старина здешних мест, густо пахнущая непроглядными водами ленивого Тибра и мшистой сыростью древних зеленеющих камней стен и мостовых. Именно в Риме мы впервые ощутили на себе всю тяжесть паломнического усердия, нам пришлось потрудиться как будто и за местных христиан. Вследствие

² Н.В. Гоголь. Рим. Собр. соч. 1984. т. 3. С. 200.

малой активности коренных жителей, которые неохотно посещают свои святые храмы, этим храмам в целях экономии допускается работать всего несколько часов в день. И нам нужно было успеть вместить в эти несколько часов посещение многих римских христианских святынь, что удалось выполнить со средней скоростью начинающего бегуна на длинные дистанции. Скорость задавал молодой батюшка — отец Алексей, представитель Русской Православной Церкви, направленный в Ватикан для продолжения обучения на историческом факультете. Знания истории христианства и христианской культуры отца Алексея, который в течение четырехчасовой экскурсии дал огромный объем информации, нас восхитили, как и все увиденные римские достопримечательности.

Первой из них, поразившей наше привыкшее к обратной перспективе православное воображение, стал Латеранский собор Святого Иоанна, кафедральный собор Рима, который является самым главным собором после собора св. Петра. Он был построен в начале IV века на земле, подаренной церкви императором Константином. Впоследствии и разрушался, и перестраивался. Сегодня этот величественный пятинефный собор подавляет роскошью, монументальностью. Огромные статуи Апостолов, расположенные в нишах пилонов центрального нефа, своей грозностью, своей тяжеловесностью, кажется, напоминают о традиции скульптурного изображения древнеримских языческих богов. Все выпукло, массивно, незыблемо, плотно, великолепно, как и расположенный здесь главный престол или трон для интронизации Римских пап, сверху украшенный двумя небольшими фигурками Петра и Павла, внутри них находятся Святые мощи — главы Апостолов. Православному сердцу трудно согласиться с такой функцией и таким расположением величайших святынь мирового христианства, которым, кажется, подобает традиционно сокровенное, уединенное место, как и для части святой столешницы Тайной Вечери, что в соборе помещена за росписью, изображающей это Великое событие.

Такое очевидное, озадачивающее практичностью, рациональное отношение в Риме к святыням и к вере связано, может быть, и с тем, что по легенде родителями основателей столицы Ромула и Рема были человеческая дочь — весталка и бог Марс, и поэтому, наверное, плотское человеческое здесь всегда соседствует с божественным. Отпечаток величия, мощи и определенной практичности лежит на всей архитектуре старинного Рима, который и после падения великой империи продолжал и продолжает претендовать на роль учителя цивилизации, культурного и духовного центра большей части мира, будучи столицей католического христианства.

Но все эти тревожные размышления, возникшие после посещения Латеранского собора, рассеялись при виде одной из самых известных и знаменитых христианских святынь, находящейся в храме Святая Лестница. Своим именем храм обязан 28-ступенчатой

Лестнице, расположенной в нем. Предание гласит, что по указу благочестивой императрицы Елены, матери императора Константина, Святая Лестница была перевезена из Иерусалима в Рим. Это та самая Лестница из дворца Пилата, по которой ходил Иисус Христос. Святая Елена поместила реликвию в церкви, специально для нее построенной на месте своего дворца. Сегодня древние ступени защищены деревянными панелями, на которых явно видны изношенности, ведь восхождение по Лестнице на коленях, со словами молитвы совершают практически все паломники, приезжающие в Рим. С Иисусовой молитвой, повторяемой на каждой ступени, задыхаясь, разбивая колени в кровь, запутываясь в длинных юбках, не касаясь ступеней стопой, все наши женщины совершили нелегкое восхождение к Нерукотворному Образу Спасителя, расположенному над алтарем в часовне в конце пути, и радовались, что с честью выполнили свой маленький подвиг паломничества. Но отдыхать было некогда.

У подножия как будто обгрызанных временем стен Колизея, символа некогда великой Римской империи, с искренней болью мы сочувствовали мучениям первохристиан. Колизей был построен в 70-80 годы и назывался Амфитеатром Флавия. Его задумал император Веспасиан, знавший еще тогда: чтобы народ держать в подчинении, ему нужно давать хлеба и зрелищ. Когда-то это было очень красивое белоснежное сооружение, украшенное многочисленной скульптурой, сооруженное по последнему слову тогдашней техники. Над ним в зависимости от погоды могла разворачиваться временная крыша. В Колизее устраивались не только бои гладиаторов, но могли разыгрываться даже морские сражения, на арене, заполнявшейся для этого водой. При императоре Трояне в Колизее начали мучить христиан. Они гибли тысячами, кровавые расправы продолжались до IV века. Первый мученик, обagrивший кровью землю Колизея, был Игнатий Богоносец, здесь погибли Евстафий Плакида с семьей, святая Татиана и многие другие. Когда однажды святитель Григорий Двоеслов, папа Римский, дал в подарок удивленным послам императора Юстиниан, пришедшим из Византии, драгоценную святыню — горсть земли из Колизея, завернутую в дорогую ткань, ему пришлось объяснить дар: «Вы не понимаете, что я даю вам: эта земля, пропитанная кровью мучеников за веру». Гонения христиан прекратились при императоре Константине, который уверовал во Христа после своей победы над превосходящим по численности войском Максенция. Об этой чудесной победе императору, который хотел было отступить, был глас «Сим победишь» и видение христианского креста. Но и в христианские времена Колизей, как место кровавых зрелищ, продолжал действовать, вплоть до V века. Но однажды, во время боя, на арену вышел монах Телемах, пришедший с Востока, и попытался остановить кровопролитие. Зрители пбили камнями духовного миротворца. Чуть позже Теле-

мах был причислен к лику святых, а император Гонорий запретил кровавые зрелища. На долгие годы Колизей был заброшен. Лишь в XVIII веке папа Венедикт XIV взял под свое покровительство древнее сооружение, связанное с христианской историей, и поставил вокруг 12 алтарей. В центре размещен христианский крест. В Великий Четверг здесь совершается шествие в воспоминание Страстей Господних.

Не менее зловещее место представляет древняя Мамертинская темница, расположенная вблизи Римского Форума. Такое расположение свидетельствует о ее политическом значении. Действительно, долгое время это была тюрьма для заключения государственных преступников. В темнице, построенной в 640 году до Р.Х., содержались пред казнью и апостолы Петр и Павел, которые за время своего здесь пребывания обратили в христианскую веру стражников Проккеса и Мартиниана. В знак Божиего покровительства этому событию в темнице чудесно забил источник воды, нужной для крещения новых христиан. Тюрьма ужасает своим нижним этажом, у которого не было ни входа, ни выхода. Мучеников, в том числе и за веру, сбрасывали через узкое круглое отверстие, а потом трупы через него же доставали крюком. В темнице сохранился мраморный столб, к которому были прикован Апостол Петр перед казнью распятием. В Мамертинской темнице, существующей с древних времен, время как будто останавливается. Под древними сырыми мрачными сводами ощущаешь некий эффект присутствия в древних временах. Сердце, кажется, сжимается от той нестерпимой физической боли, которую испытывали мученики за Христа, а душа укрепляется их непоколебимой верой. Хотелось задержать, сохранить это сложное, необычное ощущение, но времени не было...

В церкви святого Георгия Победоносца в Веларбо, построенной по желанию греческих воинов, мы поклонились главной ее святыне — честной главе великого покровителя воинства. Богослужение в этой церкви всегда велось по православному обряду. Церковь Божией Матери «Жертвенник небесный», построенная в VI веке, стоит на вершине Капитолийского холма. Сто двадцать четыре трудные ступени ведут к храму, в котором в красной порфировой раке покоятся мощи святой равноапостольной царицы Елены, матери императора Константина. Над главным престолом возвышается икона Божией Матери, по преданию написанная Евангелистом Лукой. В благодатной тишине, всяк по-своему, мы отдали православные почести, вознесли благодарные молитвы равноапостольной царице, и поспешили к святому Алексею человеку Божию.

Церковь святого Вонифатия и преподобного Алексея человека Божия находится на вершине Авентийского холма. Многие русские знают историю преподобного Алексея, но романтическая и трагическая судьба Вонифатия известна менее. Раб Вонифатий отправился на поиски мощей христианских мучеников во искупления

греховной любви со своей хозяйкой Аглаидой. Перед дорогой он сказал любимой женщине, — «а что, если я не найду нужных мощей, может, примешь мои». Так и случилось, Вонифатий не нашел искомого, но в чужом краю, видя веру и страдания христиан, казнимых Диоклетианом, сам уверовал во Христа и принял мученическую кончину. Через некоторое время, получив мощи любимого раба, Аглаида погребла их и, раздав все свое богатство, ушла в монастырь. В главном престоле церкви в гробнице из белого мрамора почивают мощи святого мученика Вонифатия и рядом преподобного Алексия. Особой святыней храма является икона Богоматери Эдесской, по преданию выполненная Евангелистом Лукой. Эта икона находилась в том храме в Эдессе, на паперти которого св. Алексий провел семнадцать лет, и глас этой иконы именовал святого Алексия — человеком Божиим. Не нагледевшись вдоволь на великолепную мраморную статую праведного Алексия, изображенного спящим вечным сном под мраморной лестницей, мы были вынуждены самыми последними покинуть закрывающийся собор. Но с Авентийского холма уходить не спешили. Из плодоносящего апельсинового сада монастыря святого Доменика, казалось, уйти невозможно, ведь он так сказочно красив со своими ярко-зелеными деревцами, украшенными, как красными лампочками, крупными созревшими плодами, которые никто не трогает. Кроме того, с высокой балюстрады чудного сада открывается незабываемый вид на Рим с птичьего полета. Хорошо виден Ватикан и его главный собор с галереей, спроектированной в виде замочной скважины, в напоминание того, что Апостолу Петру доверены ключи от рая, и, вероятно, в знак неколебимой веры итальянцев, что вход в рай именно здесь, в центре католического мира, в государстве Ватикан, где нам предстояло побывать на следующий день.

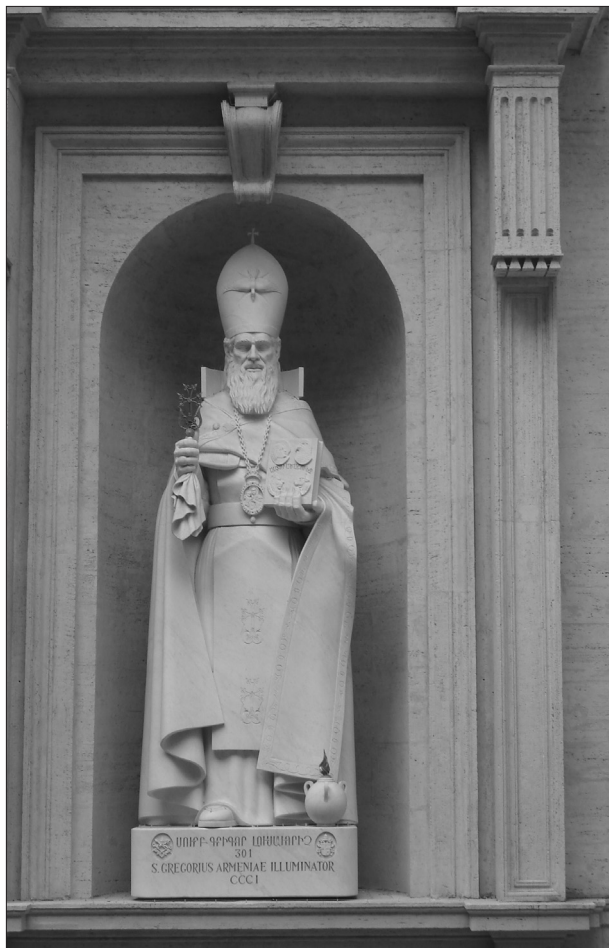
Чтобы попасть в музеи Ватикана, люди обычно стоят по четыре-пять часов. Вероятно, и проливной дождь, и наше усердие, (мы заняли очередь очень рано), способствовали тому, что, уже через двадцать минут после открытия мы с трепетом и любопытством вошли в знаменитую художественную сокровищницу. Так что сэкономленные силыгодились для напряженного духовного труда созерцания творений гениальных мастеров. Стоит ли перечислять их, если многие известны с детства, знакомы по бережно хранимым открыткам и репродукциям из истории искусств. За себя говорят имена художников: Джотто, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Тициан, Микеланджело, Пинтуриккио, восклицают названия шедевров: Аполлон Бельведерский, Лаокоон, стансы Рафаэля, Сикстинская капелла... Музеи Ватикана представляют самую богатую в мире коллекцию классического искусства, собранную благодаря заботам пап Климента XIV, Пия VI, Пия VII и Григория XVI, которые реорганизовали и дополнили коллекцию, уже существовавшую в эпоху Возрождения. Стансы были расписаны Рафаэлем по заказу папы Юлия II для своих апар-

таментов в папском дворце. Художник начал работать над фресками в 1508 году, когда ему было двадцать пять лет. Папа был настолько восхищен мастерством молодого художника, что решил отменить заказ, уже доверенный таким знаменитым художникам, как Лука Синьорелли, Пинтуриккио, Перуджино и Содома. Сикстинская капелла, построенная архитектором Джованнино де Дольчи по заказу папы Сикста IV и большей частью расписанная гениальным Микеланджело, является ценнейшим художественным, историческим и религиозным памятником. В Сикстинской капелле совершаются и сегодня особо торжественные церемонии и, прежде всего, знаменитый Конклав, собрание кардиналов, на котором избирается новый папа. По цвету дыма именно из Сикстинской капеллы католики узнают о результатах голосования.

Ватикан это не только художественный музей и исторический центр, он является независимым государством, во главе которого стоит Римский папа, глава всех христиан католического мира. Ватиканское государство, ставшее независимым с 11 февраля 1929 года после подписания Латеранского пакта, занимает огромную площадь на правом берегу Тибра, на том месте, где подвергались истязания первые христианские мученики и сам Апостол Петр. Поэтому главный собор Ватикана и всего католического мира освящен во имя Апостола Петра и свою историю ведет с 324 года, когда император Константин построил первую величественную базилику. Окончательный вид в форме латинского креста собор святого Петра получил в XVII веке. Над этим архитектурным шедевром трудились величайшие архитекторы, скульпторы и художники. Великолепно внутреннее убранство собора, для созерцания которого требуется и время, и сосредоточенность. Кричащая роскошь, кажется, должна убеждать в том, что мы находимся в самом большом в мире христианском храме. Гигантское сооружение нарочито восхваляет священность католической церкви. Храм, поражающий своими реликвиями и неповторимостью отделки, представляет собой образец гармоничного слияния Ренессанса и Барокко.

Все в соборе святого Петра вопиет о божественном величии смертного человека — Римского папы. Скульптурные изображения Римских пап, с предостерегающими жестами длиннопалых кистей рук, взирают на тебя почти из каждого угла и углубления. Кажется, есть что-то от египетского культа фараона в таком довлеющем, материализованном почитании и обожествлении заведомо греховной человеческой сущности, даже осененной Божественной благодатью.

Именно в соборе святого Петра чувствуется преобладание внешней материальной формы над внутренней духовной содержательностью. Такое соотношение стало оправдано и возможно в католичестве после того, как Западная церковь дополнила Никейский Символ веры нововведением об исхождении Святого Духа и от Сына, то есть обожествила человеческую природу, в частности, любого Римского

*Скульптура папы Римского в нише
собора св. Петра в Риме*

папу, и заявила, «что только в Риме Христос у себя дома».³ А как быть с тем, что этот «дом» долгое время был не латинский, а греческий, что Благую Весть, шедшую из Палестины, несли греческие проповедники, что первоначальным богослужебным языком в Риме был греческий, от которого у католиков донныне сохранились — *Кирие элейсон* — греческое «Господи помилуй». На нем же был написан Новый Завет, который только к концу IV века был переведен на латинский. И рыба изображалась на стенах катакомб как символ Христа потому, что было анаграммой греческих слов Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. Эти древние восточные корни и являются теми настоящими,

по сей день живыми корнями, которыми римский Каменный цветок соединен с вечно живой, питательной почвой Христова учения, которое в своей объективной целостности не уязвимо никакими человеческими посягательствами.

Православной душе, кажется, можно понять и невозможно оправдать трагическую суть христианского раскола, но легко согласиться с тем исконным пониманием нашей национальной веры, всемирное значение которой в начале XX века так точно выразил богослов Н.Н. Глубоковский: «Православие есть неисчерпаемая христианская энергия, идущая из первоначала с непрерывностью и никогда не изменявшая себе и не ослабевшая. Ясно, что по этим своим качествам оно сливается с самим Христианством, как благодатно-божественным жизненным фактором. Но на мировой арене христианское течение

³ Е. Спекторский. Эпохи русской культуры. Русские философы. М., 2002. С. 157.

постепенно разделилось на множество ручейков, иногда настолько отдалившихся взаимно, что они совершенно забыли о своем общем источнике. Всем этим обособлениям Православие противопоставляет себя в достоинстве центрального единства, целостного в своем существе и непреложного при всех исторических перипетиях».⁴ Ярko и явно эти слова подтвердились в городе Бари!

3. ВЕЛИКИЙ ЧУДОТВОРЧЕ

Двадцать второе мая, город Бари, Италия! Как много говорит русскому сердцу такая скупая информация, услышав которую это сердце наполняется сладкой щемящей болью, кажется, по недостижимому. Но, как известно, если есть благая цель, святое устремление, то нет преград русскому духу. Торжеством русского, славянского паломничества можно назвать празднование дня Николы Вешнего на итальянской земле, которая щедро предоставляет великую святыню верующим, собравшимся, кажется, из всех уголков православного мира. Этот день, отмеченный особой веротерпимостью двух разошедшихся ветвей единого христианского учения, свидетельствует, что, не все еще потеряно в надежде на Вселенское их воссоединение, которое возможно только в вышеприведенном соотношении, с определяющей ролью Православия «в достоинстве центрального единства». Итальянская католическая церковь и простые итальянцы, обеспечивающие на своей земле с таким вниманием, терпением и уважением проведение православного праздника, кажется, все более задумываются о будущих апостасийных временах, очевидно, все с большим интересом и надеждой смотрят в нашу сторону. Праздник был подготовлен так, что православным паломникам не только никто не помешал, но, наоборот, в полное распоряжение был предоставлен католический собор во имя Святителя Николая, хранящий его мощи. Сегодня он принадлежит ордену доминиканцев, которые воздержались от проведения праздничной католической службы. Но самому нашему празднику, состоявшему из Литургии и поклонения Святым мощам Угодника, предшествовало множество испытаний.

Паломники, люди общительные, ведь надо же поделиться своими переживаниями, своими неожиданными трудностями, заканчивающимися благополучно с помощью Божией. Высокий худощавый старик громко рассказывал, что он воевал в Великую Отечественную, был пулеметчиком, и поэтому ему, пережившему в жизни страшные времена, в свои восемьдесят лет такое тяжелое путешествие не в тягость. Отец Владимир из подмосковного монастыря вспоминал, сколько неожиданных трудностей руководимой им группой доставил автобусный переезд через всю Европу, вплоть до серьезной поломки

⁴ Н.Н. Глубоковский. Благовестие христианской славы. СПб., 2002. С. 244.

автобуса. Но добросердечный монах говорил об этом радостно, так как был уверен, что если противодействуют темные силы, значит, идешь по правильной, богоугодной дороге.

Паломники, среди которых были священники, монахи и монахини, представители власти и творческой интеллигенции, простые богомольцы старые и молодые, русские и грузины, украинцы и молдаване, белорусы и сербы в эти дни жили одной жизнью, бок о бок вне зависимости от званий и заслуг проходили все непростые этапы праздничного чина, который накануне начался с исповеди и праздничной всенощной в православном храме Святителя Николая. В молочных сумерках быстро уходящего итальянского дня мы стояли в длинной очереди на исповедь в церковном саду рядом со знаменитой скульптурой Святителя Николая, выполненной в 2002 году выдающимся русским скульптором Вячеславом Клыковым. Эта скульптура была создана для русского православного храма во имя Святителя Николая, построенного на средства России под покровительством императора Николая II в Бари еще в предреволюционные годы знаменитым русским архитектором А.В. Щусевым. Русский храм был вновь передан властями Италии Русской Православной Церкви 23 ноября 1998 года. Современный бронзовый памятник Святителю, представленному в неканоническом на первый взгляд образе, является органичным элементом единого церковного комплекса, состоящего из церкви и странноприимного дома, спроектированного в скромном старинном

Барградская икона святителя Николая Чудотворца

стиле псковско-новгородской архитектуры. Так сам А.В. Щусев пояснял свое архитектурное решение: «Суть не в заранее придуманных эстетических и модных рецептах, а в искусстве и вкусе, с которыми художник осуществит мысли и чувства своего времени и сочетает их в общую группу вещей прежних эпох. Основываясь на такой базе, я принял предложение Высочайше учрежденного Барградского комитета сочинить здание и церковь в Бари в мотивах родной архитектуры, ставшей особенно близкой лицам, любящим нашу церковь, которая так чтит своего святителя Николу».⁵

О степени почитания Святого Угодника свидетельствовала уже исповедь, свершавшаяся с незабываемой истовостью и массовостью. Очереди к десятку исповедовавших священников, прибывших из разных приходов России, не иссякли даже тогда, когда закончилось необыкновенно красивая, многоголосая праздничная всенощная, которую пред знаменитой Барградской иконой Святителя, украшенной лампадкой в виде кораблика, проводил настоятель православного храма в честь Святителя Николая отец Владимир Кучумов. Она продолжалась и тогда, когда полог ночи совершенно прикрыл щедрое итальянское небо, давая ему отдохнуть перед грядущим сияющим днем праздника. В этот час, в искусственном освещении памятник Николаю Чудотворцу, держащему в левой руке, как и положено по канону, храм, а в правой, должной благословлять, — обнаженный на взмахе меч, казалось, стал ближе, понятнее. Символ «образа кротости» с боевым мечом сам скульптор так пояснял на открытии памятника: «Почему в правой руке Святителя меч? А вспомните, что сказал Христос: «Не мир я пришел вам дать, но меч». Это меч — духовный, отсекающий

*Скульптура Николая Чудотворца
вып. арх. В. Клыковым
для православного храма в г. Бари*

⁵ У гробницы святителя Николая Чудотворца. М. 2005. С. 121.

свет от тьмы, ложь от правды, плевела от зерен. Этот меч должен быть постоянно в нашем сознании и душе... Но этот меч есть также символ единения всех людей доброй воли. К этому нас подводит и образ Святителя Николая Мирликийского. Перед лицом новых «козней», так называемой глобализации, с нас, как народа с традиционной и самобытной культурой, особый спрос. От наших совместных усилий, нашей воли зависит принять законы дьявола или устроить жизнь на земле по законам Божиим...»⁶

О том, что мы выбираем законы Божии, мы свидетельствовали не жалея своих сил весь следующий день. За два часа до начала Литургии на мощах Святителя заняли места в маленькой крипте или подземной церкви, размерами 31х15 метров, расположенной в огромном католическом соборе Святого Николая. Службу в переполненном душном низком помещении, украшенном 26 древними колоннами, не вместившем всех желающих, проводили священники русской, греческой и сербской церквей. После, уже в огромном центральном нефе верхнего храма выстроились длинные очереди за Причастием, причащали сразу четыре священника. Непривычно и непонятно было оформление алтарной части собора тремя женскими скульптурами. Две полуобнаженные дивы, оказывается, украшают размещенный здесь мавзолей Боны Сфорца (1593), которая, получив образование в Барийском замке, впоследствии стала королевой Польши. Ее посмертный скульптурный портрет водружен над мавзолеем в центре алтаря собора. Непривычно для русского празднующего человека и католическое безмолвие храмового помещения, быстро наполнившееся многоголосными возгласами «Христос воскрес!» и ответными «Воистину воскрес!» В нашей очереди очень красиво мужской церковный хор из Одессы стал исполнять христианские песнопения на разных языках. И отовсюду слышались слова акафиста Святителю Николаю. Радуйся!.. Радуйся!.. Радуйся, Николе, Великий Чудотворче!

И было от чего радоваться нашему любимому святому, для поклонения мощам которого выстроилась в правом нефе собора тысячная очередь православных. Думаю, таких почестей Святой Николай от католиков даже в праздники не получает, нет сведений о подобном католическом торжестве. Бок о бок четыре часа в неколебимой жаркой очереди мы стояли, чтобы приложиться к Святым Мощам, находящимся под полом крипты и закрытым со всех сторон железобетонными блоками. Верующим, становящимся на колени, в течение только 2-3 секунд разрешалось приложиться к маленькому, диаметром не более 15-20 см окошечку, расположенному в центральной плите гробницы, используемому для сбора святой манны или по-русски святого миро. Оно, по утверждению многих верующих, обладает исцеляющими свойствами. За год в гробнице накапливается в сред-

⁶ У гробницы святителя Николая Чудотворца. М. 2005. С. 149.

нем 2-3 стакана святого миро, которое собирают накануне праздника, разбавляют святой водой и передают верующим.

Святая жидкость образовывалась в гробнице Святителя еще со времен пребывания святых мощей в Мирах. Известно, что Николай, впоследствии Мирликийский, по месту своего епископства и проповедничества, родился в греческом городе Патары от благочестивых родителей Феофана и Ноны. В Мирах прошла вся жизнь Божиего Угодника, являвшего при жизни достойные удивления чудеса, в Мирах он был и похоронен, и прославлен. Но после вторжения турок в греческие земли мощи Святителя оказались под угрозой уничтожения. В намерении спасти христианскую святыню жители города Барии опередили венецианцев и первыми высадились в оккупированных греческих землях. 20 апреля 1087 года не без труда им удалось вызволить мощи из саркофага, наполненного благоухающим миром, и 9 мая (ст. ст.) корабль со святыней пристал к берегу города Бари, бывшему тогда столицей южной Италии. Этот день стал христианским праздником. Через год специально для пребывания мощей была построена церковь во имя святителя Николая, освященная папой Урбаном II.

После восьми часов, проведенных рядом с Николой Чудотворцем, надо сказать, не очень уставшие физически, мы долго, молча сидели на берегу веющего живительной прохладой Адриатического моря. Каждый думал о своем, но все с печальным чувством скорого расставания с далекой от нас новой родиной любимого русского святого неотрывно смотрели на древние стены строгого величественного собора, хранящего его святые мощи. Этот собор много раз и перестраивался, и переукрашался в зависимости от моды, вкусов или щедрости оставивших здесь свои имена владык. А сколько безымянной бесценной людской любви, жертвенности, веры и надежды знали, и еще будут знать эти места.

4. НЕРУКОТВОРНЫЙ ЛИК

Наше паломничество подходило к концу, надо было возвращаться в Неаполь. Казалось, чем еще можно удивить, что еще можно узнать? Сохраняя драгоценные воспоминания, мы выехали в обратный путь, который по плану паломничества проходил через маленькие города с незнакомыми названиями Ортона и Монапелло. О, эта Италия! И здесь нас ждали удивительные открытия. Внешне город Ортона, расположенный на берегу Адриатического моря, кажется, мало отличается от подобных старинных прибрежных городков, в которых обязательно есть одна главная улица, идущая параллельно побережью, и обнесенный остатками полуразрушенных крепостных стен старый город со множеством старинных храмов и домов у подножия гор. В Ортоне главное сокровище — это церковь святого Апостола Фомы с его мощами. Храм был построен в 1127 году на ос-

танках древней христианской базилики. В 1258 году сюда из Индии привезли мощи Апостола, который, став столпом веры, проповедовал во многих землях. В Индии, он был казнен и его останки буквально растерзаны толпой за то, что обратил в христианство жену и сына индийского правителя.

Событиям из истории обретения мощей Апостола посвящены живописные изображения, расположенные по двум сторонам названной его именем капеллы. Они рассказывают о том, как забирали мощи из Индии и о том, как венецианский адмирал Леон Ачайоли в сентябре 1258 года привез Святые останки в Ортону, которая в то время была важным итальянским портом. В центре капеллы расположен живописный сюжет о моменте религиозного прозрения Фомы, когда он влагает перст в ребро Господа. Святые мощи находятся в специальной крипте. Все наши паломники благоговейно, с молитвой встали пред гробницей на колени и по православному обычаю приложились к ее стеклянному покрытию.

Название городка Монапелло сначала было даже трудно выговорить, но после знакомства с его святыней оно запомнилось навсегда. Помня Нерукотворный Образ по православной иконописи, мы с удивлением узнали, что в Италии имеется будто бы истинный Нерукотворный Лик. В сануарии Нерукотворного Спаса в Монапелло хранится эта христианская святыня, представляющая собой, как считается, подлинный плат святой Вероники. После возложения тернового венца и бичевания, когда Иисус Христос, переполненный страданиями, нес крест на Голгофу, добрая женщина подала Ему платок, чтобы Он отер Свое лицо, которое чудесным образом отобразилось на простой ткани. Известно, что в V-VI веках Образ принадлежал Византии и помогал в обороне константинопольских стен от неприятеля. Чудотворный Образ явился вновь в 1506 в захолустном итальянском городке Монапелло. Неизвестный странник, правильно рассудив, что в глуши Образ будет целее, принес его приходскому священнику местной церкви во имя Святителя Николая со словами: «Бери эту святыню, как дар небес, почитай ее, и она будет защитой для тебя и для всей твоей семьи».⁷ Впоследствии монахи капуцины выстроили для святыни церковь во имя Нерукотворного Образа, в алтаре которого он находится и сегодня.

Трудно передать словами те ощущения, которые испытываешь, глядя на Образ, представляющий нерукотворное изображение лика Христа на ткани, вставленной между двумя стеклами. Он смотрит, кажется, только на тебя, внимательно, страдающе и сострадающе. Перед Ликом невозможно солгать, его невозможно забыть, даже если эта святыня имеет и рукотворное происхождение. Взгляд Хрис-

⁷ М. Шурьгина. Вся православная Италия от Милана до Сицилии. М. 2007. С. 434.

та, измученного, с раздувшейся от побоев щекой, со слипшимися волосами, с полуоткрытым ртом с запекшимися губами, выражает не укоризну, не ужас, но множество добрых чувств, обращенных к нам. Пред Ликом Спасителя мы молча, кротко, долго стояли на коленях, читая подряд все вспомнившиеся молитвы.

Знаменателен факт, что католическая церковь к чудному Образу проявляет слабый интерес. И это можно понять, ведь Образ не является реликвией в привычном для католиков смысле, требующих явного материального проявления и подтверждения чудес, как например, чудотворные кости, колбы с разжижающейся кровью, горы драгоценностей. Такая реликвия ближе православной, имеющей опыт нематериального, духовного общения душе. Для большей убедительности чудесного происхождения Образа в церкви сделан музей, в котором Нерукотворный Лик из Монапелло сопоставляется и во многом совпадает с образом Христова Лика с Туринской Плащаницы. При наложении образов в одинаковом масштабе видно, что оба они принадлежат одному человеку. В музее представлено наглядное частичное сходство нижней части Лика даже с православным Нерукотворным Образом из Великого Новгорода. Интересно, что ученые, все-таки доказывающие нерукотворное происхождение Образа, уделяют ему внимания больше, чем священники. И это примета времени, в котором постепенно наука становится дополняющим аспектом объективно существующего духовного мира.

Потрясенные, озадаченные таким неожиданным заключительным поворотом нашей паломнической поездки, по-разному относящиеся к увиденному, мы были едины в одном, что невозможно не вернуться в эту чудесную страну, которая никогда уже не отпустит наши влюбившиеся в нее сердца. Позабыв все искушения и недоразумения, случавшиеся в бытовой сфере поездки вследствие пресловутого «человеческого фактора», мы с благодарностью думали о тех неизвестных нам многих сотрудниках «Паломнического центра», священниках и мирянах, которые способствовали нашему паломничеству, благословили его, предусмотрели уютные гостиницы, своевременное передвижение, составили насыщенный просветительский маршрут, закончившийся на таком высоком духовном уровне. Просветительство в России всегда играло значимую роль. Сегодня, когда наше российское общество поставило перед собой столько трудных политических и социальных задач, когда извечный враг ведет непримиримую духовную агрессию, как никогда требуется духовное просвещение всей нации, которая может все решить, все одолеть только в крепости духовной.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ИВАНОВ

ВЕРНУТЬСЯ В СВОИ БЕРЕГА

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ДАЛЕКОЕ

Г. Фролову

Полосы снега метельного
Ветер проносит по льду.
Над занесенными елями
Первую вижу звезду.

Краткая радость открытия...
Вот и другая горит!
Господи, что за события —
Только душа их хранит.

Бабушка часто в раздумии
Учит, чтоб я уповал:
Люди, что жили, не умерли —
На небе век их настал.

Пруд с ледянистой осокою,
Горки соломенных крыш...
Небо такое высокое —
Как до него долетишь?

Здесь на деревне все ясно мне —
Эта поэмка и мгла,
Вон вековуха Настасья
В горнице лампу зажгла.

А в небесах — уж не лампу ли
Тоже под вечер зажгли?
Есть ли там избы с полатами?
Много ль на звездах земли?..

Есть ли там снежные россыпи?
Песни поют ли? О чем?
Разве с такими вопросами
Справишься детским умом.

И по тропе припорошенной
Я возвращаюсь домой —
Светит изба мне окошками,
Греет дымком над трубой.

ГОРИТ КОСТЕР

Горит костер на темном побережье,
Горит вдали от дома моего.
Я стал другим. Ну разве мог я прежде
На расстояньи греться от него.

ПАМЯТЬ

Теплый ветер прогибает поле —
По цветам бежит и по пшенице.
Годы... годы... я уже без боли
Вспоминаю канувшие лица.

В мире зримом стерты их морщины,
В мире зримом стерты их улыбки.

То, что было жизнью и кручиной,
Стало где-то новым полем зыбким.

И в незримом мареве и свете
Что-то и цветет, и колосится.
Наша память — это теплый ветер,
По цветам бежит и по пшенице...

* * *

Родина... Свет за окошком.
Родина... Вьюга впотьмах.
И на болоте морошка,
И на просторе — размах.

Родина... Лист придорожный
Родина... В беге времен.
Родина... Замысел Божий,
Что ото всех утаен.

РЕКА ТЕКЛА...

Река текла, склоняя но теченью
Кувшинок стебли. Я поплыл по ней
С каким-то безоглядным увлеченьем!
Внизу был холод ила и корней.

На берегу траву щипали козы,
И собиралась вдалеке гроза,

Летели рядом бабочки, стрекозы,
Заглядывали ласточки в глаза...

Была такая легкость и беспечность,
И к сердцу не примешивался страх.
Река текла. И жизнь текла. И вечность
Текла куда-то в Божьих берегах.

* * *

Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию
 можно лишь терпеньем —
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служеньем!

Не просто жить —
 как по теченью плыть.
Не просто жить —
 как лебеда и тополь...
Служить России,
 «рваться ей служить»,
Как в «Выбранных местах...»
 заметил Гоголь.

* * *

Небо русское в иное звездном,
На равнине уснули стога...
Нам хватиться России не поздно
И вернуться в свои берега.

Этот век нас вполне заморочил,
Но ведь должен развеяться мрак —
И поэт Кузнецов напроорочил,
Что «родное сожмется в кулак».

* * *

Одни говорят, что антихрист идет,
Другие: идет возрожденье.
Но пашет и сеет, и строит народ
Уже на пределе терпенья.

Такая сумятица, нервная мгла,
И так перекошены лица...

А кони кусают, жуют удила,
Закат уже кровью сочится.

Россия, Россия, очнись наконец;
Пропашую, горькую смуту
Отринь от униженных наших сердец
В последнюю, может, минуту.

И багряный огонь акации,
И янтарный огонь травы...
И деревня — опора нации,
Исчезающая, увя.

Этот путь привычный, этот путь
 не страшен —
Поле да кустарник, птичьи голоса...
Так бы вот и шел я средь лугов и пашен,
По холмам лучистым
Прямо в небеса.

Но ведь выжили,
Превозмогли.

Терновый куст горит —
и не сгорает.
Так и — горя — Россия не сгорит...

Все из рая, то, что, умирая,
Нам хотелось видеть бы всегда.

Вот и у нас к тому вели,
Чтобы российские чертоги
Стереть, свести с лица земли,
Развеять пылью по дороге.

Но все же тайна Покрова
Уберегла нас от распыла.
И Русь жива! Она жива!
В ней снова нарастает сила!

ПОЭЗИЯ

Борис ЛУКИН

НАШЕ ВРЕМЯ ПРИШЛО!

Борис Иванович Лукин — родился в 1964 году в Нижнем Новгороде. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг стихов и многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике. Поэт, переводчик, литературный критик, член СП России. Работает в «Литературной газете». **Живет в селе Подмосковном.**

РЕКВИЕМ

В. Н. Крупину

Нашим старым отцам
было в радость, что мы молодые.
Что ровесников наших отцы
им годятся в сыны.
Каждый год нашей жизни
для них как листы наградные —
за отвагу,
за храбрость,
за веру в бессмертье страны!

Это мы — за Россию...
Они — за сестрицу и брата,
за родительский дом,
за святой в три захода погост;
и дойдя до бессмертья,
вернуться сумели обратно —
на родимую землю
так сладко ступить
с облаков.

Возвращались любимые!
А теперь все уходят, уходят...
Да и век опрокинулся
следом за горизонт.
Наше время пришло!
Значит
Богу
так было угодно,
нам остаться
один на один
в этом мире
со злом.

ПОЭТ

Дано понять — есть Русская Земля!
Уходит в смертный бой
за взводом взвод...
Заметно поредевшая семья
С названьем гордым —
праведный народ.

Нет царства...
Где парад у стен Кремля?
Жизнь городская полная забот
Осталась и работы смертный пот,
Да Родины безлюдные поля.

Но нам не выбирать земной юдоли,
Что в Божье воле, то и в нашей доле,

Хоть сложно снова жизнь
лепить из глины.

Ты — царь и воин, пахарь и отец,
Но надо выживать — поэт, певец,
И заново слагать напев былинный.

* * *

Упала сгнившая скворечня...

Н. Дмитриев

У соседа упала скворечня,
Потому что соседушки нет.
Пусть ничто в этом мире не вечно,
Мы столярим с сынишкой чуть свет.

Да, у нас и своя есть скворечня,
Но весною гостей нам не счесть.
Пусть с рассвета до зорьки вечерней
Соревнуются — кто побойчей.

Ничего, что всю заднюю стенку
Выел ветер, и дождь исколол;
Мы готовим другую на смену,
Забиваем гвоздочки с углов.

Знамо дело, есть чем мне заняться,
Но душа б не спокойна была...
Пишет сын свои детские святцы,
Жизнь и смерть их не выжгут до тла.

ВЕЧНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Читая письмо Н. Рубцова к Ст. Куняеву

Один из самых захолустных
Углов вологодской страны...
Поэт, сокрывшись в эту пустынь,
Письмо строчит в миры ины.

Он пишет «Стасику с Галиной»
Сквозь километры и века,
О том, что печку затопили,
Что был забыт у камелька.

Что нет здесь искони покоя,
И одиночкой не прожить;
А даль в тумане за рекою
Таит иные рубежи.

Там спит погост... а лодки нету.
Душа томится от вины...

Что все случится по приметам,
Что здесь они всегда верны.

Он пишет... Я не разбираю
Порою слов... «Мне здесь... работ...»
А за селом гармонь по краю
Бредет, как движется слепой.

Все выдал Бог на это время.
Не торопи! Не смей мешать!
Пусть лучше он с похмелья дремлет,
Покуда мир живет греша.

Вздохнет... «Мне нет уединенья»...
И вслед посмотрит за окно —
Еще одно стихотворенье
Уносит вечный почтальон.

РУССКИЕ

Упираясь головою в небеса,
Как в последний — затянули пояса
И воскликнули:

«Доколе же терпеть!»
А сильнейшие сказали:
«Лучше смерть».

И досталось — слабейшим умирать
Долго-долго; и в молитвах поминать
Сильных, славных...
Где отец и где там брат?
Именами их — детишек называть.

И к тому, что стало с нами —
привыкать.

Видно, правда, что всему на свете срок,
даже смерти.

Вторят дети: «С нами Бог!»
И тогда мы, в образа —
глаза в глаза,

учим с детками,
что надо бы сказать;
подпирая головою небеса
и потуже затянувши пояса...

ПОЭЗИЯ

Юрий ПЕРМИНОВ

ТОЛЬКО С РОДИНОЙ

Юрий Петрович Перминов — родился в 1961 году. После окончания средней школы работал монтировщиком сцены в театре музыкальной комедии, служил в армии, работал на промышленных предприятиях Омска. Окончил филфак Омского государственного пединститута. В настоящее время — редактор газеты «Омское время». Автор пяти поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Байкал», «Литературный Омск», «Земля-Сибирь», в альманахах «Истоки», «Иртыш» и др. Член Союза писателей России. **Живет в Омске.**

* * *

Но если признаться честно,
в каких-то семнадцать лет
казалось — все в жизни известно
и тайн особенных нет.
Такие мерещились цели!
Ну как же, я жизнь понимал.

Я был монтировщиком сцены
и Солнце тогда поднимал!

* * *

Мой путь к прозрению короче стал.
Яснее. Раньше — наугад.
Я слышу старые пророчества,
хотя уже на новый лад.

Прости, Господь, мои смятения.
Тюрьмой пугают пусть, сумой...
Уже не с «этим», не с «теми» я,
а только с Родиной самой.

* * *

Проветрю комнату. Проверю,
что там, в карманах, со вчера...
И муху — сонную тетерю —
смахну с побитого чела.

И надо — от кого награда? —
рукав разорванный зашить,
и фразу «жить на что-то надо»
короче сделать: «надо жить».

* * *

Я так непринужденно не сумею,
быть может...
Из бумажного кулька
черешню ела женщина — за нею
с восторгом наблюдали облака.

Небесный свет пульсировал в черешне,
а время соком ягодным текло,
и ничего из горестей вчерашних
произрасти сегодня не могло.

* * *

Один живу, но больше — не хочу.
А то вчера —
 подумать вслух не смею! —
пришел домой,
 и... в дверь свою стучу,
забыв о том, что нет меня за нею.

* * *

Деревьев тихих выцветшие кроны
пытаются царапать облака,
вороны — в целях самообороны? —
пугливые — орут на мужика,
а мужику — потрепанному — не до
пугливых, но горлающих ворон:
задрав башку, печально смотрит в небо;
понять нельзя, что в нем увидел он.

...Откуда он — с котомкой за плечами?

Ему мешать не надо, потому
что взгляд его — внимательно-печальный —
пока понятен небу одному.

* * *

Судьбы не стоят все мои доуки, хотя без них — она была б иной... Отставлю их! —	Эта боль — от сердца! — от всех моих падений и доук...
Болят у мамы руки, родные руки, пахнущие мной — еще младенцем.	Болят у мамы руки, но младенца того — она не выпустит из рук...

* * *

Двор — в остатках солнечного пуха, свечерело небо...	Задержись, день погожий! — Скорбная старуха из окна досматривает жизнь.
---	--

* * *

Памяти бабушки Веры Петровны

Всем живущим, но забытым, чем я
помогу — окатыш бытия?

...Просветляясь горечью вечерней,
умирала бабушка моя —
хрипло выдыхала: «Мне и ныне...
жалко всех...»

Немного погодя:
«Всех ...жалей...»
...Кладбищенской рябине
спасу нет от черного дождя —
бабушка ее при жизни знала...

Тьма ползет из каждого угла...
Слов бабуля выдохнула мало,
но сказать мне главное — смогла.

* * *

В холодном свете скомканной луны
стоит мужик неясных лет.

Глаза мне
его ни на полвзгляда не видны,
но чувствую, что плачет он.

И замер
у ног его — а кто ж еще? — ночной,
такой же беспризорный, как стоялец,
невзрачный ветер.

Больше — ни одной
нет рядом с ним души. Мужик — не палец,
но перст воздел — корявый — к небесам:
вопрос? угроза?

Кто он — дистрибьютор?
разбойник? дилер? просто бомж?..

Я сам
бывал таким ночным и бесприютным...
Я подошел и... замер, точно лист
осенний, — так и «двинешь» раньше срока!
Как сохранился гипсовый танкист?
И кто тут — в парке — плакал одиноко?..

ТРОПКА

Ухожен сквер... Здесь даже ветер трепку
не задает, хотя и норовит,
листве.

Газон — ровнехонек.
...И тропку
перекопали: дескать, портит вид.
А что — газон... Хотя бы незабудки
росли бы здесь, так нет...

Куда вела,
в какие дали, тропка?
...Через сутки
на том же месте
тропка та была!

Как надо жить? — Наверное, не робко,
намерений
нисколько не тая,
в ладу с людьми...
Такой, как эта тропка,
пусть будет жизнь
невечная моя.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

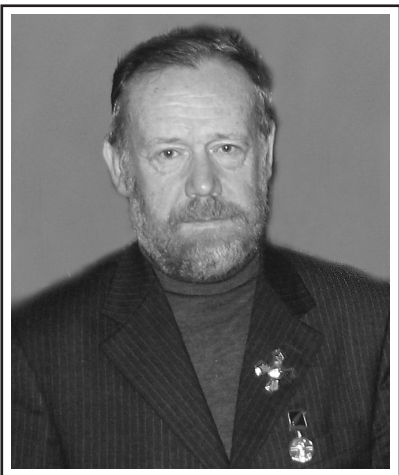

Ф.И. Тютчев

Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова

И.В. Киреевский

Михаил ДУНАЕВ

ВИРТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

*о некоторых тенденци-
ях «религиозного лите-
ратуроведения»*

4 сентября 2008 г. отошел ко Господу Михаил Михайлович Дунаев, профессор Московской Духовной академии, доктор богословия и доктор филологических наук. Он был членом редакционного совета и автором нашего журнала.

Вклад М. Дунаева в русскую культуру конца XX века трудно переоценить. Он сочетал в себе глубину богословских познаний и талант ученого-филолога, знающего литературу и любящего художественное слово. Главный труд М. Дунаева — шеститомное издание «Православие и русская литература». Это глубокое религиозное осмысление отечественной словесности трех последних веков. Грандиозный по объему (около двухсот печатных листов), труд этот уникален и по охвату материала, и по глубине анализа. Работы М. Дунаева отличает точность и строгость терминологии, верность Православию, бескомпромиссность оценок. Он всегда боролся за четкость критериев суждений, напоминая: «невнятность критериев Истины означает отсутствие верных ориентиров на жизненном пути. Если так, то в подобных условиях человек, как и само общество, — обречен на гибель».

В книге «Вера в горниле сомнений», в статьях «Тупики либерального сознания», «Еще раз о национальной идее», «Что такое авангардизм», «Зачем нужны богатство и успех», «Интеллигенция: православие без берегов?» содержатся не только выверенные оценки явлений

культуры, но в ясной, доступной форме излагаются основы православного мирозерцания, доказывается его несовместимость с идеологией либерализма и гуманизма. Вот некоторые отточенные формулировки: «Православие не ставит перед собой вопроса, что есть Истина, но отвечает на этот вопрос. В то же время оно не снимает проблему, но переносит ее из внешнего внутрь: как этой Истине соответствовать.» «Мы все время озабочены тем, как бы нам в этом времени устроиться поудобнее. Мы забываем о вечности, которая только и должна дать нам верную точку зрения на наше бытие». «Служение Православию, сохранение его полноты, смирение перед Истиной — вот русская национальная идея. Ибо ничто иное не соединяет человека с вечностью».

Неудивительно, что такая принципиальность порождала упреки «справа» и «слева», вызывала непонимание и болезненные нападки даже со стороны «религиозных» критиков. Его обличения либеральной интеллигентской мысли, претендующей на «православность», встречали в штыки. Его призывы к познанию основ вероучения не хотели слушать, не могли простить слов о нехристианском духе кумиров интеллигенции — Л. Толстого, М. Булгакова, Л. Леонова. М. Дунаев вынужден был отвечать, разъясняя свою позицию. Публикуемая в настоящем номере статья — теперь, увы, последний ответ оппонентам, — дает представление о той атмосфере неприязни, в которой ученому довелось существовать последние годы. Михаил Михайлович прислал ее в нашу редакцию за месяц до своей кончины.

Незаурядность натуры, мужество мысли отличали этого ученого. И — признак человеческой глубины — простота в общении, скромность в быту, неизменная душевная приветливость. Судьба М. Дунаева связана с городом на Неве. Он окончил аспирантуру Института русской литературы (Пушкинского Дома), здесь же защитил кандидатскую диссертацию — она была посвящена творчеству Ивана Шмелева (Шмелев и Чехов стали самыми любимыми его писателями). Он неоднократно был участником международных научных конференций «Православие и русская культура», проводящихся в Пушкинском Доме, публиковался в газете «Православный Санкт-Петербург», журнале «Родная Ладога». В Петербурге ему была вручена литературная премия св. Александра Невского.

Личность человека выражается в его словах. Завершая одну из своих работ, М.М. Дунаев заповедал нам хранить верность Спасителю: «“Кто не со Мною, тот против Меня” (Мф. 12,30). Третьего не дано».

ВИРТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

о некоторых тенденциях «религиозного литературоведения»

Задача тех, кто пытается дать религиозное постижение русской литературы, есть задача трезвого осмысления всей системы жизненных ценностей каждого писателя, без умаления и без превознесения его религиозного мирозерцания. Умалением грешило советское литературоведение; превознесением, отыскиванием исключительно религиозного начала в чем угодно, в любой художественной и бытовой частности текста все более и более злоупотребляют исследователи нашего времени.

Вот уже в течение нескольких лет И.А. Есаулов ведет против меня не просто научную полемику, но прямо-таки разоблачительную кампанию, обвиняя во всевозможных грехах, в неофитстве, шулерстве, филологическом непрофессионализме, в неспособности понимать литературные тексты и пр. Так что объясниться необходимо. Свою полемику со мною И.Есаулов обобщил в статье «О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы» (в сб. «Евангельский текст в русской литературе». Вып. 5. Петрозаводск, 2008).

Ныне бурно обсуждается проблема так называемой *религиозной филологии*. Коснулся ее и И.Есаулов, отказав самому термину в праве на существование: мол, иначе нужно выделить и *атеистическую филологию*. А почему бы и нет? Конечно, термины неудачны. Но содержание понятия необходимо все же осмыслить. Каждый исследователь, хочет он того или нет, сознает или не сознает, опирается в своем деле на ту или иную систему критериев, ориентиров. Они могут быть сугубо религиозными или атеис-

тически. Равнозначны или нет эти виды филологической науки? Для либерального плюралистического сознания — безусловно. Но задумаемся: для того, чтобы не заблудиться в любом пространстве, нам необходимы ориентиры, не зависящие от наших предпочтений, желаний, предположений и т.п., нам необходимо то, что выше всего этого и над чем наше сознание не может деспотически властвовать. В пространстве физическом, материальном, географическом это система координат, это компас, это звездное небо. В пространстве душевном и духовном подлинные критерии запечатлены в Божественном Откровении, в истине Христовой, а она раскрывается в Священном Писании и Священном Предании Церкви. Полнота же Христовой Истины именуется Православием, и поэтому для всякого православного верующего (даже и для неофитов) православное же осмысление любого явления бытия, в том числе и литературы, является исчерпывающе истинным.

Критерии христианского мировоззрения и православной науки заключены прежде всего в Слове Божиим, а также и в апостольской и святоотеческой мудрости, ибо эта мудрость пронизывает все уровни нашего бытия. Имея это в виду, я и утверждал, что «методология научного православного литературоведения точно определена святителем Тихоном Задонским (хотя смысл его слов, конечно, значительно шире)». Приводя это мое мнение, Есаулов опустил завершение фразы, иронизируя: вот-де возведен святитель в ранг столпа литературоведения¹. Зачем передергивать? Я утверждаю лишь, что сказанное святителем можно отнести и к литературоведению, хотя он явно не имел того в виду. Святитель Тихон говорил о Евангелии как о зеркале, в которое каждый должен заглядывать, чтобы понять: сообразно ли наше житие житию Христову. Я же добавил: «Так и в науке: всякую мысль поверять должно, заглядывая в то *зеркало*: сообразны ли предлагаемые нам идеи Христовой истине?»². Именно в таком понимании мы можем применить мудрость духовного писателя как метод в оценке системы жизненных ценностей, какую предлагает нам тот или иной писатель.

В моих суждениях о литературе многие видят исключительное понимание Православия как идеологии (Есаулов упрекает меня в том неоднократно). Это не так. Осмысляя творчество писателя с позиции Православия, мы постигаем прежде всего его эстетическое *мировидение*, миросозерцание: насколько оно соответствует Истине? Хотя и против идеологии не вижу причины что-либо возразить. У Православия есть своя идеология, и нет в том ничего дурного. Без идеологии вообще не обойтись ни в чем: когда кто-то критикует ту или иную идеологию, возражает против существования идеологии вообще, он тем самым, не замечая того, предлагает взамен собственную идеологию же.

Более того, я убежден, что нельзя подлинно по-православному оценить любое явление окружающего мира без знания вероучительных *догматов*. Догматы же, которые представляются разного рода неучам как предмет отвлеченной схоластики, весьма далекой от жизни (и зачем их поэтому знать?), суть важнейшие истины Православия, квинтэссенция вероучения, плод духовного делания Святых Отцов Церкви. Это те необходимые ориен-

¹ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, Вып. 5. С. 633-634.

² Дунаев М.М. Православие и русская литература. Т. 6 (2). М., 2004. С. 234.

тиры, основы постижения смысла бытия, которые определяют наше существование в земном мире, наше поведение, наши поступки, нашу судьбу — в конечном итоге.

И. Есаулов считает требование строго следовать догматике Церкви признаком неопитства. Если так — то я неопит. Потому что никакого иного Православия, кроме соответствующего догматам, я не признаю. У нас же ныне в среде нашей либеральной интеллигенции распространено отрицательное отношение к догматике, часто иронично-насмешливое: это-де обскурантизм, мракобесие. Помню, одна ученая дама-филолог сказала мне: мы все ценим Православие, но понимаем его не как богословы. Создается некое *православие без берегов*, в котором каждый волен трактовать что угодно как угодно.

Что же противопоставляет И. Есаулов знанию догматов? «Чувство благочестия»³. Но: любая догматическая ошибка есть не что иное, как ересь. Вселенские соборы собирались именно для опровержения еретических заблуждений. Святым бы Отцам утешиться «благочестием» какого-нибудь Ария или Нестория (многие ведь еретики были весьма благочестивы), так нет же, не могли стерпеть *грубых догматических ошибок*. Видать, тоже неопитами были. Любое прегрешение против догматов есть проявление неверного понимания Бога, *хула на Духа*, а это, по учению Святых Отцов, вредит духовной жизни человека, самому делу спасения. И тем самым также и благочестию.

Порою невежество в сочетании с самоуверенностью нашей научной интеллигенции просто поражает. На Круглом столе, посвященном «религиозному» литературоведению и организованному на филфаке МГУ 16 ноября 2005 года, я сказал: «...То, что называется религиозным литературоведением, не занимается прямо какими-то особенностями художественного языка писателя — метафоры, эпитеты и прочее — это сюда не относится, но это не значит, что это отрицается, просто в данном случае все сосредоточено на другом»⁴. А вот как передал мои слова А.И. Рейнблат: «Вы сказали, что это “мелочи, финтифлюшки”, а главное содержание»⁵. Удерживаюсь от комментария. Незнание простейших православных вероучительных истин позволило А.Г. Гачевой на том же Круглом столе выдать такую сентенцию: «С начала времен София, мировая душа, как бы «реет» над мирозданием, пронизывая его божественным светом, живой нитью связывая с Творцом все сотворенное. Та красота и гармония, которую созерцаем мы в явлениях окружающей жизни <...>, образуется именно этими «лучами софийности в природе», несет в себе откровение божественной основы бытия»⁶. Опять-таки: комментировать эту дикую смесь обрывков различных ересей нет смысла; для несведущих лишь скажу, что София Премудрость Божия — это Господь Иисус Христос, а вовсе не «мировая душа», якобы «реющая над мирозданием».

Отдельные рассуждения И. Есаулова также обнаруживают его катехизическую неосведомленность. Стоило мне, к примеру, вскользь коснуться

³ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма... С. 636.

⁴ Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 3. С. 107.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX-XXI веков: сборник статей. М., 2007. С. 183.

некоторой особенности протестантской сотериологии, «отрицания необходимости внутренней борьбы с грехом», как Есаулов тут же объявил это провокацией «на радость врагам Православия»⁷. Я бы посоветовал ученому прочитать, если нет времени для богословской литературы, хотя бы рассуждения графини Лидии Ивановны в «Анне Карениной» (часть седьмая, глава 21): она не богослов, но суть ухватила верно. Я бы порекомендовал также И.Есаулову, прежде чем защищать А.Солженицына, разузнать, что такое *деизм*, элементы какового есть-таки в мировоззрении великого писателя. Кроме того: в данном случае я никого не осуждал и не обвинял, но констатировал факт.

Впрочем, все это мелочи. Либеральная интеллигентская мысль, претендующая на «православность» своих виртуальных медитаций, допускает промахи крайне прискормные. Например, все более модным становится увлечение *философией общего дела* Н.Ф. Федорова, который усилиями прежде всего С.Семеновой объявлен «родоначальником активно-христианской мысли». (То есть все, что было прежде, от Христа Спасителя до Святых Отцов, — мысль пассивная?) Не удержался и И. Есаулов, заявивший, что философия Федорова «является одной из самобытных философских вариаций православного соборного инварианта и пасхального архетипа, осложненного «рождественской» установкой посюстороннего изменения мира»⁸. Полный набор: тут тебе и пасхальность, и соборность, и рождественская установка — гремучая смесь. Ход мысли понятен своей шаблонностью: раз общее дело нацелено на всеобщее *воскрешение*, то *пасхальность* напрашивается сама собою... и так далее.

На деле же философия Федорова есть примитивнейшее антихристианство, заурядная разновидность *гуманистической по природе идеи прогресса*, подразумевающей воскрешение человечества его собственными усилиями с помощью развития всемогущей науки. Эту философию профанный мир противопоставил подлинному по благодати воскресению во Христе. И является она не чем иным, как одним из следствий первородной соблазненности: *будете, как боги*. У православных одно *общее дело* — Божественная *литургия*, когда не наука, а *евхаристия* становится залогом будущего воскресения. Федоров же как бы говорит Христу: мы можем обойтись без Твоей искупительной жертвы, без Тебя своею наукою достигнем желаемой цели, и не на Небе, а на земле. Но ответ-то был дан изначально: «*Без Меня не можете делать ничего*» (Ин. 15, 5). И: «*Царство Мое не от мира сего*» (Ин.18, 36). Можно, разумеется, не замечать этих слов Спасителя, верить в федоровские химеры, но Православие зачем сюда приплетать?

Впрочем, тут Есаулов заимствует чужие заблуждения. Для нас интереснее его собственные. Укажу вновь на ту серьезную ошибку, признать которую у И. Есаулова, кажется, так и не достанет мужества. Прежде всего, оказывается, что исследователь не сознает в полноте то самое понятие, которое является для него одним из основополагающих: автор монографии о *соборности* в русской литературе, как это ни парадоксально, о соборности имеет невнятное представление. Например, Толстой, как известно, утверждает необходимость единства, сопряженности всех и вся в бессознательном подчинении себя непознанным законам, действующим в мире. Можно ли

⁷ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма... С. 632.

⁸ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. С. 532.

говорить при этом о *соборности*, идею которой усматривает в «Войне и мире» И.А. Есаулов?

Сопряженность, по Толстому, есть скорее бессознательное соединение мира в слиянное единство, где чем менее заявляет о себе индивидуальность, тем полнее сама соединенность. Соборность же есть неслиянное единство самостоятельных личностей в любви к Творцу и друг к другу, как к Его Творению, несущему в себе Его образ. Эта любовь действует на основе Благодати и может осуществлять себя единственно в Церкви как мистическом Теле Христова. Все суждения Толстого с этой точки зрения неопределенны. Толстой говорит о Боге, но умалчивает (в собственных рассуждениях) о Христе. Писатель постоянно колеблется между христианством и деизмом. Да, Толстой говорит о единстве, о любви, о любви в Боге, но о Благодати умалчивает, как почти не говорит и о Церкви, необходимом условии единства.

То же знаменитое описание, где Наташа, слушая слова ектении («Миром Господу помолимся»), ощущает необходимость церковной единой молитвы, связано с недоразумением, с непониманием ею услышанного: Церковь призывает молиться не миром, но миром (в мирном духе) — и вот тут, кажется, сказалось важнейшее, что не позволяет безоговорочно принять мысль об идеале соборности в эпоху Толстого: соборность проявляется не просто в мире, но непременно в мире, который есть результат действия Благодати. Мирословие Толстого поэтому не является в полноте своей православным. Толстой воздвиг величественное здание, в котором разрушительному влиянию войны противостоит не мир Благодати, но бессознательность мира как роевого единства. Однако роевая жизнь, о которой пишет Толстой, повторим и повторим, не есть соборность.

И самое главное: понятие о соборности вообще не может существовать вне догмата о Пресвятой Троице, в Которой соборность только и может обретать свои свойства и основу своего бытия. О Троице же в «Войне и мире» умалчивается, кроме одного лишь места с масонским рассуждением («Троица — соль, сера и ртуть»), но то уж *хула на Духа* несомненная. Разумеется, историческая эпопея Толстого не богословское изыскание. Однако если речь о Боге заходит постоянно, то в конце концов не обойти стороной вопроса: христианский ли это Бог-Троица? Позднейшее толстовское отрицание троичского догмата известно — это уже крайняя точка. Начальная же точка, которую мы можем соединить с этой крайней, есть дневниковая запись 1852 года «Не понимаю тайны Троицы...» и запись 1855 года, где сообщается о намерении создать новую религию, очищенную от веры и таинственности — то есть от религиозных догматов.

Важен сам принцип, предлагаемый литературоведами, единомысленными с И. Есауловым. Они успешно создают *виртуальное литературоведение* — приложение к литературе неких надуманных схем, не имеющих с подлинностью материала ничего общего. Вот один из примеров. Истолковывая заключительную сцену романа «Евгений Онегин», последнюю встречу Евгения и Татьяны, их завершающее объяснение, В.А. Кошелев утверждает: «Время действия дано намеком — но намек абсолютно прозрачен: в доме Татьяны он является “ясным утром” на Страстной неделе перед Пасхой — во время принятого богослужения и говенья. Он не находит “ни одной души” именно потому, что вся прислуга — на заутрени в церкви; Татьяна читает его письмо — несомненно, готовясь к исповеди и причастию; да и сам он, соответственно времени, “на мертвеца похо-

жий”. <...> Финальное объяснение Татьяны построено как раз по канонам “страстной” исповедальной проповеди, не допускающей многозначностей и недомолвок»⁹.

Действие происходит ранней весной: начинает таять снег, но Онегин еще ездит на сани. Где здесь «прозрачный намек» на Страстную седмицу — кто бы объяснил. Вообще на это время может приходиться любая неделя поста, а может и масленица. Почему именно Страстная? А так хочется толкователю: иначе рассыплется вся его концепция. В.А. Кошелев мало знаком с особенностями церковной жизни, иначе не допустил бы несуразностей в своих суждениях. Так, *говение* предполагает посещение всех служб, предшествующих причастию, и если прислуга ушла в церковь, то там же надлежит быть и Татьяне, к исповеди готовятся в иное время. Далее: почему чтение письма есть несомненная подготовка к исповеди? Да и письмо само — грех Онегина (если уж мыслить в подобных категориях), но никак не Татьяны. Если уж и впрямь готовится она к исповеди, то письма того читать не пристало, его должно отвергнуть как искушение. Однако важнее иное: на Страстной седмице человек должен посвятить всего себя переживанию не собственных грехов (для покаяния предназначена предшествующая тому Святая четырехдесятница), но духовному участию в событиях, в важнейших событиях мировой истории, которым посвящены службы Страстной. Слово «заутреня» неуставное, скорее просторечное. Его обычно относят к пасхальной утрени, а она совершается не «ясным утром». Более того, и во все предшествующие дни седмицы нет вообще ни одной утрени, которая приходилась бы на это время.

Домыслы В.Кошелева не имеют никакого подтверждения в тексте. И в реальной жизни. Все это лишь плод воображения толкователя, основанного на его неосведомленности. В.Кошелев вообще плохо знает элементарные вещи. Например, он сравнивает нравственное наказание Онегина после дуэли с Ленским — с таковым же наказанием Иуды-предателя, трижды отрекшегося апостола Петра и Фомы неверного. Опровергать нелепость сравнения Онегина как с Иудой, так и с апостолом Петром не станем, тут все ясно без комментариев, — но кто такой «Фома неверный»? Это апостол Фома, который просто захотел иметь бесспорные для него доказательства Воскресения, о чем ему сказали другие апостолы. Убедившись же в реальности свершившегося, он исповедал: «*Господь мой и Бог мой!*» (Ин.20,28). И это нравственное наказание?

Виртуальность всех приведенных здесь рассуждений — несомненна.

Однако именно на подобных толкованиях, как на фундаменте, строит свои концепции И.А. Есаулов, один из самых ярких представителей виртуального литературоведения. Календарные исчисления В.Кошелева оказались для него поэтому весьма близки и самоочевидны — долгое время он повторял эти рассуждения в своих выступлениях.

Для Есаулова вопрос о *виртуальности* — принципиальный. Он прямо заявляет: «Литературоведение просто обязано заниматься виртуальностью». И разъясняет почему, ссылаясь на авторитет немца Х.Р. Яусса: «великие произведения всегда таят в себе нечто неожиданное, не укладывающееся в

⁹ Кошелев В.А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 150.

обывательские представления о литературе и жизни»¹⁰. Я о том, что нельзя накладывать на литературу высосанные из пальца надуманные схемы, *подобные* кошелевским домыслам. А мне в ответ: великие произведения всегда неожиданны. В огороде бузина, а в Киеве дядька.

Исчерпав, кажется, идею соборности, Есаулов принялся эксплуатировать новую для него категорию *пасхальности*. Нового-то в ней ничего нет, ряд культурологов обозначают этим термином своеобразие русской православной культуры, противопоставляя западной, *рождественской*. Сущностью — смысловое наполнение, придаваемое слову исследователем. И. Есаулов усмотрел *пасхальность* в известном чеховском рассказе «Ванька». Исследователю хочется христианизировать едва ли не любую бытовую подробность. Например, Ванька Жуков становится на колени перед скамьей, на которой писал дедушке, — типичная поза всех детей в такой ситуации: иначе просто невозможно, не стоять же выгнувшись колесом. Нет, уверяет Есаулов, Ванька встает в молитвенную позу, он тем участвует в праздничном богослужении вместе со всеми, кого он оставил в деревне. Заметим, что дедушка в это время вовсе не в храме, а лишь шурится на церковь, стоя у ворот, и балагурит с дворней. Но если обращать внимание на такие подробности — пасхальности не наскрести: ведь рассказ осмысливается под знаком именно этой категории, обозначенной в названии книги И. Есаулова. То, что события рассказа от Пасхи весьма далеки, толкователя не смущают: «...пасхальный архетип отечественной словесности может проявлять себя таким характерным образом, что в *рождественском* жанре усматривается имплицитный *пасхальный* смысл».

И в чем же усматривается сей *имплицитный* смысл? Есаулов отвергает традиционное понимание рассказа «о тяжелой доле мальчика “в людях”». Это слишком банально, «наивно-реалистично». Новое прочтение таково: «Перед нами сюжет о светлом *рождественском* чуде». Чудо же в том, что «рождественская “встреча” дедушки и внука состоялась — в единственно возможном для этой встречи поэтическом космосе произведения»¹¹.

Есаулов мастер нагромождать внешне эффектные, но невнятные образы, создающие иллюзию глубины и сложности анализа. Но если перевести «поэтический космос произведения» на наивно-реалистический язык, то *имплицитный* смысл этой невнятицы окажется весьма прост: Ванька Жуков увидел во сне, что дедушка получил его письмо. А еще до того, когда Ванька смотрел в темное окно, его взгляд «мистически» встретился со взглядом деда¹² (то-то бы удивился Антон Павлович такой мистике).

Итак, произошло чудо: дедушка, несмотря на наивный адрес, послание внука все же получил — так приснилось Ваньке. Вот еще один пример разорванности сознания исследователя, не умеющего увидеть целостность произведения. Если же отбросить мистику и заглянуть за границы поэтической космичности, то придется содрогнуться от высокой трагичности финала рассказа. Ванька ведь пишет письмо не ради поэтических или мистических встреч: его письмо есть вопль о спасении от невыносимой жизни в городе. Мальчик пишет деду не для того, чтобы его порадовать — ребенок умоляет забрать его из адского существования. Но в наивной реальности Констан-

¹⁰ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма... С. 658.

¹¹ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. С. 57, 52, 56.

¹² Там же. С. 55.

тин Макарыч никогда не получит письма, и светлая надежда обернется тьмою. Итог очевиден: Ваньке неизбежно представится, что он никому не нужен, что его бросили и оставили в безнадежности: он-то ведь уверен, что дед прочтет его письмо. Прочтет, но ничего не сделает для внука. Ребенок переживает тяжелейшее потрясение. Именно поэтому Чехов предваряет сон Ваньки сообщением о нелепом адресе на конверте: сон обретает трагическую безысходность.

А нам пытаются навязать сусальную слащавую сказочку, подверстывая ее вдобавок под *пасхальный архетип*. Эта сказочка существует не в тексте чеховского рассказа, а в фантазиях измыслившего все эти несуразности толкователя. Подобными несуразностями особенно изобилует книга Есаулова о пасхальности, но перебирать их нет нужды: все откровенно выявилось в сказанном.

Возражая мне, Есаулов заявил, что выход за пределы текста вообще недопустим, что негоже даже предполагать дальнейшие события в судьбе героя, что вообще все рассуждения о том есть лишь ни на чем не основанные предположения, «фантазии». (То есть: предполагать, будто письмо «на деревню дедушке» в реальности не дойдет до адресата, есть бессмысленная фантазия? Как только подумал, что письмо с таким адресом затеряется на почте, так тут же и вышел за рамки текста: Чехов же о том ничего не сообщает.) И что хорошие преподаватели еще на первом курсе предостерегают своих студентов от этого¹³. Очевидно, для Есаулова хороши лишь те преподаватели, которые понимают текст как самозамкнутое самодостаточное виртуальное пространство, выход из которого в живую жизнь просто недопустим — типичная постмодернистская концепция. В таком пространстве удобно заниматься любыми измышлениями, сподручно устраивать любые виртуальные игры, не неся за то никакой ответственности. Весьма нетрудно выдумать какой угодно *неожиданный* вздор — и выдать за *великую* истину. И всегда наготове испытанный трюк — обвинение всех несогласных в непонимании сложной логики подобных игровых забав. Сказочка про голого короля никогда не устареет.

Произведения Чехова всегда рассчитаны на выход в пространство живой жизни, и если И.А. Есаулов этого не знает — его беда.

Виртуальное литературоведение часто имеет еще одну примечательную особенность: измышленность построений автора прикрывается заумным языком, нагромождением маловразумительных терминов, призванных создать у читающего иллюзию изысканного анализа текстов. «Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой». Вот, например, как преподносит Есаулов евангельскую притчу о блудном сыне: «Этот *пасхальный* в своей основе сюжет имеет и субдоминантную ветхозаветную законническую компоненту...»¹⁴. Красиво сказано. И кажется: как ново и глубоко! И уже как-то смелости не хватает возразить, что король голый. Научнообразный язык прикрывает в виртуальном пространстве банальность и скудость мысли. «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном».

Так создается иллюзия глубокой самобытной науки.

Эту же иллюзию должны поддерживать заявления И. Есаулова о том, что его глубокие и оригинальные идеи списываются целыми страницами без

¹³ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма... С. 650.

¹⁴ Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. С. 45.

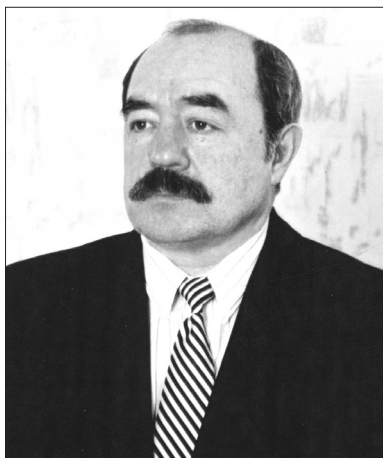
ссылки на автора и тем похищается его, есауловская, «интеллектуальная собственность»¹⁵. Попросту говоря, это называется: обвинение в плагиате. Есаулов приводит краткий перечень «похищенного» мною: атеистическая идеология есть дьявольская пародия на религию. Советский коллективизм существенно отличен от соборности. Ленин «живее всех живых», ему не нужно воскресать, поскольку он «всегда живой». Образ Ленина обожествляется. В соцреализме партии отдается предпочтение перед отдельным человеком. И так далее... все перечислять скучно.

Помнится, еще в школе мы заучивали, что Ленин живее всех живых, а на уроках пения голосили: Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой... Теперь я с удивлением узнаю, что это все интеллектуальная собственность И.А. Есаулова. Я не вижу ничего дурного в повторении даже общеизвестного, порою нелишнее напомнить, что дважды два — четыре. Но приватизировать таблицу умножения... Это уж слишком. Не буду далее копаться в мелочах, скажу лишь: все положения, которые перечислил Есаулов как якобы украденные у него, суть давние общие места, о которых кто только не писал!

И.Есаулов утверждает, что меня всегда раздражало его осмысление русской словесности, так что от тома к тому моя критика его позиции «становилась все более желчной». Создается впечатление, будто в своих работах я только и занимался «критикой» Есаулова. Помилуйте: пальцев на руке больше, чем критических упоминаний о нем. Да и неправда тут, у меня нет ни раздражения, ни желчи по отношению к этому виртуальному литературоведу, а если ему хочется узнать, как я подлинно воспринимаю его выверты, то отвечу: с юмором.

¹⁵ Есаулов И.А. О Сцилле либерального прогрессизма... С. 657.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Виктор ВЕСЕЛОВ ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Виктор Романович Веселов — окончил историко-филологический факультет Костромского пединститута, вел уроки русского языка, литературы, истории в сельской школе. Служил в Армии, офицер запаса. Доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета. Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор поэтических книг и более 250 научных, публицистических работ. Член СП России. **Живет в Костроме.**

Российское общество находится сегодня на крутом повороте своей истории, переживая глубокий системный кризис, охвативший все сферы общественного бытия. В конце XX века Россия вынуждена вновь делать мучительный выбор дальнейшего пути на развилке своей истории. Снова в повестку дня поставлены роковые вопросы: Кто виноват? Кому на Руси жить хорошо? Что делать?

Вглядываясь в сегодняшнее смутное время, находишь основания говорить о цикличности нашей истории, о ее вхождении в новый цикл. Заметна тенденция резкого обострения социальной напряженности на стыке веков, глубоких кризисов и катаклизмов, в ходе которых формируются новые социокультурные структуры.

Рубеж XVI-XVII веков ознаменовался, например, расколом и смутой, завершившихся утверждением Самодержавия. Конец XVII — начало XVIII веков прошли под знаком Петровских преобразований, установления абсолютизма. В самом начале XIX века Россия пережила Отечественную войну, а затем трагедию декабризма, заложившего основу «освободительного» движения. Обострившийся на стыке XIX-XX вв. общенациональный кризис перерос в пламень трех революций, кардинально изменивших вектор общественного развития.

Складывается впечатление, что встреча веков, подобно сближению космических тел, сопровождается мощным выбросом энергии, создающей предгрозовую атмосферу в обществе. Нынешнее поколение испытывает наибольшие перегрузки, ибо живет в режиме одновременного сближения не только двух веков, но и двух тысячелетий. Вспомним, что конец первого тысячелетия сопровождался мощным социокультур-

ным катаклизмом: введение христианства коренным образом перевернуло привычный уклад и все мировосприятие наших далеких предков.

Механизм указанного взаимодействия биофизических, космических, социокультурных и других процессов трудно объяснить лишь с традиционных позиций материалистического мышления. Мы вторгаемся, видимо, здесь в область космологических и других учений, требующих особых методологических подходов. Отметим лишь достаточно очевидный факт: наиболее устойчивую и конструктивную позицию российской провинции в переломные эпохи, ее способность смягчать остроту противоречий, гасить реформаторские инициативы центра, выступающего чаще всего мощным пульсатором революционных нововведений, очагом социальной напряженности и противостояния в обществе.

Именно из провинции вышли здоровые общественно-политические силы, преодолевшие Смуту в начале XVII века. Не в пример столицам, провинция устояла и под безудержным натиском курса Петра Великого на европеизацию страны, сохранив исконно русские традиции и устои. Даже в вулканические дни 1917 года в большинстве провинциальных регионов новая власть устанавливалась мирным путем. И сегодня шквал реформаторских инициатив, поспешных и часто непродуманных нововведений, игнорирования исторических традиций идет из столичных центров, где их волна несет наиболее разрушительную энергию, размывая основы национальной государственности и культуры. Растекаясь по огромному российскому пространству, эта волна постепенно утрачивает свою силу. Деформируя социально-экономическую, политическую сферы жизни провинции, она еще не смогла поколебать корневые, духовные основы российской глубинки.

Способна ли современная провинция стать фундаментальным социокультурным противовесом разрушительным антинациональным тенденциям, животворной основой возрождения Российской Державы? Каков механизм достижения оптимального взаимодействия центра и регионов в обеспечении национального согласия и социального благополучия в обществе? Всегда ли активизация местного самоуправления органично вписывается в русло формирующейся российской государственности? Верно ли видеть в провинции некий консервативный бастион, прямолинейно противостоящий социальным реформам и культурным новациям? Не из провинции ли вышли такие непохожие друг на друга реформаторы как С. Витте, П. Столыпин, А. Керенский, В. Ленин, Н. Хрущев, М. Горбачев, Б. Ельцин?

Подобные нериторические вопросы можно легко продолжить. Они свидетельствуют о социально-практической и научно-исследовательской актуальности указанной проблематики. Неслучайно в последние годы активизировался интерес к ее изучению, к углубленной трактовке самого понятия «провинция».

В отличие от региона, как нам представляется, провинция — это прежде всего культурологическое, философско-этическое понятие, обозначающее целостное культурно-цивилизационное, духовно-нравственное пространство, характеризующееся общностью национального самосознания, культурно-исторических традиций, социально-политической стабильностью, устойчивостью основных жизненных приоритетов. Главный признак региона — его специфика, отличие от других территорий. Провинция — это

прежде всего родовая, корневая общность нации, народа, государства, их глубинная устойчивая основа, типология развития.

Думается, что при таком подходе открывается больше возможностей для исследования глубинных процессов отечественной истории, ее социокультурной почвы. В этом аспекте в истории российской провинции можно увидеть не только банальные противостояния «центра» и «периферии». Важно понять их взаимодействие, дополнение друг друга как субъектов исторического процесса и факторов общенационального единства. В этом взаимодействии провинция выступает как хранительница неких констант социальной стабильности, духовно-нравственной энергии, которая аккумулируется в центре, обретает форму государственной политики и общенациональных идеалов.

Очевидно, что социокультурная почва «центра» наиболее подвержена тектоническим колебаниям и деформациям уже в силу незначительности своей массы, открытости внешнему влиянию, большей напряженности внутренней жизни и т.д. Смута начала 17 в. по существу опрокинула «центр». Из провинции вышли здоровые политические силы, возродившие русскую государственность. В то же время именно столица стала аккумулятором социальной энергии, организующим началом обустройства российского общества.

На протяжении веков Москва воспринималась как символ национального единства. «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...» Это не просто поэтическая метафора, а глубокое замечание человека, знавшего национальную историю. При всех превратностях и скачкообразности российской истории, противоречивости отношений столицы (центра) и «земли» (провинции) именно их взаимодействие и социокультурный диалог всегда составляли жизненную конструкцию сохранения и развития государства и общества в целом.

Похоже, что современный взрыв противоречий по своей мощности и глобальности вышел за пределы традиционной парадигмы развития российского общества и получил цивилизационный характер и масштаб. Разговоры о переносе столицы возникали еще в среде декабристов. В частности, в «Русской Правде» П. Пестель предлагал сделать столичным центром Нижний Новгород, расположенный в середине России, где воспоминания о древности «дышат свободой и прямой любовью к Отечеству, а не к тиранам его». С горьковатой иронией и анекдотами о «блаженном острове» воспринималась Москва провинциальным сознанием в период «колбасных» поездов и автобусов «застойного-застольного» времени. Но никогда еще так вызывающе отчужденно, инородно, похоже и враждебно не выглядела Москва в огромном социокультурном, морально-психологическом пространстве страны. Откровенная неприязнь к столице на бытовом уровне сознания провинциалов существенно дополняется резкими обвинениями в ее адрес в научно-публицистической, политической лексике. Отдалившись от всей страны системой бесчисленных административных фильтров и бюрократических рогаток, Москва, по замечанию Е.Н. Старикова, стада инициатором дробления России. По выражению депутата Госдумы В. Липицкого, Москва превратилась в «государство в государстве», обособленное от остальной страны. Вносятся предложения о переносе столицы «из чиновничьей, коррумпированной» Москвы в Новосибирск, Воронеж, Екатеринбург и др.

Обращаясь к наследию Н.А. Бердяева, Н.С. Трубецкого, В.И. Вернадского, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, современные социологи, историки указывают на глубокие исторические корни конфликта «столичности» и «провинциальности», его цивилизационный характер. Так А.С. Ахиезер подчеркивает, что Россия исторически является страной двух суперцивилизаций: европейско-столичной и традиционно-провинциальной. Этот раскол пронизал всю жизнь общества, стал цивилизационной характеристикой страны. Русские, по мнению А.И. Солженицина, расслоились на две разные нации: огромный провинциально-деревенский массив и совсем на него не похожая, иначе мыслящая столичная малочисленность с западной культурой.

Перспективнее рассматривать все же отмеченные противоречия не под углом двух непримиримых цивилизаций, а как естественный исторический процесс развития одной, хотя и не однородной, разнородной социокультурной системы общества. Интересно увидеть в этом процессе не только деконструктивную, но и созидательную роль конфликта «столица-провинция», его движущую энергию для саморазвития целостной системы. Не меньший интерес представляет и анализ складывания и функционирования в обществе механизма погашения указанного конфликта, без чего любая система прекратила бы свое существование.

В ходе разрешения указанного противодействия осуществляется мощный выброс энергии, порой не столько разрушительной, сколько созидательной по своей направленности и питаемой за счет внутренних резервов жизнеспособной системы общественного развития. В данном контексте переломными, цикловыми моментами в развитии отношений между двумя указанными субъектами историко-культурного процесса рельефно выступают такие исторические вехи: рубеж первого и второго тысячелетия с принявшей христианство столицей и остальной еще языческой провинцией; стык XIV-XV веков, связанный с возвышением провинциальной Москвы до национального центра собирателя русских земель; встреча XVI-XVII вв. с ее Смутой и формированием на основе социальной активности провинции самодержавного государства; конец XVII — начало XVIII вв., — “иноземный” град Петра и национальная провинция со старой столицей в условиях модернизации страны; начало XIX в. с павшей столицей и взлетом национального духа сражавшейся провинции; начало двадцатого столетия с его революционным Петроградом и выжидающей провинцией, изменением вектора социального прогресса; сближение второго и третьего тысячелетия в условиях падения авторитета столицы, ее растущего противостояния с провинцией, системного кризиса российского общества, поисков новых путей общественного развития.

В модном ныне противопоставлении местного самоуправления диктату центра под лозунгом равноправия субъектов федерации не всегда учитываются особенности складывания российской государственности. В условиях отсутствия развитых рыночных механизмов центр объективно выступал стержневой конструкцией организации и функционирования всего общественного организма. Современная обвальная децентрализация, рассеивая многие иллюзии на этот счет, привела не к долгожданной самостоятельности периферии, а к еще большей ее зависимости от межрегиональных монополий, местных кланов, коррумпированного подобию былого организующего центра.

На рубеже XIX-XX вв. в среде русской интеллигенции было излюбленным сравнение России с витязем на распутье. Образ васнецовского богатыря символизировал не только социальную напряженность в обществе, но и недюжинный дух и силу нации, способной сделать решительный шаг навстречу тревожному будущему. Вряд ли уместен подобный образ для характеристики современного состояния страны, измученной затянувшейся смутой. Здесь скорее напрашивается сравнение ее с усталым изможденным путником, готовым, почти не задумываясь, свернуть в любую сторону, лишь бы получить кратковременный отдых. В период, когда нация должна дать ответ на вызов времени и сделать свой исторический выбор, подобная социальная апатия может иметь катастрофические последствия. В этих критических условиях особо возрастает роль и ответственность интеллигенции за судьбу страны, за формы и содержание исторического выбора нации, сохранение и преемственное развитие национальных ценностей.

На всех переломных этапах отечественной истории интеллигенция брала на себя авангардные интеллектуальные, а то и организационные функции в осмыслении критического момента общественного развития, в выработке способов освоения, а подчас и формирования новых социокультурных реалий. На этом пути у интеллигенции, наряду с неоспоримыми достижениями, было немало просчетов, заблуждений, нередко усугубляющих напряженность переходного периода. При всей противоречивости роли интеллигенции ей вновь суждено и сегодня быть в эпицентре исторического перелома, оказывать во многом определяющее воздействие на ход как позитивно-созидательных, так и негативно-разрушительных процессов вхождения страны в новую эпоху.

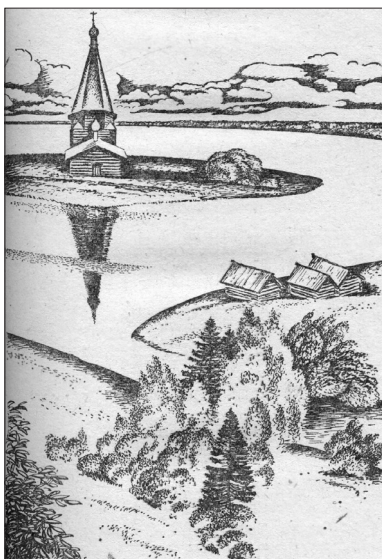
Опыт истории говорит о неисчерпаемых возможностях духовности российского общества, позволяющих преодолевать критические полосы в развитии государственности и культуры. Живительные корни духовности неразрывно связаны с российской провинцией, ее богатым историческим прошлым, культурными традициями.

На переломных этапах истории всегда возрастала роль российской провинции в сохранении и развитии государственности и культуры. Так было в годы смутного времени, когда в глубине России родилась здоровая энергия, направленная на восстановление и укрепление российской государственности. Так было и в суровое время Великой Отечественной войны, когда из провинции на помощь осажденной столице шли сибирские, уральские, костромские и другие полки и дивизии.

Хочется верить, что на сегодняшнем драматичном этапе истории нашего Отечества ключевые родники духовности российской провинции вновь пробьются целительной энергией возрождения великой России.

При всей противоречивости и драматичности нашего прошлого мы можем и должны гордиться своей историей, а значит — и верить в свое достойное будущее.

ПОЭЗИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Андрей Попов

* * *

Душа по широкой дороге
Совсем не умеет идти.
Помыслит тихонько о Боге,
Но к Богу не знает пути.

Не видит пути покаянья,
А видит во всем пустоту.
И просит душа подаянья —
Куда же идти ко Христу?

И вместе с ней души слепые
Возносят молитвенный зов —
И ловят обрывки скупые
Растерянных искренних слов.

* * *

Не желайте поэту стихов
В наше время глухое.
Пожелайте прощенья грехов
И покоя, покоя.

Чтоб не рухнул в холодный сугроб
От обиды и водки,
Помолитесь, чтоб тихо усоп —
Незлюбивый и кроткий.

Хоть и весело жил, но тужил,
Унывал без причины.
Помолитесь, чтоб он заслужил
Христианской кончины.

Православно, по чину отпет —
Шел небесной дорогой.
И вздохнули бы: умер поэт,
Написал-то — немного.

Надежда Мирошниченко

Изба

Николаю Иванову

Землю затопили города.
Нет на ней избе крестьянской места.
Может, это вам не интересно?
Ну, а вы не слушайте тогда.

Самая последняя мишень —
Сердце православного народа.
Крест крестьянин нес как знамя рода...
Но почти не стало деревень.

А изба всю землю подняла.
По степи шагала и по лесу.
Это тоже вам не интересно?!
Но изба нам Родину дала.

Но она нас к Богу привела.
Но она нам сказки сочинила.

Защищала, сеяла, растила,
На престолы царские вела.

Землю покорили города.
Ты избу хотя бы пожалей-ка.
Мы живем, как в клетке канарейка.
Вы не замечали никогда?

Я боюсь, что вдруг настанет день,
Ведь в семье у нас не без уroda,
Выстрелит безумная свобода
В сердце православного народа —
Самую последнюю мишень.

* * *

Не хочу, чтоб герои Отечества гибли от водки.
Не хочу, чтоб поэты писали плохие стихи.
Ведь куда б я ни шла, лишь подвижники и самородки
Мне встречались в России сквозь торжища и лопухи.

Не хочу, чтобы дети росли без руля и ветрила.
Не хочу, чтобы взрослые прожили жизнь без стыда.
Не хочу, чтобы мать сквозь века по сынам голосила,
Чтоб сгубила Отечество Незолотая Орда.

Пожалейте поля, их безродные чертополохи!
Полюбите леса, партизанские топи болот!
И на стыке времен, на пылающей плахе эпохи
Поднимите знамена, сплотившие Русский народ.

Для чего небеса проглядели глаза над Россией?!
Для чего океаны девятый задумали вал?!
Для чего мы сегодня отправились в путь за Мессией,
Если не для того, чтобы нечисть сразить наповал?

Я люблю эту землю, родную по слову и крови.
Каждой пядью ее дорожу, как своей пятерней.
Мне не надо учиться к Отечеству верной любви
В этот День Покрова на дорогах беды прописной.

Татьяна Канова

О русском сердце и зырянской душе

Мне колыбельная песня тверская досталась —
Тихая светлая реченька с галечным донцем.
В русской деревне Нарачино сердце осталось
С маминой речкой, играющей в зайчики с солнцем.

Но колыбельку мою мастерили зыряне,
Маме моей вековая тайга подпевала.
В десять дворов деревенька Кольель в глухомани
Душу мою привязала к себе, привязала.

Не перепела отцовскую мамина песня.
Но и отцовская сердце мое не вернула.
Русской зырянкой живу, и нисколько не тесно
Сердцу с душой — лишь бы родина не попрекнула.

Владимир Цивунин

* * *

Если праздник, так первый гость у меня — тоска.
Поневоле приветить, ведь других гостей не бывает.
И полоска неба так за окном узка,
Что даже облачка более не вмещает.

Даже если воздух так юно-беспечно свеж,
Никуда не выйдешь, ибо будешь чужим повсюду.
И глядишь на время, в котором открылась брешь,
Как глядел Иоанн на косящего вбок Иуду.

* * *

От любви до любви не провал, ну а все же потери.
Что найдешь для второй, то для первой уже потеряешь.
А в себе обнаружишь решетку для нового зверя,
Но которого чем и кормить — скоро не угадаешь.

Ну а значит, издохнет и новая эта зверюга.
Или, в крайности, в тесной неволе совсем захиреет.
А так просто ведь сказано было: «Любите друг друга»,
Только — бьется душа и болит, а любить не умеет.

* * *

Опадают тихо листья,
Лишь едва-едва шурша.
Небо с каждым днем все мглистей,
И грустит, грустит душа.

Но в печальный миг осенний
Принял словно благодать
Я умение растений
Тихо-тихо умирать.

Юрий Ионов

— Отчего у нас мужья так пьют? —
Женщины знакомые вздыхают. —
— Их ведь не терзает неуют,
Захотят — нормально отдыхают;
Жены им и сварят, и сошьют,
Скажут что-то ласковое дети;
А они все пьют, и пьют, и пьют,
Словно всех несчастнее на свете.
А мальчишка во дворе спросил:
«Отчего ночами пес наш воет,
Надрываясь их последних сил,
Так и задевая за живое?»

Если б своего не знал двора,
Был бы и голодный, и холодный...
Ну, а тут — похлебка, конура,
А тоскою веет безысходной?»
О собаке что ответить мне?
Как-никак ее стесняет привязь.
Даль иную видя на луне
И неволе тягостной противясь,
Вспоминает бег вперегонки
В детстве; и мечты свои щенячьи.
...Может, оттого и мужики
Над стаканом воют по-собачьи?!

Анжелика Елфимова

* * *

И снова май. И бабушка выходит
За черную от времени ограду,
И вдаль глядит, глазам ища отраду
(глаза слезятся).

Но — с той войны — все тяжче
С каждым годом
Ей выходить на длинную дорогу,
И за сынов прося смиренно Бога,
их дожидаться...

В переводе Владимира Цывунина, Сыктывкар

* * *

Будто бы котенок,
Наиграв усталость,
Прикорнул ребенок,
А игра осталась:

Свечки огонечек
Вздрагивает зыбко,
Глядя на комочек,
Что сопит с улыбкой...

В переводе Владимира Цывунина, Сыктывкар

Любовь Терентьева

* * *

Узоры на стекле — пришла зима...
Цветы на подоконнике озябли.
Схожу с ума, уже сошла с ума,
Уже впадаю в детство — кривле-крable.

Луна огромна. И в моем окне
Свеча навстречу ей горит приветом.
И в полной чудесами стороне
Душа моя плутает до рассвета.

И кажется, что ангелы поют,
Обняв крылами стылые деревья,
А город спит — сиятелен и мудр,
И Рождество вот-вот, у самой двери.

Вернусь к делам поутру — много дел.
На ум свой взрослый больше не пеняю.
Но снова тихий ангел пролетел,
И детской сказкой город мой сияет.

Валерий Выхин

Предки

Не порвав сухожилий
И хребты не сломав,
Наши прадеды жили
Средь деревьев и трав.

Спозаранку косили,
Вечерами гребли.
Поклонялись России,
Без нее не могли.

Клади русские печи
По задумке своей,

И судьбе не переча
Поднимали детей.

Понимали, где правда,
Вознеся купола,
Потому и Непрядва,
И Полтава была.

Жили ладно и мудро,
Далеко — не рабы,
Знали — каждое утро,
Как подарок судьбы.

Виктор Демидов

Лебединая Родина

Север светлый,
моя лебединая Родина...
Белой ночи перо
бережничему* в ноги обронено —
здесь я стал на крыло...

Сероперым птенцом учился
по земле ходить и летать,

за вожатым в небо стремился,
чтобы белым лебедем стать.

...Желтый берег,
зыбун ивняковый.
На Усе — крутая волна.
По весне здесь точнее слова
откровенная тишина.

Алексей Иевлев

* * *

Скрипни хотя бы во сне, половица.
Солнце, добавь в наши окна огня.
В рамках на стенах смогли уместиться
Те, кому раньше казалась тесна
Горница — светлая, с ликом окошек.
В них, как невеста, прекрасной была
В ветреном платье в клевер-горошек
Самая мне дорогая земля.

Как велика эта горница стала
Для поселившейся здесь пустоты...
Словно на старом перроне вокзала,

* Бережничий (усть-цилемское — рыбак, идущий с неводом по берегу).

Все говорит об ушедшем...
Чисты,
Словно умыты дождем и слезами,
Воспоминания...
Как образа,
Что молчаливо и властно над нами
Высятся.
И не отводят глаза.

Анатолий Илларионов

Прощальный полет

В России дожди проливные,
Деревнями осень бредет.
Зовут в небеса позывные —
Прощальный полет...

Прощальный,
 не значит — последний,
У песни есть новая жизнь.

Кружись, мой листочек осенний,
Держись, мое сердце, держись!

Кто в истины верит святые,
К тому есть особенный счет.
Простите,
Мы люди простые,
Мы — русский народ!

Россия — это мы

И первый снег зимы,
Парящий над полями.
И тайна возле тьмы
Над первыми стихами.

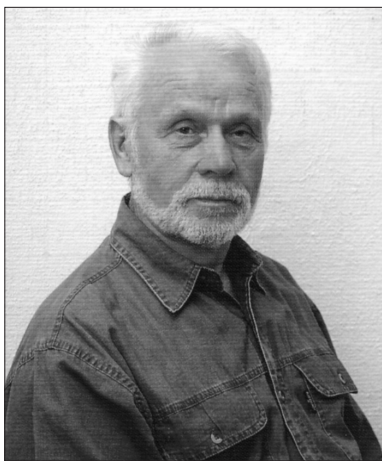
За поступью весны —
Букетики мимозы.
Несбыточные сны,
Несбывшиеся грезы.

И тихий летний лес:
Сосна, береза, елка...

Ау! Я здесь, я здесь,
Ох, как плутал я долго...

И деревенский дом,
И долгих просек просинь.
И осень за окном,
Как пушкинская осень.

И первый снег зимы,
Парящий над полями...
Россия — это мы
И небеса над нами!

Алексей ШВЕЧИКОВ

РЕЛИГИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Алексей Николаевич Швечиков религиовед, кандидат философских наук, доцент, руководитель Собора православной интеллигенции. Им опубликовано более 60 научных работ по методологии, нравственности и религии. Живет в Санкт-Петербурге.

В подготовленной к печати книге кандидата философских наук А.Н. Швечикова «Религия как объект научного познания» исследуется проблема необходимости, возможности и путей научного познания религии как сложного и своеобразного духовно-нравственного и социально-политического и культурного феномена. В монографии методологически обосновываются возможности и границы постижения религии наукой, а также противоестественность противостояния и противоборства между ними. Автор доказывает, что объективно религия и наука должны находиться в состоянии заинтересованного сотрудничества, направленного на совершенствование окружающей человека среды и самого человека.

О союзе религии, философии и науки в современных условиях

(глава из книги)

В условиях современного духовного кризиса, когда расщепленность бытия достигла катастрофического состояния, необходимость возрождения, согласия между религией и философией становится все очевиднее. Поскольку смысловые ценности жизни оказались перемещенными из духовной сферы в материальную и люди в большинстве своем стали поклоняться не Богу, а мамоне, духовная жизнь оскудела и расстроилась. Научное мышление стало не только обособленной областью духа, но и его

единственным источником. В результате плоть восторжествовала над духом. Это случилось не в одночасье, процесс духовного растления шел веками. Уже в середине XIX в. глубокий русский философ и замечательный поэт Ф. И. Тютчев с горечью писал:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени,
И свет обретши, ропщет и бунтует*

*Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит...*

*Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди не помощь моему неверью!»¹*

К сожалению, этого не говорит и век сегодняшний, хотя бездуховность свирепствует еще сильнее и изощреннее, а призрак апокалипсиса все больше получает совершенно зримые очертания.

В этих условиях необходимость восстановления разорванного союза религии и философии — главных основ духовности становится особенно актуальным и необходимым. На каких путях могут и должны сходиться религия и философия? Этих путей достаточно много.

Прежде всего религия и философия должны признать, что они не враги друг другу, а соработники в духовном созидании человека и общества при условии того, что каждый выполняет эту работу своими способами и средствами.

Ведущая роль религии в этом соработничестве неоспорима, она очевидна. Религия и философия стремятся к постижению истины. Философия идет к решению этой главной для себя задачи сугубо спекулятивным путем, т.е. главным и единственным орудием познания ею истины является мыслящий разум. Религия на пути к постижению истины не ограничивается только разумом, но подключает к нему разум чувствующий — сердце, в которое, прежде всего, и проникает слово Божие, т.е. Истина. «Всем сердцем, — восклицает Псалмопевец, обращаясь к Богу, — ищу Тебя; не дай мне уклониться от заповедей Твоих. В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить перед Тобой» (Пс. 118: 10-11). Сердце, а не разум источник жизни, хранилище истины и мудрости. Истины души и сердца для религии важнее и жизненнее истин разума.

¹ Леонтьев К. Н. Храм и церковь / К.Н. Леонтьев. М., 2003, с. 403

Не отрицая роль и значение разума в поиске истины, и в то же время делая упор в этом поиске на чувствующий (верующий) разум, т.е. душу и сердце, религия обладает по сравнению с философией более убедительным набором сил и средств, которые обеспечивают ей несомненные преимущества на пути к истине.

В то же время философия более многообразна, и в чем-то более убедительна, чем религия, в сфере рационального познания, в его принципах и методах. Часть этих принципов и методов может быть использована и используется религией. Несмотря на то, что религиозная истина сверхтеоретична, элементы философской теории в ней обязательно присутствуют. В этом мы убедились на опыте отцов Христианской церкви: Иустина Философа, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Максима Исповедника, блаженного Августина, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Николая Кузанского.

Для того чтобы взаимодействие религии и философии давало плодотворные результаты, необходимо хорошо знать друг друга. Это взаимное познание позволит легче найти взаимопонимание. Религия, очевидно, лучше, чем философия, понимает эту необходимость, ибо в религиозных учебных заведениях философия изучалась практически всегда, что касается изучения религии философией, то здесь нет стабильности. Но вина в этом философии не абсолютна, ибо философия, во-первых, не имеет своей организации, способной ее защитить (религия имеет церковь), и, во-вторых, философия более подвержена политической конъюнктуре и более зависима от светской власти и ее идеологии. При наличии партнерских отношений религия может существенно помочь философии в защите ее духовного и мировоззренческого статуса в случае притеснения светской властью.

Изучение философией религии должно быть так же обязательно как изучение философии религией за то, что современной российской философией религия изучается неудовлетворительно, вина лежит не только на философии, но и на власти, организующей и контролирующей систему образования в обществе.

А в этой системе сегодня духовная составляющая образования не может порождать оптимизма, поскольку две главные духовные силы — религия и философия в образовательных программах всех уровней представлены или в урезанном, почти карикатурном виде или не представлены совсем. В школьных официальных программах религиозная составляющая фактически отсутствует совсем.

Только в пятой части вузов читаются различные религиоведческие курсы, как правило, в объеме 16-20 учебных часов. Курс философии фактически превращен в курс истории философии. Такое отношение к духовному образованию нетерпимо, ибо возрождение страны без духовного возрождения народа невозможно. Необходима серьезная корректировка образовательного и воспитательного процесса в стране в сторону духовности. И здесь религия и философия должны выступать единым фронтом.

Единство религии и философии предопределено их мировоззренческой функцией. И религия и философия пытаются дать свой ответ на корневые вопросы бытия: что есть окружающий мир? Каково место и роль человека в этом мире? Каков смысл человеческой жизни? Кто есть Бог, и каково Его отношение к миру и человеку? Что есть истина?

На базе этих вопросов и формируется мировоззренческая позиция человека. Ответы на них у религии и философии далеко не во всем и не всегда совпадают, но совпадает их духовная направленность, достижение смысловых целей человеческой жизни духовным и нравственным путем. Для религии высшей целью является преодоление мира дольного и достижение мира горнего — Царствия Небесного и бессмертия души путем беззаветного служения Богу любви и преданности ему. Религиозный человек знает, что его судьба решается не на земле, а на небе и не им самим, а силами небесными: «Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба (Ин. 3:27). Он помнит слова Бога: “...Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дал ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную”» (Ин. 4:14)

Духовный порыв философии обращен не к небу. Он не покидает пределов мира дольного, не утверждает бессмертие. Она видит смысл бытия и жизненных устремлений человечества в создании земного рая, т.е. такого земного обустройства жизни, в условиях которого человек наиболее полно раскроет свои духовные и нравственные качества и утвердит в своей жизни в качестве основополагающих принципы человечности, добра справедливости, правды. По мнению философии, таким образом будет достигнуто на земле состояние всеобщего счастья и любви.

Не все философы разделяют эту идею и соглашаются с возможностью построения высоко духовного идеального общества на грешной земле, грешным человеком. Характерным примером философского скептицизма по поводу устройства совершенной земной жизни является позиция К.Н. Леонтьева. Подвергая жестокой критике позицию либерализма, верящего в «постепенную исправимость всего человечества» и морализма, надеющегося «больше на человеческое сердце, чем на переустройство общества», Леонтьев писал: «Чистый разум или, пожалуй, наука в своем дальнейшем развитии, вероятно, скоро откажется от той утилитарной и оптимистической тенденциозности, которая сквозит между строками у большинства современных ученых и обратится к тому суровому и печальному оптимизму, к тому мужественному смирению с неисправностью земной жизни, которое говорит: “Терпите! Лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите. Помните и то, что всему бывает конец...”»

Вот такая пессимистичная философия, которая должна рано или поздно, и, вероятно, после целого ряда ужасающих разочарований, лечь в основу будущей науки.² Такова суровая реальность жизни. Превращать эту реальность в розовую мечту значит подтверждать свою несостоятельность, свою неспособность проникнуть в ее истинную суть.

Идеализация реальности, спекулятивный отлет от действительности, построение ее умозрительных схем, наделение человека такими качествами, силой и волей, какими он в действительности обладать не может — всё это плоды мечтаний рационализированной философии. Это попытка спустить небо на землю, построить земную жизнь по небесным принципам, поставить на место Бога человека, на место Духа Божия человеческий разум, на место страха Божьего человеческую любовь, которая не более, чем плод этого страха. «Начало премудрости (т.е. настоящей веры) есть страх, а любовь только плод. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом».³

Это утверждение Леонтьева, согласуемое со священным Писанием, разделяет и М. Бубер — известный еврейский философ XX в. Некоторые, говорит Бубер, находят противоречия между ветхозаветным изречением, что страх Божий есть начало премудрости и новозаветным: Бог как первоначало любви. Это говорит о том, что эти люди не постигли смысл слова «начало». Когда человек свое отношение к Богу начинает с любви, а затем убеждается, что Он страшен и непостижим, тогда он оказывается в состоянии Иова или Ивана Карамазова, когда страх затмевает любовь и неизбежно порождает отчаяние, ослабление веры или полную ее утрату и ересь. Именно поэтому: страх Божий есть начало мудрости, т.е. начало и гарантия правильной и твердой веры.

«Тем же, кто начинает с любви, не испытав сначала страха, любит кумира, которого сотворил себе сам и которого легко любить, но не действительного Бога, который первоначально страшен и непостижим».⁴

Рационалистическая философия этого не понимает и потому не признает. Для нее страх — понятие низменное, чувство негативное, унижающее человека, поэтому все порождающее его, должно быть устранено. Но земная любовь, исповедуемая этой философией, как правило, оказывается непрочной, легковойной, кратковременной, просто легким увлечением.

Таким образом, рационалистическая философия, решая «вечные вопросы», так отлетает от действительной жизни, что утрачивает чувство реальности, не улавливает пульс жизни, поэтому строит

² *Леонтьев К. Н.* Храм и церковь / К. Н. Леонтьев — М. 2003, с. 403.

³ *Леонтьев К. Н.* Храм и церковь / К.Н. Леонтьев. М., 2003, с. 403.

⁴ *Бубер М.* Два образа веры. М. 1995, с. 361.

умозрительные схемы, не осуществимые в реальной жизни. Такой ценой покупается ее оторванность от религии.

В решении этих вопросов значительно ближе к религии стоит религиозная философия, для которой Бог не просто объект теоретического познания, а есть Путь, Истина и Жизнь. Религиозное трезвение позволяет этой философии открытыми глазами видеть реальности земного бытия, его ограниченность, ущербность и греховность, его несовершенство. Она не страдает той степенью идеализации земного существования, которая характерна для философии рационалистической. Религиозная философия, как и религия, рассматривает мир в его целостности и единстве. Отдавая предпочтение рациональному познанию (иначе она уже не была бы философией) религиозная философия не отрывает его от чувственной сферы.

Все это говорит о том, что путь единения религии и философии лежит через сближение их позиций в решении корневых вопросов бытия и познания и проводником этого сближения может и должна стать религиозная философия. Однако речь не должна идти о том, чтобы это сближение должно вообще устранить философию как светскую науку и превратить философию в некое философское богословие. Речь идет не о слиянии религии и философии, а об их сближении при сохранении идентичности.

Пути сближения религии и философии не исчерпываются только теми направлениями, которые мы обозначили. Многообразие и богатство духовной жизни не вмещается в какие-то определенные схемы, наша тема — не исключение.

Ясно одно: ни религия, ни философия не могут, каждая в отдельности, претендовать на право единственной обладательницы истины.

Религия не должна отказывать философии в праве исследования смысловых оснований мира, человека самой религии. Философия же должна признать ограниченность своих возможностей по сравнению с религией, связанную с абсолютизацией рационального познания, памятуя о том, что мудрость ума не тождественна мудрости жизни.

Взаимоотношения религии и философии имеют непосредственное отношение к религиоведению. Фактически они определяют его смысл, содержание, направленность и целевые установки. Методологической основой религиоведения как светской науки является философия, поэтому общее состояние науки о религии, ее методологический фон напрямую зависит от состояния философской мысли, той роли и места, которые выполняет и занимает философия в духовной жизни общества на конкретном этапе его исторического пути. Слабость философского компонента в духовной жизни общества фактически гарантирует серьезные методологические изъяны в религиоведческой науке, ее блуждания и шатания.

История философии убеждает нас в том, что духовное здоровье философии может гарантировать только ее разумное соработничество с религией, а не противостояние с ней, признание философией

главенствующей, но не доходящей до диктата, роли религии в этом соработничестве. Если же этого соработничества нет, если религия пытается сделать из философии «служанку богословия» (как у Фомы Аквинского), а философия ставит себя выше религии и претендует сама на это звание (как у Гегеля), тогда не приходится рассчитывать на методологическую выверенность путей и принципов познания религиозноведческой науки. Методологические блуждания между материализмом и идеализмом, верой и разумом приводят именно к тому плачевному состоянию, в котором оказалось сегодня наше российское религиозноведение, не имеющее своего лица, хотя у нас, как ни у кого на Западе, есть надежная методологическая база в лице русской религиозной философии, которая явила живой пример соработничества философии и религии.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

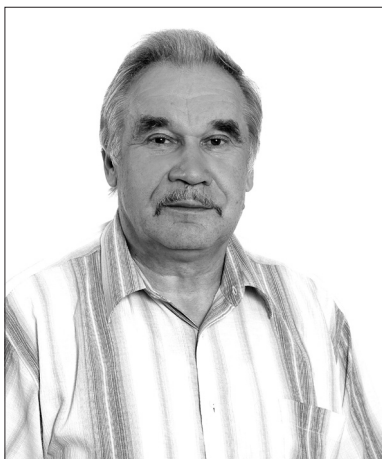
А.А. Григорьев

*Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова*

Н.Я. Данилевский

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Чеслав КИРВЕЛЬ ПОЛЮСА СИЛЫ

*Векторы глобальных
перемен и проблема
исторического
самоопределения
восточнославянских
народов*

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор книг «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно, Беларусь.**

Реалии ушедшего XX века изменили наши представления о закономерностях развития социума. Мир стал принципиально иным. Поэтому, многие исторические аналогии, факты из жизни общества прошлых столетий мало что проясняют в нынешних процессах и явлениях общественной жизни. То, что происходит сегодня в общественном бытии людей, нередко вообще не имеет аналогов в прошлой истории и является качественно новым. Сегодня, наряду с прочим, мы являемся свидетелями интенсивного процесса формирования новой геоструктуры мира, нового мироустройства, нового миропорядка.

Многие исследователи всю совокупность этих новых явлений связывают прежде всего с развернувшимися на нашей планете глобализационными процессами.

Глобализация возводит новые конструкты — транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные ресурсы, международные финансовые рынки и коммуникативные сети. В результате этого новоявленные глобалистские структуры получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые в силу этого перестают быть, по сути дела, национальными, что хорошо сегодня видно на примере некоторых правительств стран СНГ. Если же на международной арене появляются лидеры, проводящие независимую национальную политику и выражающие глубинные интересы своих народов, то на них сразу же открывается «охота», начинается беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы, вплоть до физического устранения.

В сущности, глобализация, в ее теперешнем проявлении, действует в

направлении деконструкции суверенных национальных государств и национальных сообществ, открывает возможности вывода элит из сферы их служения национальным интересам и системы национального контроля.

Однако, как известно, всякому действию равно противодействие — таков закон культуры, сохраняющий свою силу до сих пор. Поэтому не надо быть большим провидцем, чтобы понять: вызов, брошенный США и их союзниками остальному миру, так или иначе, чуть раньше или позже, но неизбежно получит адекватный ответ. Уже сегодня с достаточной ясностью обнаруживается, что радужные надежды и оптимистические упования относительно транснационализации капитализма и формирования «открытого общества» рассеиваются как утренний туман или сон. Социальная реальность никогда ранее не была и не будет впредь столь одномерной и однозначной, как это видится некоторым апологетами глобализации.

В действительности, движение современного мира отнюдь не направлено только в одну сторону. Начиная со второй половины XX века (особенно последней его четверти), в развитии современного человечества стали протекать полярно-векторные процессы, небывало рельефно и противоречиво обнаружили себе две тенденции — тенденция к интернационализации и мировой интеграции, нивелирующих всякие национальные различия, от экономических до культурных, и тенденция к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Первая тенденция как раз характеризуется понятием «глобализация», вторая — ассоциируется с формированием региональных самодостаточных центров развития и силы.

Это объясняется тем, что в наше время вектор развития экономической, политической, да и в целом, социокультурной жизни направлен в сторону создания «больших пространств». Не так было раньше. В древности и в средние века развитие экономики и технологических укладов не требовали тесных интернациональных и интеграционных процессов. Поэтому, несмотря на различные военно-политические объединения, союзы, завоевания и т. д., имела место тенденция к раздробленности, к созданию независимых образований в виде отдельных небольших княжеств, герцогств и т. п. Позже, с развитием заводского и фабричного производства возникла объективная потребность в формировании общенационального рынка, в возникновении крупных национальных государств. Теперь ситуация вновь изменилась. То есть, если для предшествующего этапа развития было характерно создание крупных национальных государств, то сегодня наблюдается тенденция выхода экономических систем за рамки национально-территориальных образований. Границы национальных государств стали тесными для современного технико-экономического развития. Утверждению такой ситуации в немалой степени способствовали научно-технические достижения, развитие современных технологий и наукоемких производств. Оказалось, что в условиях современности новейшие технологии способны обеспечить рентабельность производства, прибыльность только при условии развитого международного сотрудничества, хозяйственно-экономической интеграции и кооперации. К таким технологиям сегодня прежде всего относятся компьютерная техника, средства и инфраструктура телекоммуникаций, информационные потоки, высокоскоростной транспорт, а также распространение образовательных моделей, благодаря научному и другим видам интеллектуального обмена. Все это действительно так. Но это совсем не означает, что для развития сов-

ременных хозяйственных структур нужен обязательно «весь мир», вся наша планета. Реально процессы экономической интеграции вполне успешно и эффективно сегодня протекают на *континентальных и субконтинентальных пространствах, в географических регионах, населенных родственными народами в цивилизационном и социокультурном отношениях*. И если исходить не из мифа о всепроникающей, о всепобеждающей глобализации, и из действительных фактов, то можно увидеть, что и сейчас реальные интеграционные процессы и связи, будучи предоставленными самим себе, имеют тенденцию ограничиваться именно континентальными и субконтинентальными пространствами, рамками локальных цивилизаций. В действительности идет процесс формирования *самодостаточных региональных центров развития и силы*, объединяющих в себе целую группу стран, коалицию государств. Наиболее ярким примером этого выступают страны западной Европы (Европейский Союз), некоторые государств юго-восточной Азии. В последнее время тенденция к интеграции стала заметно проявлять себя и в Латинской Америке. Импульсивное и весьма обостренное стремление к политической консолидации, которое далеко не всегда коррелируется с экономической интеграцией, присуще некоторым лидерам, общественным и религиозным деятелям исламского мира. Другое дело, что США и их союзники пытаются навязать реальным интеграционным процессам свою версию направленности их развития и создают свою систему их властного обеспечения. По сути дела, США стремятся сконструировать свою систему глобальной регуляции мировой экономики, отнюдь не соответствующую действительному характеру и объективным тенденциям ее развития. Их цель — «однополярный» мир, которым можно было бы управлять из одного центра.

Мир, однако, несмотря на все усилия этой новой имперской сверхдержавы превратить его в «однополярный», пока еще остается и будет долго, если не всегда оставаться, «многополярным», полицентрическим. Ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит «логике социального», базирующегося, как и все в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни Интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. Мир, структурируясь иначе, по-прежнему остается трагически не единым.

Сегодня, ряд исследователей выдвигают вполне взвешенную и аргументированную точку зрения, согласно которой «мировой системе предстоит стать *полицентрической*, а самим центрам — *диверсифицированными*, так что глобальная структура мира окажется многоуровневой и многомерной (центры военной силы не будут совпадать с центрами экономической силы и т.п.) хотя и не обязательно сбалансированной»¹. Причем формируется новый миропорядок который будет базироваться не на одной, а «*на нескольких дополняющих друг друга и в чем-то соперничающих ценностных системах*»². А его специфической чертой станет, скорее всего, отсутствие универсального индивидуального лидерства. Ни одна страна, сколь бы

¹ Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. — 2003. № 5. — С. 33.

² Там же. — С. 35.

сильна она ни была, вероятнее всего не сможет навязать миру свою линию развития. Кроме того, новый мировой порядок, по-видимому, будет иметь не одну, а несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе и взаимоисключающих.

В любом случае, с большой долей вероятности можно предположить, что региональные центры развития и силы будут формироваться под непосредственным воздействием и руководством сильных, но не принадлежащих к мировым лидерам по уровню экономического развития государств. Такими государствами могут стать, хотя и не очень богатые, но имеющие мощный военный потенциал, длительную историю и глубокие культурные традиции страны. Эти страны никогда не смогут смириться с постулатом заведомого неравенства, с униженностью в мировой иерархии, с сведением их до уровня управляемой геополитической величины и непременно найдут способ своей консолидации. Поэтому наверняка можно утверждать, что будущая геополитическая структура мира будет состоять из автономных центров развития и силы, каждый из которых обзаведется собственной сферой влияния. Не случайно сейчас появилось немало книг, концепций и теорий о том, что будущие войны — это войны не между отдельными государствами, а войны между цивилизациями. Здесь достаточно вспомнить концепцию «столкновения цивилизаций» американского политолога С. Хантингтона.

И в самом деле, сегодня на нашей планете наряду с существованием огромного количества стран Третьего и отчасти бывшего Второго мира, утративших способность к самостоятельному развитию, так называемых «падающих» или «несостоявшихся» государств, выявился целый ряд крупных стран, которые несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран Первого мира — лидеров глобализации, быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии и, соответственно, начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть **«восходящими странами-гигантами»**. Пальма первенства среди этих стран, безусловно, принадлежит Китаю, масштабы территории, численность населения и темпы роста которого в своей совокупности просто беспрецедентны. В эту группу государств, наряду с Китаем, чаще всего относят Индию, Бразилию и Россию. Появились даже особая аббревиатура, состоящая из начальных букв в названии данных государств: БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай. Кроме этого, в последнее время стали с различной степенью определенности говорить о «втором эшелоне» восходящих стран-гигантов, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР. Для обозначения этих стран «второго эшелона» также уже появилась своя аббревиатура — ЮПИМ³.

Восходящие страны-гиганты первого и второго «эшелона» весьма успешно преодолевают присущий им ранее «комплекс периферийности» и выходят на передовые рубежи. Уже сам факт их существования свидетельствует о неизбежности перехода от моноцентризма, навязываемого миру США, к полицентризму, от «однополярности» к «многополярности».

³ Бобровников А.В., Давыдов В.М. Кто заказывает музыку? // Свободная мысль. — XXI. — 2005. № 4. — С. 51.

Говоря о наиболее успешных представителях восходящих стран-гигантов, следует иметь в виду, что важнейшей предпосылкой взлета данных стран являлось наличие «национального проекта» (либо регионального), соответствующего особенностям (географическому положению, религии, менталитету народа и т. д.) данной страны и перспективе мирового развития. При этом важным здесь моментом наряду с прочим, выступила способность этих стран к конструктивному обновлению элиты, позволяющему ей соответствовать своему назначению, выполнять функцию креативного лидерства, быть выразителем глубинных национальных интенций, национального духа и национальных интересов.

Не удивительно, что сегодня все меньше находится аргументов в пользу того, что все страны рано или поздно, так или иначе примут либеральные ценности в том виде как они сформировались на Западе.

Вообще, сегодня немало авторов, ссылаясь на маятниковый характер взаимодействия «Восток-Запад» («цивилизационную качку»), пишут о возможной (может быть даже уже начавшейся) смене цивилизационного лидерства в мире. Если первоначально в ходе цивилизационного развития лидировал Восток (на Востоке, в Месопотамии, Египте, Индии, Китае возникли первичные цивилизации, восточный «человек спиритуальный» дал миру Библию, Коран, «Бхагавад-Гита» и т. д.), а в XV-XVIII веках это лидерство перешло к Западу, дополненное в XX веке лидерством США, к «экономическому человеку», утвердившему агрессивно-потребительское отношение к миру, то сейчас, в силу экологического императива и других глобальных вызовов нашего времени, путь, приведший Запад к успеху, может быть в обозримой перспективе пресечен, и мировое лидерство снова вернется к Востоку⁴. Весьма интересное суждение в этой связи высказывал российский исследователь В.И. Пантин: «...Уже появляются признаки грядущего изменения мирового порядка, очередной геоэкономической и геополитической революции. В XXI веке намечаются новые сдвиги и изменения мирового порядка. В частности, на сцену глобальной политической истории постепенно выдвигаются три азиатские страны-цивилизации — Япония, Китай и Индия, уже ставшие мировыми центрами экономической и политической силы. Роль этих новых центров силы на протяжении XX века медленно, но верно возрастала и неизбежно будет возрастать в веке XXI: вектор мировой истории снова начинает поворачивать на Восток. В результате этих долговременных процессов прежняя «периферия» или «полупериферия» в недалеком будущем может стать «центром» мирового развития, как это уже не раз бывало в истории»⁵.

Уникальные культуры таких евразийских гигантов как Китай и Индия обнаружили исключительную выживаемость и устойчивость. Данные страны, наверное, как никакие другие азиатские государства обладают способностью к противостоянию инструментально-потребительской цивилизации Запада. Причем, в духовном плане здесь особо выделяется Индия. Индийская культура содержит, пожалуй, не имеющий в мире аналогов

⁴ Зотов В.Д. И Запад, и Восток // Свободная мысль. — 1998. № 6. — С. 9.

⁵ Пантин В.И. Глобальная политическая история и современность // Общественные науки и современность. — 2002. № 5. — С. 166.

потенциал посттехнической, постпотребительской, постэкономической альтернативы современному агрессивному глобализму, его хищническим интенциям и установкам. Этот постэкономический потенциал обусловлен, в первую очередь, великой индо-буддийской духовно-религиозной традицией, отличающейся от всех других духовно-религиозных традиций удивительной глубиной и основательностью осмысления безысходной драмы и коллизии вожделеющего сознания и потребительской психологии. Можно поэтому предположить, что индо-буддийская традиция способна выступить в качестве одной из предпосылок кардинальной перестройки той картины мира и мировоззрения, которые сформировались в эпоху европейского Возрождения и Нового времени и продолжают до сих пор господствовать, несмотря на свою несовместимость с экологическим императивом.

В истории, таким образом, имеет место, действует западно-восточный мегацикл, когда на земле доминирует то западная часть мира и ее менталитет, то, наоборот, — восточная фаза. В начале господствовала восточная фаза мирового мегацикла, потом западая. Теперь западная фаза вошла в период таяния и утери своих потенций. Впереди, похоже, восточная фаза мирового мегацикла.

Согласно многим исследователям, сама логика истории диктует Востоку необходимость дать свой ответ на вызов однополярности и глобального хищничества, брошенного миру США и их ближайшими союзниками. Неизбежность такого ответа вытекает из известной геополитической закономерности: попытка практического воплощения в жизнь идеи мирового лидерства одной страной или даже группой стран всегда вызывает мощное сопротивление других стран, выражающееся в создании оборонительных союзов региональных «полюсов силы» и т. д.

Причем, в этом грядущем ответе Востока Западу усматривается первое в истории человечества культурно-цивилизационное, по настоящему всепланетарное противостояние. Ибо, с точки зрения сторонников данного взгляда, борьба прежних двух социально-политических систем — капитализма и социализма, по существу, происходила на одной почве — почве Просвещения, выступала как гражданская война двух западных идеологий — либерализма и социалистической идеи, как двух сторон одной и той же западно-европейской индустриальной цивилизации. Поэтому, если первая, и вторая, и третья (холодная) мировые войны еще не были в полном смысле слова «мировыми», поскольку участвующие в них соперники были наследниками европейского Просвещения, то разворачивающееся ныне противостояние, согласно такому подходу, во всем приобретает черты подлинной всемирности. Три гиганта евразийского континента — Россия, Китай и Индия — способны обеспечить срыв плана Запада навязать Востоку перспективу «догоняющего развития» («отсталого юга»), то есть вечной зависимости от Запада и вечного комплекса неполноценности и выстроить самостоятельную стратегию развития, собственную историческую линию поведения.

Надо признать, что такой взгляд отнюдь не беспочвенен. О возможности такого поворота событий свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что «архитекторы однополярного мира» прилагали и еще прилагают немалые усилия к тому, чтобы демонтировать крупные межнациональные государства евразийского континента и любой ценой сломать их сопротивление «глобализации по-американски». Предвидя неизбежное сопротивление этих крупных госу-

дарственных образований, они всячески иницируют и поощряют национальный сепаратизм, дают разгуляться местным князькам и племенным вождям, поддерживают все, что направлено на разрушение и деградацию данных государственных образований. В русле сказанного становится понятной весьма трогательная «забота» западноевропейских стран о правах некоторых национальных меньшинств — тибетцев, чеченцев, албанцев и др. Понятным также становится и то, почему Беларусь, дружески настроенная к России, стала объектом жестких дестабилизирующих технологий и неслыханного давления со стороны тех же самых западных государств — лидеров глобализации.

Анализируя все эти тенденции современного мирового развития, некоторые исследователи приходят к выводу даже о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Так Д. Белл — всемирно известный автор теории постиндустриального общества — подчеркивает, что несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. «Именно поэтому, — считает он, — мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции. Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли, интеграционные усилия в Юго-Восточной Азии... Регионы — вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века»⁶.

Человечеству необходимо выживать. Поэтому вновь возникающим центрам силы, крупным государствам, обзаведшимся своими сферами влияния, так или иначе придется договариваться и улаживать свои отношения. Как отдельным интеграционным экономическим зонам им придется вступать в отношения между собой скорее всего в виде интернационализации, которая будет уступать статусу или позициям глобализации. Судя по всему, лишь вопросы экологии, демографии, совместного освоения космического пространства и другие подобного рода проблемы приобретут всеобщий глобальный характер. Необходимость решения этих вопросов будет стимулировать взаимосвязь и взаимодействие различных центров развития и силы, объединять их. Разъединять их будет борьба за территории, богатые энергетическими и минеральными ресурсами, за дешевую рабочую силу, за страны, еще не включенные в сферу влияния данных центров и т. д.

Вообще, современное состояние мирового сообщества можно определить «как цивилизационный слом или как гигантскую бифуркацию»⁷, где жестко сопряжены относительно новые и весьма опасные процессы: экологический, демографический, антропологический, социально-политический, финансово-экономический, этнический, религиозный и другие кризисы. Можно предположить, считает российский исследователь Л.В. Лесков, что после прохождения этой мегабифуркации мировая история в XXI веке будет развиваться по одному из следующих альтернативных сценариев:

1. Униполярная глобализация по модели *Rax Americana*.
2. Неустойчивое равновесие нескольких мировых центров силы.
3. Столкновение цивилизаций, нарастание волн терроризма, наркобизнеса, «малых» войн и т. п.

⁶ Белл Д. Эпоха разобщенности // Свободная мысль. — XXI. — 2007. № 4. — С. 6.

⁷ Лесков Л.В. Синергетика культуры // Вестник МГУ. — Серия 7. — Философия. — 2004. № 5. — С. 31.

4. Распад мирового сообщества на слабо связанные центры силы, возврат к варварству, новое Средневековье.

5. Экологическая катастрофа — сначала региональная, а затем и глобальная.

6. Глобализация по модели партнерства локальных цивилизаций в решении общемировых проблем.

7. Глобализация по модели ноосферного постиндустриального перехода в условиях качественно нового научно-технического прорыва⁸.

Нам представляется, что уже к сегодняшнему дню реальный ход мировой истории отверг первый сценарий. Современное человечество движется все ускоряющимися темпами от фантома «однополярности» к полицентрическому мироустройству, что, конечно, само по себе (и здесь мы согласны с Лесковым) не гарантирует стабильного и устойчивого развития человеческой цивилизации. Только два последние из этих семи сценариев выступают как конструктивные и не тупиковые, способные обеспечить в постбифуркационном пространстве XXI века выживание человечества, его устойчивое самодвижение и развитие. Однако, к сожалению, путь к реализации этих позитивных сценариев пока просматривается с большим трудом. «Крот истории» все еще роет свою дорогу в потемках.

А теперь поставим вопрос: какова историческая перспектива развития Беларуси, России и Украины, с кем им, имея в виду только что рассмотренный нами современный мировой контекст, связанный как с новыми интеграционными процессами, так и новыми разъединительными линиями, объединяться и с кем им разъединяться?

К сожалению, славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию на него. Резко сужается территориальное жизненное пространство славянских народов, сокращается их численность, прямо на глазах слабеет их экономический и оборонный потенциал. Процесс крушения советской сверхдержавы и сопутствующие ему геополитические переделы и обвалы значительно опережают процесс цивилизационного самоопределения славянства и обретения теми или иными славянскими народами своей идентичности.

По сути дела, идет деславянизация мира. Однако, не только славянский мир в целом, но даже восточнославянская цивилизация в отдельности (восточнославянский суперэтнос), не выработала согласованных мер по противодействию всем этим негативным тенденциям и процессам.

Между тем, будущее восточнославянской цивилизации закладывается сегодня. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутыми на обочину исторического процесса, в нищую мировую периферию и занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической и т. д.) обстановке XXI века, которая по всем имеющимся признакам обещает быть еще более противоречивой и конфликтной, чем в XX столетии, необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития.

⁸ Лесков Л.В. Синергетика культуры // Вестник МГУ. — Серия 7. — Философия. — 2004. № 5. — С. 31.

Что конкретно наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент?

Ответ один: формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на **собственной культурно-цивилизационной основе**.

Объективно вопрос стоит так. Объединяющаяся и объединенная Европа однозначно не считает православные восточнославянские народы своими и, похоже, что и в обозримом будущем считать не будет. Мы для нее вечно чужие. Для «тигров» Азии (прежде всего юго-восточной Азии) и народов исламского мира мы тоже далеко не свои. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или они превращаются в «этнографический материал», почву и удобрение для развития других цивилизационных центров развития. Вот и получается, что только в союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя, найти свою нишу и место в мире. Но союз этот, акцентируем внимание, должен быть равноправным и справедливым.

Правда, многие представители политической элиты и научной общественности Украины, да и в некоторой степени Беларуси имеют обыкновение писать о том, что обе эти страны являются центром Европы, что поэтому именно европейский, а не евразийский (читай: российский) вектор развития для них наиболее естественен, органичен, даже безальтернативен и т. п. Интересно, как отреагировали бы англичане, французы или немцы, услышав, что Украина или Беларусь — это центр Европы? Дело в том, что следует четко различать два смысла понятия Европы: географический, в котором Европа как часть света простирается до Уральских гор, и здесь действительно можно пытаться установить центр; и социокультурный смысл, позволяющий выделить целый ряд областей Европы, несколько «Европ», которые крайне несхожи между собой. Первая Европа (Западная Европа) — это та, которая дала миру техногенную цивилизацию, то есть первая в мире осуществила индустриализацию и распространила (или навязала) по всему миру нормы и законы общества потребления. Первая Европа — это совершенно уникальный регион мира, омываемый Гольфстримом, и, соответственно, с характерным для него умеренно теплым океаническим климатом. В принципе, Западная Европа неповторима нигде и никогда, поскольку она сложилась и структурировалась в результате действия многих факторов, которые во всей своей совокупности больше не обнаружили себя ни в каком другом регионе мира (Об этом очень убедительно писал выдающийся немецкий социолог М. Вебер). Ко второй Европе, с некоторой долей условности, можно отнести Чехию и Венгрию. Эти государства ближе всего к Западной Европе и по географическому расположению, и по духу. Что касается Болгарии и Румынии, то они уже существенно иные по духу и ментальности. Польша находится где-то между второй и третьей Европой. Албанию и Косово придется отнести к четвертому лику Европы, ведь они представлены этносами, исповедующими ислам. Уникальной страной выступила Греция, которая, собственно, и была, наряду с Римом, колыбелью христианской Европы. Беларусь, Украина — тоже Европа, но по географическим, религиозным, ментально-духовным характеристикам они наиболее далеки от Западной Европы. Здесь в целом, конечно, обнаруживается такая тенденция: чем ближе к Западу, тем больше Европы; чем ближе к Восто-

ку — тем меньше Европы. Россия уже и вовсе не Европа, но и не Азия. Она попросту самостоятельная Евразийская держава, особая цивилизация, государство-континент. Нравится это кому, или нет, но Беларусь и Украина принадлежат не к западноевропейской протестантско-католической цивилизации, а имеют прямое отношение, от самых корней, из глубин к восточно-православной славяно-русской цивилизации. (Хотя оспорить этот тезис весьма трудно, но многие, тем не менее, будут пытаться это делать. Верно сказано, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, правильность ее непременно оспаривалась бы).

Если говорить об исторических перспективах развития восточнославянских (как впрочем и всех других) государств, то следует иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство: в наше время более-менее надежную историческую для своего выживания и дальнейшую перспективу устойчивого развития имеют только те страны, территории которых богаты минеральными и энергетическими ресурсами или те, которые овладели или смогут овладеть высокими технологиями. Вообще-то факторов, определяющих историческую судьбу народов, множество, но сегодня на первый план выдвинулись именно энергетически-сырьевой и технологический факторы.

США, население которых составляет чуть больше 4 % от мирового, потребляет около 45 % сырьевых и энергетических ресурсов, используемых сегодня в мире. Промышленность, вся инфраструктура, транспорт и т.д., которые обслуживают интересы этих четырех процентов, уже в течении 30 лет съедают весь кислород, образуемый наземным синтезом растений на территории США. Если бы возможно было бы каким-то образом отделить Штаты от российской Сибири и джунглей Латинской Америки, жизнь у них прекратилась бы. Из 72 основных видов сырья, используемых США, 69 завозится из других стран. А если добавить к США другие богатые страны, обеспечившие у себя потребительский образ жизни, то уже получится 15 % населения от мирового. Эти 15 % и есть так называемый «золотой миллиард» нашей планеты. К настоящему времени эти 15 % населения уже потребляют 80 % мировых сырьевых и энергетических ресурсов, а выброс в атмосферу углекислого газа будет равен 60 %⁹. И что интересно, «золотому миллиарду» этого уже не хватает: раскрутившийся маховик предпринимательской экономики, основанный на принципе получения максимальной прибыли, требует все больше и больше ресурсов. В результате, в странах этого «миллиарда» или начнут снижаться достигнутые стандарты потребления, или правительствам этих стран придется усилить эксплуатацию других стран и народов. Такова объективная ситуация.

А вот другая статистика: в России население от мирового составляет около 3 %, а на ее территории сосредоточено примерно 1/3 мировых энергетических и сырьевых ресурсов.

На сегодняшний день это обстоятельство стало важным в выборе ориентаций и принимаемых решений в мировой политике. Здесь сконцентрированы ее основные пружины и хранятся ее ключи.

⁹ Крылова И.А. Дестабилизация социально-экономической обстановки в России // Философия и общество. — 1999. № 1. — С. 99.

А сейчас, исходя из всего сказанного, попробуем провести своего рода мыслительный эксперимент, включающий в себя осмысление двух сценариев относительно перспектив развития восточнославянских народов.

Сценарий 1. Предположим, Украина полностью отрывается от России, разрывает с нею все исторические, экономические, научно-технологические, военные, да и просто человеческие связи и отношения, отгораживается. Поставим вопрос: нужна ли Украина Западу и США? Нужна. Но нужна только в деструктивных целях: для того, чтобы ослабить Россию, набросить на нее петлю, не дать ей возможности создать свой самостоятельный центр развития и силы, и тем самым иметь беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов. Во всех других отношениях Украина Западу совершенно не нужна, не только не нужна, но даже представляет для него определенную опасность. «Европейский дом» тесен. Для расширения «клуба избранных» на нашей планете просто нет ресурсов. А это означает, что если кто-либо войдет в этот клуб, то кто-то из него обязательно должен выйти, или, что то же самое, возможный успех одних на этом пути непременно обернется новыми проблемами для других. Европе не нужна Украина как конкурент в получении ресурсов из третьих стран, не нужна она ей и как конкурент и в области промышленного производства, особенно производства высокотехнологичного. Напротив, Западу необходимо любой ценой сохранить монополию на высокотехнологичное производство. Ибо это является самым главным условием его доминирования в мире. Так что после того, когда Западу и США удастся взять под свой полный контроль Россию, Украине будет отведена роль самой жалкой периферии, самого дешевого рынка рабочей силы и места для сброса некачественных товаров. Ей придется долго-долго догонять Болгарию и Румынию. Если бы и Беларусь решила бы последовать примеру Украины, то и ее тоже ожидала бы такая судьба.

С другой стороны, России, в современную эпоху глобальной конкуренции и начавшегося передела мира, одной, без союза с Беларусией и Украиной будет крайне сложно сохранить свою территориальную целостность, удержать свою Западную и Восточную Сибирь — эту богатейшую в мире кладовую сырьевых и энергетических ресурсов. На этот регион с откровенным вождением сегодня смотрят и США, и Япония, и Китай, и многие другие.

Итак, при реализации данного сценария будет достигнута цель раздробления восточнославянского мира, превращения его в колониальную или полуколониальную периферию других центров развития и силы. Именно над осуществлением этой цели сейчас и трудятся весьма напряженно все те, кто хочет поживиться, сохранить свои высокие стандарты потребления за счет восточнославянских народов. И как это ни трагично, на примере Украины, да и в некоторой степени и России, видно, что мы и сами помогаем мировым гегемонам в осуществлении этой цели. Нас разделяют, и мы сами разделяемся.

Сценарий 2. Беларусь, Россия, Украина создают свой самодостаточный региональный центр развития и силы. В орбиту их влияния, не исключено, будут вовлечены еще какие-то страны и народы. В этом случае Россия сможет сохранить территориальную целостность, а соответственно и богатства своих недр. И тут надо понять самое главное: недра Западной и Восточной

Сибири, в случае тесного союза восточнославянских народов, станут их общим стратегическим ресурсом. В их освоении, в создании всех необходимых инфраструктур, наряду с русскими принимали активное участие и белорусы и украинцы. Это наше общее достояние. Это наш общий потенциал для дальнейшего стабильного развития без ресурсного голода.

В случае реализации этого сценария перед восточнославянскими странами открываются перспективы длительного и устойчивого развития. Тогда восточнославянскому миру, обладающим богатыми ресурсами, никто не сможет диктовать свои условия. Мы сами тогда сможем определять свой путь, свою стратегию, свою идеологию, т.е. свой перспективный «социальный проект».

В принципе в рамках современного глобализирующегося мира восточнославянские народы должны взаимодействовать и одновременно соблюдать определенную дистанцию как в отношении к протестантско-католическому Западу, так и к мусульманско-буддийскому Востоку, но и не идя при этом на полное отчуждение от них. Современная цивилизация потеряет свое силовое и духовное равновесие, гармонизирующее поле развития, если восточнославянские народы полностью будут ассимилированы Западом или всецело окажутся во власти Востока. Нам никогда не следует забывать, что восточнославянские народы, учитывая общность их исторических путей развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технологические связи, являются естественными союзниками высшей степени. Народы Беларуси, России и Украины, их духовные и политические элиты должны осознавать, что восточнославянская цивилизация, определившая возможность их существования в современных условиях и являющаяся гарантией их суверенного существования в будущем, сама по себе является непреодолимой ценностью.

Вполне, конечно, можно допустить, что Россия в обозримом будущем сможет вновь сгруппировать вокруг себя ряд государств и, тем самым, сформировать региональный самодостаточный центр силы (не будем забывать, что раньше она была одним из двух полюсов мира), стать его основой и ядром. Россия, не смотря на все свои утраты, обладает все еще большой притягательной силой для большого числа стран — бывшие части СССР, Индия, Иран и т. д. Но, прежде всего, она выступает центром притяжения для восточнославянских стран, Россия просто обязана стать лидером движения этих стран к своему новому, независимому от «глобального экономического монстра» историческому бытию.

Однако, для решения этой стратегически важной задачи нужны гигантские усилия интеллектуально-духовного и практического характера.

Восточнославянским мыслителям, в частности, необходимо выдвинуть и обосновать собственную теорию, точнее метатеорию, позволяющую сформировать принципы и направления движения Беларуси, России, Украины в сторону свободной, не занятой и не детерминированной другими странами и народами ниши существования в нынешнем противоречивом и сложном геополитическом пространстве. Их задача состоит в том, чтобы по возможности выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости и, вместе с тем, открывают для восточнославянской цивилизации длительную историческую перспективу. Они также должны

противостоять тем силам и группам лиц в мире, которые в наше время под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового мирового порядка», стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения, направить их развитие в русло «уготованного будущего».

Восточнославянские народы должны иметь право и возможность целенаправленно и действовать сообразно своим историческим традициям, цивилизационным особенностям и интересам. Они, сполна познавшие крайности дилеммы «социализм — капитализм», должны отказаться от бесперспективного эпилонства и приступить к решению действительно трудной творческой задачи — выработке нового проекта будущего, выдвижения великой альтернативной идеи, ориентированной на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Только решение таких грандиозных задач может вдохновить восточнославянские народы.

Как свидетельствует история, возникновение новых цивилизаций всегда развертывалось в сфере духа — в ходе формирования оригинальной системы ценностей и нового видения горизонтов бытия. Подражание не может быть источником вдохновения. Оно никогда не станет основой для формирования самобытной цивилизации. Его результаты всегда будут вторичны и неинтересны другим народам. «Не числом, а умением», силой духа формировались новые цивилизации. Например, никому неизвестное племя, поселившееся на левом заболоченном берегу Тибра, ведущее примитивное сельское хозяйство и по всем другим параметрам отстающее от богатых городов Средиземноморья, через несколько веков превратилось в могучую Римскую империю. Почему? Да потому, что Рим выработал принципиально новую социально-политическую модель развития. В силу той же способности к новаторским решениям слабые арабийские племена, постоянно теснимые соседями, создали грандиозную мир-империю — арабский халифат. Также немногочисленные христианские общины, впервые в истории перенесшие социальную борьбу в духовную сферу, — вызвали к жизни самую влиятельную и многочисленную мировую религию, и т. п. А это означает, что будущее зависит не только от объективно-исторических факторов (численности населения, например), но и от адекватного исторического выбора и к конструктивному проектированию, то есть от субъективного фактора истории. Причем здесь важно иметь в виду одно обстоятельство: будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня. В силу действия механизма «самоорганизующихся» и «самоосуществляющихся» пророчеств оно в не малой степени будет соответствовать тому, к чему мы будем стремиться и за что мы будем бороться. Это происходит потому, что то, что люди узнают об ожидаемом их будущем, воздействует на их дела «здесь и теперь», в сегодняшней жизни. Именно явные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Стало быть, представление о будущем — это уже один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Поэтому мы можем и должны воздействовать на это будущее в желаемом для нас направлении.

**Ольга
АВДЕЕВА-МОКРАК**

ЭТО ЛУКАВОЕ СЛОВО «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Ольга Авдеева-Мокрак — родилась в Кишиневе в семье военнослужащего, жила с родителями в Калининграде, Севастополе, Николаеве, Кронштадте. Окончила «английскую» школу, получила высшее экономическое образование в Кишинёве. В 2007 г. заочно окончила Богословский колледж в Москве, является членом Ассоциации русских писателей Молдовы и членом Совета Русских общин. **Живет в Кишиневе, Молдова.**

«Толерантность» — какое хитрое, лукавое слово, которое так любят использовать современные политики, журналисты и т.д. и т.п. Конечно, есть русские слова «терпимость», «снисходительность», но почему же именно «толерантность» звучит на всех каналах радио и телевидения, со многих трибун? И все нас призывают к этой самой «толерантности»; даже предстоятеля РПЦ Патриарха Алексия II в ПАСЕ после его выступления на осенней сессии Ассамблеи в Страсбурге 2 октября призвали к взаимопочтению и толерантности к представителям сексуальных меньшинств, как сообщила «International Herald Tribune» со ссылкой на «Associated Press».

«Мы призываем Патриарха Алексия II избегать употребления языка, возбуждающего нетерпимость, и уважать, вместо того, чтобы стремиться запрещать, фундаментальные права сексменьшинств» — говорится в петиции, подписанной бывшим вице-премьером Великобритании, главой парламентской делегации в Совете Европы Джоном Прескотт и еще несколькими десятками других делегатов Парламентской Ассамблеи Совета Европы — по сообщению «Интерфакс-религия».

Вот, оказывается, как — «фундаментальные права сексменьшинств».

А что же это за слово «фундаментализм», также постоянно используемое в прессе? Открываем «Словарь иностранных слов для школьников» (Издательство

«Литера», СПб, 2005), который продается в каждом книжном магазине России. Читаем.

«Фундаментализм (от латинского основания) — общественная идеология религиозного течения приверженцев основ, догм (разрядка издательства), требующих возвращения к первоначальным идеям, принципам религии и выступающих против уклонов, ересей и пр.»

Именно от этого слова происходит и прилагательное, значит и понимание «фундаментальных» (основных) прав сексменьшинств мы должны искать в вышеприведенном определении.

Вот только любопытно, в какой из основных монотеистических религий говорится об этих правах, о терпимости к извращениям? Может быть в иудаизме, может в исламе? Вряд ли. Но, как православный человек, определенно могу утверждать, что не в христианстве.

Оказывается, мы должны уважать права тех людей, чье понимание взаимоотношений между полами провозглашает нормой то, что считается в христианстве грехом и развратом.

А кто же будет защищать права наших соотечественников, наших подрастающих детей и внуков, которым настойчиво внушают с экранов телевизоров, с рекламных щитов, с обложек откровенных глянцевого журналов то, что есть норма и что привлекательно, к чему надо стремиться? Часто это именно то, что осуждается не только в христианстве, но и другими монотеистическими религиями.

Кто защитит душу и психику наших детей, которым приходится жить в это непростое время двойных и тройных стандартов?

Но вернемся к лукавому слову «толерантность», так полюбившемуся во всей Европе и постоянно обыгрываемому на всем постсоветском пространстве.

Обратимся еще раз к «Словарю иностранных слов для школьников». Здесь дается несколько определений хитрого слова, причем одно интереснее другого.

«Толерантность (лат. терпение). 1. Терпимость к чужим мнениям, поведению, религии; снисходительность. 2. Способность организма переносить неблагоприятные влияния какого-либо фактора среды. 3. В медицине — полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности организма».

Как занимательно, не правда ли?!

В своем выступлении Алексей II на осенней сессии Ассамблеи в Страсбурге назвал гей-парады «рекламой, которая навязывается людям, очень далеким от этого», и отметил, что Церковь с сочувствием относится к людям, страдающим разными грехами, в т.ч. к гомосексуалам — «грешникам, которых мы любим, ненавидя их грех». После этого владыку РПЦ обвинили в нетолерантности.

Любопытно, что мы, по первому определению толерантности, должны быть терпимы к чужому мнению, поведению и т.д. (видимо, даже если это оскорбляет наши нравственные устои). Ну, надеюсь,

сексменьшинства свой образ жизни не будут называть той религией, к которой мы должны проявлять терпимость. Хотя, впрочем, у каждого свой бог, для них — вседозволенность и отсутствие понятия «зла и добра», «можно» и «нельзя» в сексуальной жизни, в частности, а, возможно, и в целой картине человеческих отношений.

Мы часто слышим, что нарушаются «права человека» в контексте этого вопроса. Почему же об этих правах Запад скромно молчал, когда американцы устанавливали свои права, уничтожая православную Сербию, когда святые храмы, святые места этой многострадальной страны подвергались и подвергаются поруганию до сих пор?!

Странно как-то получается: двойные стандарты в морали, двойные стандарты в политике.

Поговорим о втором определении слова «толерантность», как о «способности организма переносить неблагоприятные влияния какого-либо фактора среды».

Вот, оказывается, как мы должны реагировать на то, что разрушительно действует на воспитание подрастающего поколения, на формирование взглядов молодежи, на то, что растлевают их души.

Наше старшее поколение, а, соответственно, и молодежь должны быть «способны переносить влияние этих неблагоприятных факторов».

Понимаете, мы должны!!!

И ни-ни, никакого возмущения и неприятия.

Мы должны быть — то-ле-рант-ны!

А как же с третьим определением? Здесь еще интереснее.

Напомню, как дано в словаре: «в медицине — полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности организма». Оказывается, в понятии нашей толерантности не должно быть никакой защитной реакции нашего организма, в данном случае нашей совести, нашей души на явление греха, осужденного в Библии — в Ветхом Завете. Ведь именно за этот «содомский» грех и были еще в ветхозаветные времена уничтожены Божьим гневом Содом и Гоморра. Святой огонь выжиг полностью эти города, которые были рассадником нечистоты духовной и плотской, дабы зараза греха не распространялась дальше.

А, как известно, из церковных понятий, грех — именно заразен.

И вот Патриарха укоряют в его «нетолерантности» к этому безобразию и, как оказывается, авторы петиции призывают к взаимному уважению!

Подумать только, православные христиане должны отказаться от учения Святой Церкви, должны с пониманием и сочувствием относиться к богомерзким понятиям, должны отказаться от своих нравственных и духовных убеждений во имя такого модного и удобного слова «толерантность»! Именно это стоит за лукавым словом, которым сейчас играют, как теннисным мячиком, но почему-то всё в одни ворота, постоянно упрекая Россию, ее политических и даже

высших духовных деятелей в отсутствии толерантности по многим вопросам.

Вот какое это лукавое слово!

Надо помнить, что человек — это не просто животное, готовое удовлетворить свои потребности, основные и не основные инстинкты. Человек — это образ Божий на земле, которому доверено совершенствовать себя самого, воспитывать и очищать свою душу.

Как пишет выдающийся сербский богослов и патролог XX века архимандрит Иустин (Попович):

«Человек своим существованием связан с вечностью и с другими мирами, его жизнь начинается здесь, на земле, а продолжается в других, более широких и таинственных мирах и, кто знает, в каких формах и измерениях. А из этого следует высшая мораль, мораль бессмертная и вечная. Мораль, которая актуальна и для других миров. По ней всё, что человек делает, имеет значение для миров и влияет на все существа во всех мирах. Поэтому человек отвечает за всё и вся. Без этого невозможно правильно и праведно решить никакую проблему, личную или общественную, народную или общечеловеческую. Если кто попробует, он погрузится в кровь и хаос, как сегодня уже погрузилось в него европейское человечество, всеми силами напрягаясь без Богочеловека и вопреки Богочеловеку, решить свои проблемы»¹.

Конечно, обычное простое, ясное по смыслу слово «терпимость» сейчас использовать не модно, не актуально, иначе сразу становятся понятны многие двусмысленные предложения, упреки, высказывания.

А за словом «толерантность» очень удобно прятать истинный смысл своих слов на переговорах, в публичных речах и статьях. Так что хочется сказать, все-таки, *не будем толерантны* ко всему, что нам навязывается и предлагается Западом и современными политиками. Будем терпимы к чужому мнению, сострадательны к чужому горю, заблуждениям, но не будем терпимы к грехам, разврату и чуждой нам морали, настойчиво навязываемым со всех рекламных щитов, с суперобложек модных глянцевого журналов, через экраны ТВ всевластными телекомпаниями. Будем любить грешника и ненавидеть его грех!

¹ *Преподобный Иустин (Попович)* «Философские пропасти», Издательство Совет Русской Православной Церкви. М., 2005.

ПОЭЗИЯ

Сербская Голгофа в стихах современных сербских поэтов

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТОВ СЕРБИИ

Знаменательным событием в культурной и общественной жизни нашей страны стал выход в свет двухтомника современной сербской поэзии (в настоящее время готовится 3-й том) в московском издательстве «Рипол классик». В сборник вошли произведения двадцати пяти поэтов — наших современников, переживших распад мощного, сильного, независимого государства Югославия, кровавую братоубийственную войну, спровоцированную Западом, наконец, откровенную агрессию Северного Альянса и его заокеанского партнера, приведшую к установлению «демократического» компрадорского режима и потере Косово. Но сегодняшняя трагедия только продолжение старой. Как и Россия, Сербия пережила свою кровавую драму в середине прошлого столетия: фашистский режим немецких оккупантов и поддерживающих их католиков-хорватов, безжалостно уничтожавших православных сербов. Затем последовал коммунистический террор Тито. Сонм сербских святых пополнился тысячами новомучеников. Почти тотальному уничтожению подверглось священство и монашество, простые миряне. Монастыри обезлюдели, храмы пришли в запустение. И сегодня оголенная Сербия не может оправиться от этих страшных ран:

*Здесь мучеников кровь лилась рекою.
День обернулся черною судьбою.*

*На этом месте, Всемогуций Боже,
Тебя, с детьми и стариками, тоже*

*Облив бензином, обложив дровами,
Огню предали в православном храме*

(Зоран Костиц. «На пепелище церкви в Глине»)

Поэзия — способ выражения народом своих чаяний, видения своего места в мире. Сербский народ через своих поэтов осмысливает историю своего далекого и недавнего прошлого, старается обрести точку опоры, которая бы дала ему возможность выжить и победить. Горечь и острое переживание трагичности бытия достигает апогея в стихах Радована Караджича:

*Ты уже поняла?
Ад прорвался на нашу сторону.
Церберы бродят по улицам,
Прехватывают наши нежные взгляды.*

*И нет особого смысла
Бояться смерти..*

(Радован Караджич. «Ад»)

Но все же как бы ни был страшен и темен этот мир, сербы не впадают в уныние, сгустившаяся ночь не может затмить горний свет:

*...На камень древней славы
Карабкаюсь единственным путем:
Со злом не разминуться нам вдвоем.
Налево извивается гадюка.
Направо пропасть. Прямо — только Бог.*

*...Глаза горят, в которых свет и мука.
И — нет иных тропинок и дорог,
Как только ввысь, в распахнутую даль,
Сопрягнув надежду и печаль.*

(Радован Караджич. «На вершине Дурмитора»)

Сегодня самая болезненная для каждого серба тема — Косово, это Роковое Поле, место, где непостижимо слились воедино горечь, и надежда, свет и крошечный ад. Здесь некогда бился святой князь

Лазарь, который «избрав Царство Небесное, принес себя в жертву на Косово, а с собой и весь сербский народ» (Преп. Иустин Попович)¹

*Это Поле
смерти и Воскресенья,
начало наших начал*

(Драгомир Брайкович. «Огонь в руках». «Косовский букет»)

— восклицает поэт и продолжая свои размышления о необычайном историческом феномене Косовской равнины, называет его «Полею судьбы» и сравнивает с Ноевым ковчегом, куда «все что было у нас погрузили мы». Таким образом судьба Сербии оказывается в понимании поэта в неразрывной связи с Косово:

*Мы обещали ему
И предков, и потомков,
Мы им отмечены.*

Достигнув наивысшей точки национального страдания в момент утраты своей православной колыбели, своей духовной цитадели — Косово, сербы начинают понимать, что у них есть только один путь — вновь обратиться к Богу и на Него возложить все свои надежды и упование. Не простой для сербов, как и для нас, этот путь. Черная выжженная полоса, оставленная коммунистическими режимами, отделившая нас от своего главного источника силы — Православия, только начинает зеленеть новыми всходами:

*Резня подкидывает шанс нам:
вот хлещет молодая кровь,
чтоб укрепился дух и вновь
К нам возвратилась вера в Агнца.*

(Стеван Тонтич. «Агнец»)

Наверно никто столь остро не сопереживает сербским братьям, как мы, русские люди. У нас своя Голгофа. Поэтому боль и слезы Сербии — это наша боль, наши слезы. Столь же остро наши раны чувствует и сербский народ, переживая их как свои собственные. Он не обманулся обликом сегодняшней униженной России, не поспешил устремиться вслед за прочими прежними нашими союзниками в очередь за американскими серебрениками. С глубоким пониманием

¹ «Согласно древнему преданию, Святому князю перед битвой явился Ангел Господень и спросил его, в каком царстве он бы хотел оказаться, земном или Царствии Небесном? Помолвившись, стремящийся к Богу князь ответил: “Если окажусь в царстве земном, оно будет мало для меня, преходяще и сиюминутно, а Царство Небесное во веки вечные”».

и проникновенностью размышляет о горькой судьбе нашего народа
Зоран Костич.

*...превратить их пытались в толпу коровью,
в лишний народ — в рабов зверя,*

*.....
Русский народ научился не быть настолько,
что теперь он поистине непостижим.*

*От остального мира все дальше,
к небесам стал предельно ближе,
его дух изуродован раньше
да только не стал он ниже.*

(Зоран Костич. «Русские»)

Честь и предательство, власть золотого тельца, лихорадка наживы, безудержная жажда удовольствий, охватившие весь мир — одна из тем, волнующая сербских поэтов. Потомки Чичикова сегодня правят бал, самоуверенные в своем бесстыдстве и безнаказанности:

*Что за торговцы и торговки!
И сон и явь — базар на диво!
Не Чичикова ли потомки
Россию продают глумливо?*

*.....
Скупить бы Мертвых душ поболе,
Нужны им тихие скотинки
Трудяги без ума и воли,
Чья колыбель и смерть — на рынке!*

(Зоран Костич. «Русский базар»)

И все же, не смотря ни на что, с надеждой смотрят на нас сербы, стараясь ободрить в нашем падении и в нашей духовной брани, которая по слову апостола Павла не против «крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6: 12). Именно в России сербы находят свет отчей веры, отсюда она озаряет их и становится ближе. Наш особый путь — через скорби и нищету — к небесному отечеству, открывает и особый путь Сербии, с которого она, как и Россия не должна сворачивать:

*Россия,
Мать миллионов, держись,
Не пади на колени -
Ты — наша отчая вера, знай,
Клятве верности мы не изменим.*

*Россия,
Мы тоже в беде большой,
Мы тоже рана сплошная,
Бьемся сами с собой и с сатаной,
Битвы старые вспоминая.*

(Ранко Йовович. «Коло»)

Говоря о России, сербский поэт повторяет, вольно или невольно, известную мысль Достоевского о главной миссии русского народа — хранить свое единственное сокровище, свою единственную бесценную жемчужину, которая превыше всех земных благ. В этом великая и сокровенная тайна России, о которой сегодня напоминают нам наши сербские братья:

*У Бога нету ближе, чем Россия,
А у России только Бог и есть.*

(Зоран Костич. «Россия»)

К сожалению, тираж этого издания небольшой (всего 1500 экз.) и для многих русских людей, любящих и сострадающих братскому православному сербскому народу, книга недоступна. Нынешняя публикация на страницах журнала «Родная Ладога» отдельных произведений из сборника дает возможность услышать голос страдающей Сербии широкому кругу читателей.

Наталья Харламова

Стеван Тонтич

Агнец

Чего он стоит, весь наш мир,
коль Агнец в нем — неискупленный?
Святое слово стало пеной,
смиреньем кормится вампир.

Резня подкидывает шанс нам:
вот хлещет молодая кровь,
чтоб укрепился дух и вновь
к нам возвратилась вера в Агнца.

Перевод А. Базилевского

Любица Милетич

Сербия

Едва ли пространнее смерти,
Не живей своего имени,
Никогда не сидела ты
Сложив руки.

Ты всегда далеко...
Вне выстрелов и голосов.
Вся в осаде и рвах
Средь небес...

Мы тебя возвращали
Очередями с предгорий,
Взбрызнутые шрапнелью
Из крупновых дул...

Мы тебя возвращали
Наступлением мирным
Без предупреждений,
Дом за домом —
Всем прекословя.

Мертвым мы городили
Небесные лестницы
Виселиц,
Чтоб живые вспахали
Новей борозду.

Перевод А. Семёновой

Христос в Кремле

Говорят... язык сам
Качнулся к изъеденной бронзе...
Сперва хрипловат был голос,
Слегка деревянный...

Жещина дернулась —
...Христа ради, звоните...

Другая застыла —
...Спаса ради, молитесь...

В Кремле, подле колокола,
Говорят, Его видели снова...
Хотя долго лежал Он,
Затянутый красным шнуром.

Перевод А. Семёновой

Царь-колокол

Когда Россия поднимет
Царь-колокол
На вершину Кремля,
Облегченно вздохнет
 столетиями страдающая
Русская земля.

Когда из каждого горла
«Отче наш...» вылетит в зенит,
Мир узнает, что Бог Россию,
А Россия Бога хранит.

Когда она вернет свое имя,
Столпника поднимет
 наверх столба вновь,
Все в мире узнают, как огромна
И Его, и ее любовь.

Защищайся, Россия,
 силой православия,
Тот зверь, которому имя «тьма»,
Борется за старое дело...
Рим входит в твои первые дома...

Перевод А. Парпары

Момир Войводич

Бог дал сербам кириллицу

Нету родины у амебы —
У нее ни корней, ни обычаев.
Человек — существо особое.
Пацифисты, вы впали в безличие!

Творец разделил языки и цвета
Между расами нашей планеты:
Чтобы различно звучали слова
Песен, для Бога спетых.

Имя, отчество и фамилия —
Только на вид пустяк.
Чтобы стать частью этого мира,
Каждый носит в себе свой знак.

Каждый из нас Божий знак хранит —
И нации, и лица.
От злой безличности нас оградит
Кириллица, дар Творца.

Перевод Н. Дерябиной

Слободан Ракитич

Земля отцов

По полям, через реки они идут,
где пропасть иль дальняя даль
их встречает,
среди одуванчиков и молочая
сербь идут, и нигде их не ждут.

В воздухе родина их витает,
она на устах. О земля отцов!
Идут в ожерельях из светляков,
в думах, глазах —
всё земля родная.

Горит голубого сиянья кольцо
вокруг головы,
и огонь жжет грудь, —
страшный сербам достался путь.

Во сне, у которого яви лицо,
все мрачнее слова среди ночи
шепчу я,
сердцем бедствия Косова чуя.

Перевод М. Рыжовой

Ранко Йвович

Кровь

В пустоте, что нет безнадежнее,
Из пустого в порожнее переливая
Узнал тебя я, страна родная.

Но Отчизна не опустеет,
Пока кровь наша льется, алеет.
Пока кровь течет —
Нас Бог обогреет.

От нашей крови
Бездной космоса веет.

Пока наша кровь алеет,
Ничто нас не одолеет.

Такая судьба — нет иного пути —
Босиком сквозь ад мы должны пройти.

Перевод М. Рыжовой

Райко Петров-Ного

Возвращение

Усталый солдат возвращается,
чтоб снова весь мир обнять,
на травку глянуть стесняется
и милой цветов нарвать.

По кладбищу дети бродят,
ржавеет пробитый шлем,

как в храм, в эту жизнь он входит
и остается нем.

Перевод А. Базилевского

Зоран Костич

Русский базар

Что за торговцы и торговки!
И сон, и явь — базар на диво!
Не Чичикова ли потомки
Россию продают глумливо?

И голос жирного Бориса:
Русь по дешевке — устарела!
Вот купола, чем не анисы?
Берите оптом — это дело.

А покупатели — убудки —
Скупают Радонеж заветный.
Развязный вид, похабны шутки:
Дивись, Москва, на звон монетный!

Все — в распродажу, от районов
До вековых стольных градов,
С насельниками иль без оных...
Но есть здесь разница для гадов:

Борис с прилавка смотрит, тучен,
И горд, что так упали цены:
Алмазы — словно рис сыпучий!
Но жадны пришлые гиены.

Скупить бы Мертвых душ поболе,
Нужны им тихие скотинки,
Трудяги без ума и воли,
Чья колыбель и смерть — на рынке!

Перевод Ю. Лоцица

Русские

Игорю Шафаревичу

Жизнь из них вытекает с кровью,
артерии уступая вере,
превратить их пытались в толпу
коровью,
в лишний народ — в рабов зверя.

От остального мира все дальше,
к небесам стал предельно ближе,
его дух изуродован раньше,
да только не стал он ниже.

Они плясали отчаянно долго,
перед зверем,
укротителем адским своим.
Русский народ научился
не быть настолько,
что теперь он поистине непостижим.

И в Землю свою святую
вглядываясь нежно и пристально,
отвергает он Кремль одесную,
где мертвый служит нечистому.

Перевод А. Осмоловского

Россия

Рените и Юрию Григорьевым

У Бога нет уютней уголка,
чем рубленые избы
 в клубах пара —
дымящее пятно среди снежка,
и никого нет преданней, чем те,
что возле расписного самовара
молчат у печки на глухой версте.

Бог знает глухомань ее верней
ее самой, забравшейся
 в пустыню, —
Он ведает и брань,
 и нежность в ней
(ах, матушка, Бог пульс сочтет тебе!),

Он знает ее кротость и гордыню,
когда она — во гневе иль в мольбе.

Чту ей прощение, а чту — укор:
когда в грехе клонилась ее выя,
неведом был ей пустоты позор.
Вовек не овладеет ей чужой,
когда она — почти что не Россия
и тучи застилают ее тьмой, —

им не закрыть ее пути к Творцу —
и тайные, и Божьи, и святые
те, что ведут к спасенью и к венцу:
все чуют души; их — не перечесть.
У Бога нету ближе, чем Россия,
а у России только Бог и есть.

Перевод А. Голова

Лазарь

При жизни Князь — и Царь по смерти,
Легенда целого народа,
Граница, где не раз, поверьте,
Сойдутся рабство и свобода —

И все, что Князь в борьбе кровавой
Утратит, как последний воин,
От Бога примет Царь со славой,
Венца средь первых удостоен;

Последний он, чья мысль едина
Родную кровь на смерть послала,
Но первый, чья Душа-Дружина

За Царство и Христа восстала —
Свершить завет креста честного
Для Господа и Сербства снова.

Перевод И. Числова

Джорджо Сладое

Элегия сторонников Информбюро

Признаю я ветер только лишь карпатский,
Из-за гор приходит он с метелью братской.

Снегом наша Родина только тем покрыта,
Что Россия-матушка сеяла сквозь сито.

Даже Солнце Красное, что горит высоко,
Нас согреть является каждый раз с Востока.

Бог — Он тоже Русский, Русским и родился —
Просто на детей Своих снова рассердился,

На оппортунистскую, жалкую планетку,
Гильзу, что заклинила русскую рулетку.

Впрочем, есть надежда, коли понемножку
Русские копают мерзлую картошку.

Сочиняй, что хочешь, только и поныне
Мир плывет на синей русской льдине.

Перевод И. Числова

Милан Ненадич

Ускоцкая песня

Раны мне разбередив однажды,
Предки, грозно смотрят ваши лица.
От божественно-безумной жажды
Вашей мне уже не отрешиться.

В детстве нас немногому учили,
А тоска была такой глубокой:
Я невольно вышел в вашем стиле
И стыдился этого жестоко.

Как вино и хлеб, родны мне звуки,
Что перетекли преданий кромку,

Как сладки, как светлы ваши муки
И к лицу далекому потомку.

Первые слова мои, коль скоро
Вырвались, сияли вашим ликом.
Я певец не града, а разора:
Хрип предсмертный вслед
за вашим криком.

Над могилой встанете моею,
Вместо звезд, что гаснут понемногу.
Сам себя когда преодолею —
Вы ко мне укажете дорогу.

Перевод И. Числова

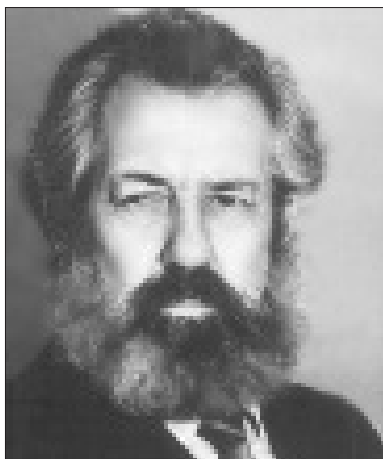
Венок Гавриле Принципу (фрагмент)

XV

Грянет гром неожиданный сумрака иного,
Акrostих отверзет темное оконце:
В землю ухожу я, чтоб подняться снова,
Разумом и сердцем, как подсолнух к солнцу.
И все те же мысли, тот же волос русый,
Легкое движение — к цели вековой,
О, как смерть прекрасна для юнцов безусых:
Первым умираешь — ради жизни вечной.
Разметало время сами наши стопы.
И по смерти даже мы им будем сниться.
Нет у нас почтения к Вене и к Европе.
Царственная Босна, крылья мертвой птицы,
Или эту чашу осушить не лестно?
Пусть разбудит Сербство выстрел твой небесный.

Перевод И. Числова

7. МАЗЕПА

Борис СПОРОВ

ЗА ПЬЯНОЙ РЕКОЙ

повесть

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

До позднего вечера участковый милиционер с дежурным офицером составляли протокол допроса. Это было необходимо для передачи дела следственным органам. И даже выдавшие виды МВДешники удивлялись поведению Никольской. Каждое слово из нее приходилось «выжимать». Когда же она прочитала и подписала протокол допроса, то и решила, что теперь ее отпустят домой, а если она понадобится — вызовут по телефону. Однако в кабинет вошел надзиратель, позвякивая в руках ключами, и сопроводил арестованную в камеру. В двери лягнул замок — и Руся осталась одна. Здесь было даже тихо, но чем-то удушливо воняло. Откуда ей было знать, что камера насквозь прокурена и проспиртована.

Руся села на затертый грязью топчан и обхватила руками голову — не хотелось ни плакать, ни жить. «Почему он так опоздал, почему пришел на час позже?» — это, как наваждение, был единственный вопрос, на который она хотела бы получить ответ, ясный и однозначный.

Надзиратель принес кружку воды и иголку с ниткой.

— Пришей подол, хоть через край пристегни... да пошевелись — иголку не задерживай.

Над дверью в решетке горела электрическая лампочка — света выпадало очень мало. Да он и не нужен был здесь, свет. За дверью, в коридоре, уже не раз раздавались пьяные голоса. И Руся уныло представляла, что на второй топчан сейчас и приведут какого-нибудь алкоголика... Как сковало ее на Арбате, так и оставалась она скованной. Хотелось только

молчать и чтобы никто не лез с расспросами. Но пока Руся не верила, что она убила человека — пугают или ошибаются, жив Крендель.

«Бабушка, а как же без меня бабушка?! А ведь она предупреждала, она предвидела — и предупреждала... Надо же позвонить маме, чтобы она позаботилась о бабушке!» — и Руся, взметнувшись, дробно начала стучать кулаками по обитой железом двери.

— Ну что ты долбишь как этот, дятел? — заглядывая через кормушку в камеру, спросил надзиратель. — Телефон... позвонить домой... сообщить. Завтра придет начальник: разрешит — позвонишь, не разрешит — не позвонишь. А сейчас не долби, — и резко захлопнул кормушку.

В камере становилось зябко, а может быть нервы оживали. Постепенно она возвращалась в себя — и страхом до боли сжимало ей голову. В полночь Руся опустила на колени лицом к окошечку с решеткой и пожалуй в отчаянии прошептала:

— Неужели и он с ними?.. Будет ли нам прощенье? Господи, или это на погибель мне... И дома скажут, и в институте, и соседи станут говорить: она убила человека. Не по силам мне такое... Почему я сразу не ушла, не оттолкнула паршивца и не ушла...

Какой-то заведомый набор слов тянулся, но в молитву так и не складывался: слова без покаяния, молитва без молитвы.

Утром надзиратель докладывал, что Никольская вела себя спокойно — до утра стояла на коленях, а утром, похоже, уснула.

А Руся действительно уснула, и ей даже приснился сон. Нет, не Ангел явился во сне, а он, Феликс, с перевоплощением. Весь обтянутый черной кожей с поблескивающими замками был он красив и статен; скептически усмехался, прохаживался по незнакомой комнате и что-то многозначительное все говорил, говорил; когда же останавливался и поучительно вскидывал перед собой указательный палец, Руся слышала его и понимала.

«Ты заблудилась, — всякий раз повторял он, — ты приняла мертвую плоть за живую — и заблудилась. Можешь ты мне сказать, почему Он вознесся в преображенном теле, а брэнного тела в гробу не осталось? Это ложь — брэнное тело должно сгнить. Ты заблудилась...» — Вот эти слова она и смогла расслышать и запомнить — все остальное заключалось в немой многозначительности.

Когда же в очередной раз он вознес поучительно руку — рука оказалась бабушкина, и вместо Феликса бабушка сказала то же: «Ты заблудилась». — И все-таки Руся спросила: «Когда же я заблудилась, бабушка?» — Бабушка смотрела и молчала. Однако Руся по лицу ее прочла ответ: «Должна сама понять...»

Надзиратель громыхнул ключами в дверь, оповещая, что время сна истекло. И очнулась Руся со словами: «Ты заблудилась».

* * *

Уже до обеда ее сдали в Бутырскую тюрьму. Как вещественное доказательство в следственный отдел было передано и оружие преступления — бутылка французского кагора и нож Кренделя.

В глухой комнате с металлическим столом и бетонным полом две женщины-надзирательницы приказали раздеться до полного обнажения. С унижительными замечаниями и дурацкими шуточками они произвели осмотр тела с заглядыванием всюду, записали особые приметы; затем сняли отпечатки пальцев; прощупали платье и обувь. Осматривая юбку надзирательница усмехнулась:

— Что, юбку новую порвали и подбили правый глаз?

Руся покорно кивнула в ответ.

— За это и грохнула?

И вновь кивнула.

— Да ты крутая баба! — надзирательницы судорожно засмеялись. — Смотри, там не изнасиловали, так здесь, в камере, осрамят...

Руся слушала, и ей было легче оттого, что она молчит... Разводящий надзиратель, пока вел по коридорам и лестницам, наверно искренне поучал:

— Ты смотри, душа, камеры битком — каких там только нет! Что надумают, то и сделают. Ты не спорь, молчи. А начнут что там, спроси: по какой статье сидишь? Они все там дешевки — ты и назови свою статью, и делай, что надо...

Когда разводящий с коридорным открыли камеру, Руся вся сжалась и как будто от боли закрыла глаза: так вот она какая, общая камера...

Завеса дыма — накурено. Нары в два этажа, между нарами проход к окну за решеткой. Кто-то сидел, подобрав под себя ноги, кто-то лежал, и в проходе стояли женщины, тупо уставившись на дверь. Показалось так: все в брюках и бюстгалтерах, и все, как в подземелье, курят.

Дверь за спиной лязгнула — и Руся осталась одна на пороге в ад. Она так и подумала: «Да ведь это ад!» И одна из обитательниц ада каркаяще засмеялась и крикнула осипшим голосом:

— Серега, бабу в юбке привели!

И нары утробно заурчали и зашевелились. Из дальнего угла выбралось плоскогрудое в мужской майке поджарое существо неопределенного пола, стриженное под машинку, с тупым выражением лица. Руся так и стояла возле двери, внешне спокойная и безразличная, и соображала: «Да здесь и дышать нечем». И скользили и ускользали безостановочно нелепые соображения — и ничего определенного, и ни одной практической мысли.

Серега подошла почти вплотную и спросила, тоже осипши от курева:

— Ты чо? Молчишь чо?... Прописываться будем?

Руся хмыкнула и ответила наугад, что на язык пришло:

— У меня постоянная... прописка. А ты что здесь — кума?

И вот эта «кума» смутила Серегу. Надо было хоть с места стронуться, и Руся шагнула навстречу Сереге.

— Ты чо, буром?... Какая ходка?

— Статья какая? — дрогнув от непонимания языка, спросила Руся; и, слыша в ответ ничего не говорящий ей номер статьи, усмехнулась, назвала свою статью, рукой отстранила Серегу с дороги, прошла к нарам, сдвинула чьи-то ноги и села, вдруг пережив такую слабость, что невольно подумала: «Сейчас упаду». И ее действительно повело — она стукнулась головой об нары.

— Уже и легла, — просипел Серега.

Казалось, лишь на мгновение забылась. Очнулась — ей брызгали в лицо водой. Села. Вытерла полотенцем лицо... И в это же время дверь в камеру открылась, и надзиратель приглушенно выкрикнул ее фамилию:

— Никольская!..

— Слушаю, — с трудом ответила Руся.

— Это я тебя слушаю! На выход!

— Отлежусь — тогда на выход...

Камера как будто пришипилась: а что же дальше? Надзиратель, злобствуя, стукнул дверью.

— А сейчас дернут в карцер, — гоготнув, оповестила Серега. Русе было безразлично, что происходило с ней и вокруг. Голова не держалась, тошнило — плохи дела. «Вот и все», — только и успела подумать — лишилась сознания.

Очнулась на раскладушке в больничном изоляторе.

— Вот и Мазепа очнулась. Долго спишь, Мазепа...

И еще какой-то момент Руся не помнила, что с ней вообще произошло — но только момент. Уже тотчас и память проснулась. И тяжестью беды передало горло — и она заплакала с горечью, с отчаяньем.

— Ты не плачь, — тихо сказала женщина средних лет с кровати. — Я и сама вот так все плакала да плакала, а потом и решила отравиться: отравиться как следует не отравилась, а ноги вот отняло, как мертвые... Не плачь, не то от жизни отворотит.

Но Руся плакала и плакала, и не пыталась успокоиться — только теперь она возвратилась в себя и ясно представила свое положение и свою дальнейшую жизнь...

— А почему Мазепа? — все еще устало всхлипывая, спросила она.

— Да ты это все в беспамятстве вскрикивала: Мазепа, Мазепа! — пояснила соседка. Тогда Руся и не подозревала, что после трех больничных дней она возвратится в камеру с готовой кликухой — Мазепа... Наверно судьба увела в больничный изолятор — раз и на всегда выплакаться и охладеть.

— Мазепа! — взрывом голосов встретила ее камера.

* * *

Дело считалось простым. Виновный налицо, потерпевшего нет в живых: опросить свидетелей, провести очные ставки — и готовь обвинительное заключение. Так что, поразмыслив, начальник следственного отдела поручил вести дело молодому следователю. Он хотя и без опыта, но исполнительный и пунктуальный — такой здесь и нужен.

— Вы, гражданка Никольская, не смотрите на меня как на злодея. Я всего лишь следователь по вашему делу. Совершенно противозаконное действие: вот нам с вами и необходимо установить, что к чему и при каких обстоятельствах. В ваших интересах, чтобы на суде рассматривалось подлинное содержание дела... Фамилия моя Талантов, Игорь Алексеевич, но обращаться ко мне следует — гражданин следователь. Формальность? Да. Но будем соблюдать эту формальность. — Это было вступление в его первое самостоятельное расследование. Далее пошли, казалось бы, пустые вопросы и ответы: до мелочей анкетные данные — кто, где, откуда, почему?... Когда же следователь внимательно осмотрел на Русе юбку, то принял тотчас однозначное решение:

— Это даже очень показательно... Поступим так: вы напишите сейчас же записку домой с просьбой, чтобы вам принесли другое платье или брюки, что вам удобнее, а это сдадите для следствия и суда...

Так и говорили до обеда, а потом и после обеда — и все это Талантов записывал подробно и точно, а в конце дня предложил:

— Прочтите. Если что-то не точно — изменим, поправим, и на каждой странице внизу распишитесь. Тоже по-своему формальность, но что делать...

Единственное, на чем в первый же день не сошлись:

— Вы были в интимной связи с Трояновичем? Если да, то с какого времени? — спросил он и как будто капризно выпятил губы.

— Простите, но это к делу не относится, это уже личное дело, во всяком случае, не ваше дело.

— К делу это относится, — с улыбкой настоял следователь, — а не отвечать на вопрос вы можете. Я так и запишу: на вопрос отвечать отказалась.

Руся без тяготы ходила на допросы — это даже отвлекало от камерного ада. Хотя и в камере были свои установки и формальности, с которыми надо было считаться — и это она скоро поняла.

Уже через неделю Руся переделалась в брюки — и оказалось, это не так и плохо: выперло животик — не беда, зато не заглядывая на подол, когда лезешь на верхние нары. Ляжешь — и опять удобно, ноги хоть в потолок упирай. Да что там — недооценивала!

— Я говорила: привыкнешь. Сначала и все-то не так, а потом привыкнешь, — Серега усмехнулась и похлопала Мазепу по животу.

И это не оскорбило Русю, она тоже усмехнулась:

— А мой «слесарь» все допытывается, а что я думала во время удара, а как сделала взмах?.. Я говорю, не помню, да и какая разница. А он свое...

— Давит? — Серега прикурила сигарету, затянулась И тотчас ладонь на желудок. — Вот курва — язвит...

— Нет, не давит, он на все соглашается.

— Значит, мягко стелет — дознаётся чего-то... Тута, Мазепа, при любой масти делай отвал: не знаю, не помню. Как вроде и ничего не делала, а он — готов, копыта отбросил...

— Ты что, скажет, помешалась, девка?! Хотя и на самом деле... помутило.

— Вали, Мазепа, на аффект, аффект учитывать должны, если в аффекте, то и ответ другой. Срок-то все равно намотают, да только разница есть — пятнадцать или восемь. А на аффект может и обломиться. — Серега с явным наслаждением повторяла это не совсем понятное ей слово: аффект.

Руся, прикрыв глаза, печально покачивала головой. Она с удивлением поняла, что даже завидует Сереге — ее каким-то мужским свойствам, что позволяет ей и рассуждать иначе, по-мужски, а при необходимости и постоять за себя. И эта плоская грудь, и серое прокуренное лицо, и цветные татуировки на руках и даже серьга именно в одном ухе, и такая послушная сигарета представлялись достоинством, а не результатом порока. И Руся невольно потянулась за сигаретой...

Недели через две она уже во всю курила, правда, и тогда не чувствовала себя защищенной.

А однажды во время допроса Талантов неожиданно спросил:

— А вы в Бога верите? И прежде чем ответить, Руся задумалась.

— Что, забыли?

— Н-нет, не забыла... До случившегося со мной я считала себя верующей.

— Я так и думал... Но как увязать одно с другим? Почему это могло случиться?.. Вы могли бы ответить на вопросы?

Руся сосредоточенно нахмурилась.

— Нет, я не смогу ответить... Я не думаю об этом. — Но здесь уж она явно лукавила.

— А надо бы... хотя бы самой в себе разобраться. Иначе как и жить...

Привыкшая молиться в одиночестве, в тишине, или в храме, она и теперь как будто выжидала этих условий, но даже перед едой в камере не крестила лба.

Она усомнилась... И вот теперь об этом ей напомнил следователь, Игорь Талантов, на год моложе ее, наверно и вовсе человек неверующий.

Она усомнилась... Может быть в тот момент, когда свершалось преступление, или раньше — на Петра и Павла; а может быть дважды усомнилась, когда сознательно поразмыслила: «Это что же — я убийца, что ли? Это почему же Господь попустил такое? Или я грешница непробудная, или же я Ему не нужна? Или Его и вовсе нет, если такое совершается!» — И все — она спокойно начала тонуть.

Она усомнилась — и перестала молиться в сердце своем. И опять же сознательно удивилась: жизнь ее не стала иной. Следовательно, можно жить без Него, как и живет большинство... Руся даже не запомнила, когда она подумала так, но запомнила, что напугалась думы своей. Именно после испуга она и затаилась, обманывая себя, впрочем, всему находя и оправдание... Крестик что — крестики у половины камеры, а ни веры, ни молитвы нет. Вот и у нее не стало молитвы — ушла молитва.

Она усомнилась. Следователь и напомнил об этом. Было о чем подумать. Но и думать Руся не могла, могла лишь течь в общем потоке — и никакой путаницы, никаких обманов; только завязалась ложь и вошла эта ложь в сердце, а вот когда, где? — попробуй разберись, где начало?.. Неужели Феликс? Нет, наверно до Феликса...

Диалоги, диалоги...

— А что, Мазепа, жила ты спокойно...

— Что значит — спокойно?

— У каждого свое спокойствие. И у тебя свое: все доступно, все понятно, все правильно, и ты сама по себе — и тебе никто, и ты никому. Вот и спокойствие.

— Если подумать, то можно и согласиться... А что, дома я жила. Все было понятно и доступно: учеба, работа, служба в храме и молитва дома. И все это и составляло мой личный мир. Моя личная жизнь, мой личный Бог — и никакого мне дела до отстраненного от меня мира.

— Не правда ли, вера — дело личное?.. А если личное, то и волен человек — быть или не быть.

— Если это понимать как некоторую самоизоляцию — тогда так. Сказано же: спасись сам... Да и можно ли в нашем Вавилоне выстраивать массовые взаимосвязи.

— О том и речь! Вынужденная самоизоляция. Но не есть ли такая самоизоляция — идеал земного бытия! У каждого свой космос, свой порядок, у каждого свой личный Бог. Сам по себе и сам в себе — это и есть достойная человека жизнь.

— Так, возможно, оно и было... Только какой же это идеал, если Серега в то же время становится Коблом, а Ксения Жучкой? У них что, личного Бога нет?.. Если есть, то это — Бог зла?

— Действительно! Bravo! Зло, страдания целого народа, распад и вырождение — и круговая ненависть, нетерпимость друг друга. И это при наличии Бога?! А если это фикция, выдумка?.. А вот так: ничего и нет, одни тютельки-матютельки. Что-то, может быть, и есть! А Его нет, нету — и все.

— Путаница. Если Его нет, откуда явился бы Спаситель?

— Как откуда? Мария родила — и совершенствовался.

— Значит так: где зло — там нет и Бога. Но мир-то весь во зле — как же быть?.. И у меня нет Бога?

* * *

— Ну, Мазепа, я тебе такую марочку нарисую, в Третьяковке не найдешь. В два цвета, в подковырочку, одной иголочкой тоненькой — ювелирная!.. И вот сюда ее, марочку, на белое крылышко... да все овцы задохнутся от зависти! Я тебе такую марочку... — и Серега ладонями оглаживала и оглаживала плечо Руси, и глаза Сереги фосфорически поблескивали.

А Руся сидела окаменелая — и ни понимать, ни знать ничего не хотела: все равно какая марочка ляжет на ее белое крыло. И это ложь — и все ложь... Где зло, там нет Бога.

— Ты затянись, Мазепа, с Госпланом затянись, и кайф поймашь, и ложись на бочок и не вертухайся, а я тебя клеить буду, — так и сипела над ухом Серега.

* * *

— Кто ты, что позволяешь себе так обо всем судить?

— Я что — меня все знают. А вот ты кто, что продолжаешь трепыхаться? Курица в когтях орла! Ты моя — дочь Каина.

— Нет, я не хотела! Я перед Господом покаюсь — и Он простит меня.

— Но это смертный грех, и все грехи Кренделя на тебе! Теперь ты уже не отмоешься — кровью повязаны. Ты только мне теперь и нужна...

* * *

— Нет, не хочу! — отчаянно закричала Руся, и тотчас получила кулаком в лоб.

— Ты что хайло разинула — или в кандей хо-хо! — просипела Серега. — Курни, дура, и кайфуй... На полчаса работы осталось, — и Серега продолжала ловко орудовать иглой на плече Мазепы.

* * *

— Вот так и будешь получать в лобешник — тоже крутая! Угрохала хорошего человека — и прощения захотела.

— Разбойник и на кресте спасся, а он наверно много крови пролил...

— Или и тебе на крест захотелось? Да ты уже на кресте болтаешься — еще-то тебе чего?!. Тоже ведь в праведники! Сереги бедные по тюрьмам мыкают, а вам до них и дела нет: угрелись под крестом, а ну-те-ка вот — и на крест!

— А если я перекрещусь и тебя осеню... Ах, рученька моя отпала, крыло мое белое онемело...

И Руся заплакала.

* * *

— И что ты нюнишь. Радуйся! Какого я тебе красноглазого Рогатика наварила. М-мм, вот это марочка! — и Серега расписалась нахальным матом. А Русю и это не покорило. Она улыбнулась, повернулась на спину и уже через минуту, как никогда до этого, захрапела.

* * *

— Вот и держи... Надо жить на земле, а на земле вот так и живут. Ты знаешь, что творится вокруг — заложники, убийства, взрывы, аварии, стихия, войны, грабежи — и это естественная жизнь: таков мир, таков человек. Борьба за существование была, есть и будет. И кроме меня никто не защитит...

— Это ты создал мне аффект и поднял мою руку на Кренделя?

— Ну, не прямо я и даже не косвенно, однако, тем не менее, не может не быть... От меня прямо ничего не исходит, но мои желания и консультации способствуют развитию материальных субстанций, так что мы с тобой, как рыбка с водой: рыбка любит где глубже, человек — где лучше, а я всюду, где ждут и не ждут... Я видоизменяюсь, но остаюсь вечно.

— Как же зовут тебя? Вечный жид?

— И так зовут. Кто как захочет. Зови меня... потому что я всё вижу в красном цвете.

— Уж не ты ли на моём крыле?

— Это, ну, предпочтительно и даже уместно...

— Старо как мир.

— Старо, старо. Только я и не пытаюсь обновлять. А говорю я о том, что тебя волнует, моя красноглазка. Если бы не я, тебя давно бы уже в камере замызгали. А ведь живешь — и ничего, и даже с Серегой корешишь. Так и дыши. Лови кайф. Для того государство и взяло кайфооборот в свои демократические руки. Пусть люди живут и радуются... А сама ты как думаешь?

— Никак. О чем думать? Не о чем. Мельком вот подумала: как бы твои красные глазки сделать черными — у змей-то ведь черные.

— Ма-ла-дец, Мара. Только смотри — не переборщи.

— А мне все равно.

— Bravo! Вот это и есть начало новой жизни: *все равно*. Так и держи — получится.

И Русе стало легче. Даже не легче, а проще. Она махнула на все рукой: будь что будет и пропади все пропадом.

— Что ж, подумайте, — сказал Талантов. — Мы записали, что вы договорились с Трояновичем: после встречи на Арбате вы пойдете в ЗАГС подавать заявления на предмет регистрации брака, после чего поедете на дачу. Я хочу получить от вас уточнение: в какое отделение ЗАГСа вы намеревались идти и каковы часы работы этого отделения? Это вы должны бы знать. Вспомните, подумайте... А я пока звоночек сделаю, да перепишу страничку, уж очень грязно у нас с вами получилось, — спокойно говорил Талантов, между тем наблюдая за подследственной, лишний раз убеждаясь, что на вопрос она не ответит, потому что не знает этого. Переписывая «грязную страницу», он неожиданно сделал выпад: — А на какое время была назначена встреча?

— На три часа. Я уже говорила.

— Вы точно это запомнили?

— Да.

— И оговорки были?

— Сначала хотели встретиться в два, но он сказал, что не управится на работе и что ему понадобится время привести себя в порядок.

— А где Троянович работает?

— Я уже говорила: в японской фирме «Панасоник», занимается компьютерами.

— А как вы расцениваете его опоздание на встречу?

— Это зависит от того, были причины или нет.

— А если не было?

— Тогда это свинство.

— Могу я так записать?

— Записывайте...

Следователь остался доволен и вызвал свидетеля Трояновича. Феликс вошел с виноватой улыбкой, так что можно было подумать: сейчас и упадет на колени — так и стукнется: прости. Но нет. Он остановился, вздернул подбородок, трагически закрыл глаза и тихо обронил:

— Ру-ся...

Даже следователь вздрогнул от неожиданности. Лицо Руси покрылось розовыми пятнами, и она напряглась от осознания Феликса. Хотелось прошептать: «Люблю», — и заплакать.

Следователь указал Феликсу на стул и предупредил:

— Здесь не свиданка, а очная ставка. Никаких разговоров друг с другом, — а про себя подумал: «А ведь он артист...».

«Мара подурнела, хотя и никогда не была красавицей, — в то же время думал Феликс. — А этот партикулярный Шерлок, хотя и без опыта, но шустрячок — свой парень. Ему можно диктовать».

У Руси голова кружилась от чувств — она ни о чем не могла думать. Ей было стыдно, что она толком даже не причесана, что на ней мужские штаны — и вот в таком виде она вынуждена пребывать в кругу элегантных мужчин. Она уголовница, преступница, и для нее суд неизбежен — Руса клонила и клонила голову, и слезы сами катились из ее глаз...

Очная ставка по сути дела была формальной — изменить ход следствия она не могла. Да и единственная несогласованность в показаниях — вре-

меня встречи. Вот эта несогласованность и смутила следователя. А если это умышленная ложь — зачем? Проще было бы сказать: задержался... А вот умышленное опоздание могло бы обогатить содержание и кое-что прояснить: все эти арбатцы и Троянович односложно показывают — знакомы лишь «визуально», по Арбату. Но не могут же трое говорить: «визуально», — без связи между собой. И еще: где-то плавает Марик Крохобор. Если это их прямой пристяжной, то все они и Троянович из одной бригады благодетелей, одаривающих москвичей отбракованной бытовой техникой... А если так, то хоть новое дело заводи.

А пока вопросы-ответы; шуточки, глубокомысленные взгляды и вздохи; полная незащищенность Никольской — она и не пытается защищаться; и непробиваемая бронированность Трояновича... И так естественно и даже добродушно:

— И опять формальность: скажите, Троянович, в какой ЗАГС вы с Никольской намеревались в тот день идти?

— В наш, в районный...

— И вы, понятно, заранее справки навели: какие документальные формальности, когда, в какое время — не так ли?

Феликс и руку вскинул:

— А как же иначе!

«Мы цивилизованные люди! — прочитывалось в его лице и жесте. — Не сомневаюсь, и ты так поступил бы».

— Формальности. Иначе и быть не могло... Все было бы хорошо, если бы не эта трагическая случайность. И затем напрямик на дачу?

— Надеялись.

Талантов сочувственно улыбнулся:

— Надежда умирает последней.

— К сожалению, но и она умирает...

И Руся вдруг уловила игру то ли следователя, то ли взаимную.

Она вскинула настороженный взгляд, готовая вмешаться в разговор.

— Вопрос Никольской, — опередил следователь: — В какое время вы должны были встретиться?

— Я уже дважды говорила: в три часа.

Феликс с пониманием улыбнулся:

— Мара... мы договаривались на четыре.

— Отвечайте на вопросы, а не на собственные эмоции... Троянович, что вы можете дополнить по вопросу о времени?

— А что тут дополнять? Могла она ошибиться, мог и я ошибиться. Значит, время — понятие относительное. Но я определялся на четыре часа.

— Вопрос Никольской: в какое время появилась так называемая компания Кренделя?

— В первые десять минут после трех.

— Вопрос Трояновичу: вы пришли, когда преступление уже был совершено — в какое время?

— Я не приучен постоянно заглядывать на часы, — раздраженно ответил Феликс.

— Вы шли к 16-00, чтобы тотчас идти в ЗАГС?

— Да.

— А заявления у вас уже были написаны?

- Нет.
- Вы подошли к 16-00 и поздоровались с друзьями пострадавшего?
- Да. — Феликс отвечал отрывисто и односложно.
- И вы надеялись управиться?
- Да.
- Но вы без семи минут четыре подошли к Никольской, а районный ЗАГС принимает заявления до шестнадцати часов.
- «Ну, блин, подловил, — молча огрызнулся Феликс, — только выкуси!» — Он уже определился, но тем не менее пауза затянулась — слишком замешкался, чтобы выскользнуть.
- Я не знал режима работы этой конторы.
- Но вы дважды показывали, что все справки были наведены.
- Сболтнул... Не хотелось признаваться в невнимательности.
- А встреча все-таки была назначена на три?
- М-мм, не знаю. Нет, на четыре...

* * *

Очная ставка с Феликсом не прошла бесследно. И когда на очередном допросе Талантов разбросил на столе десяток фотографий и предложил:

— Скажите, Никольская, а так называемый Марк Крохобор в этой компании присутствует?

Руся и со стула взметнулась:

— А какая разница, гражданин следователь! Это же не детектив! Что это изменит в моей судьбе — здесь он или нет?! Да и вам зачем он? Мне срок и с Крохобором, и без Крохобора — все равно наматывают.

— Что значит — наматывают? Слово-то какое...

— Какое, начальник?! Камерное — только не в смысле музыкальном, а в смысле матюгальном! Да я за эти полтора месяца всему уже обучилась. Здесь ведь не изоляция, а школа падения! И вы это прекрасно знаете, гражданин...

Талантов растерялся, но скоро взял себя в руки и даже обычную интонацию голоса не нарушил:

— Я повторяю, гражданка Никольская, здесь вам никто ничего наматывать не будет. Мы с вами должны прояснить то, что произошло на Арбате. А уж «наматывать» или не «наматывать» — решит независимая от нас судебная власть или инстанция.

— Да вот он, Швондер...

* * *

И на очных ставках с арбатцами Мазепа дала волю своему гневу... Все они утверждали, что и знать ничего не знают: Крендель из машины увидел свою женщину и попросил минутку подождать, вот и ждали... А тут еще подошел Троянович и заявил, что это его женщина. К этому и сводились их свидетельства. Руся обличала:

— Почему же ваш Крендель начал с вопроса, кого а жду — не Феликса ли?.. И почему он кричал: «Это она, она увела Феликса, нашего товарища, Коня!» Какая тут «визуальность»?

— Игорь Алексеевич, я не буду отвечать на эти вопросы, потому что они выдуманы.

— Так зачем же, гражданин Швондер, ты советовал Кренделю облить меня бензином и поджечь, а ножом велел обрезать моду, то есть подол?!

— И что за хамство. Во-первых, что это за Швендер?

— Простите! — нервно воскликнула Руся. — Швондер-Крохобор!

— Какой Швондер, какой Крохобор? Она сумасшедшая — ее сначала вылечить надо, а потом судить.

— Да тебя, подлеца, первого надо судить!.. Но тут уж вмешался следователь:

— Не устраивайте перепалку. Так мы и следствие не закончим. Будете объясняться при прокуроре, — и пригласил на очную ставку третейского.

Порядок был восстановлен...

А на другой очной ставке произошло дополнительное узнавание: когда свидетелю понадобилось прочесть и подписать показания и он надел очки, Руся воскликнула:

— Да это же авантюрист по части кухонной техники! И в фонд Пушкинского дома ребенка ему я отдала зарплату — тысячу и пятьсот рублей!..

— Не знаю, о чем вы говорите, — свидетель пожал плечами и углубился в чтение.

«Матерый кадр!» — оценил Талантов.

* * *

А время шло. За решеткой была уже московская осень, липкая и вонючая. Зато похолодало. И в камере стало легче дышать, хотя по-прежнему курили и днем и ночью. Минуло и всего-то два месяца, а воспринималось — вечность. За это время и камера обновилась, и только Серега была усидчивой — уже год под следствием, хотя дело плевое: с наркотой повязали. Серега и диктовала камерную жизнь. Руся давно уже привыкла к «прописке» вновь пребывающих — и смешно, и горько: жертву ставили «раком», выбирали башмак пошире или поувесистее — и по очереди всей камерой «прописывали» по заду. И тут уж не отвертишься — затюкают. Руся обычно не участвовала в «прописке», и Серега прощала ей такие вольности, однажды мрачно пошутив: «Мазепе и доверять нельзя — возьмет и угрожает».

На четвертый день третьего месяца Талантов объявил, что следствие окончено, и на следующий день вызвал для ознакомления с делом. Двести тридцать четыре рукописных страницы. Два дня читала Руся свою печальную историю и в итоге обнаружила в деле кое-что в новизне для себя.

Следователь не делал предположений — это он предложит сделать суду. Однако из дела естественно вытекало, что Феликс не только причастен к этой компании, но неизменный их сотоварищ. Новостью оказалось и то, что арбатцы никто нигде не работают, в их числе и арбатец Феликс — никто... Откуда же деньги в рублях и долларах? Понятно, занимались прибыльным авантюризмом, что и за грех не считали, хотя ни один из них открыто не признался в этом... Выяснилось и то, что никто, кроме Крохобора, не имеет законченного образования... Но главное — и об этом Руся подумать боялась! — можно было легко предположить: опоздание Феликса на час было

умышленным, а выходка Кренделя — потешка арбатцев. Понятно, в деле не было ничего нового. Свои показания Руся помнила, показания свидетелей — о том же. Но чем внимательнее она вчитывалась, тем очевиднее определялось и ее преступление. Нравственное преступление. И складывалось оно на первый взгляд из мелочей: пошла, согласилась, не подумала, выпила винца, закурила, не исповедалась, утаила, ушла и т.д. А теперь и стало очевидно: прерви она эту цепочку хотя бы в одном месте — и преступление могло бы не состояться. Но в таком случае надо было преодолевать Феликса или отказываться от него. А она и не пыталась и не хотела этого делать — она любила его. Переживая прошлое, еще живое и трепетное, она ясно увидела, что преступление зрело не один день. И Крендель — это лишь завершение, финал. Не это, так случилось бы что-то другое, не менее трагичное. Руся понимала, что и обвинять кого-то в своем преступлении нелепо, если сама во всем и виновата. Но если в душе или в сердце своем она осознавала, что во всем этом деле правых нет — только виноватые, и обвинять некого, то разум ее с каждым днем ожесточался, и становилось ей торжественно, когда она в уме своем начинала мстить и вершить возмездие — всем, от Кренделя до Талантова. И какие суды она учиняла, какие выносила приговоры! Сама содрогалась порой от жестокости. Зато и восторг охватывал — и легче становилось переносить тюремный ад.

* * *

Дело было прочитано, подписано. Но уже на уровне начальника отдела выяснилось, что молодой следователь допустил самую школьную оплошку: не было судебно-медицинской экспертизы. Так что лишь неделю спустя Талантов засел за составление обвинительного заключения — реферата на трех страницах.

— Пятнашку не дадут, половину, ну, не больше десятки, — определила Серега. А для Руси было все равно — десять, пятнадцать, преднамеренное, непреднамеренное, в состоянии аффекта или в полном сознании. Она убила — и ее будут судить. И ни жалости к себе, ни раскаяния — ничего, кроме животной тоски не понятно по чему.

Дело передали в суд. Адвоката Руся не нанимала. Зачем? Назначат от коллегии. Оставалось ждать.

Диалоги, диалоги...

— Вот, бабушка моя, матушка Серафима, вот и меня Господь наказал за малодушие и отступничество.

— Что значит — наказал?! За какое это малодушие и отступничество?.. Господь не наказывает, Господь вразумляет. Ты что, от Христа отступила?.. Тогда и говорить не о чем. Смалодушничала в чем-то. Да уж, наверно, иначе такую трескотуху не понесла бы. За отступничество! И язык поворачивается... овца круторебрая.

— Я ведь, бабушка, совсем не молюсь. Начну читать «Отче наш», а в душе темно и холодно, а в голове кипятка узел: «Какой Отче, если попустил преступление! Или я умалишенная, или Бога нет — не может Бог подвигнуть на убийство! А если сатана смутил, так где же Бог, где Ангел мой Хранитель...

— Ну, Руся, никак и на самом деле бес тебя попутал — несешь ты око-
лесицу. В такой-то горячке тебе не объяснить, и сама не разберешься.

— А что разбираться — человека убила... Знаю я, что ты мне на это
скажешь, только ведь и ты уже свой разум изжила — не войдешь в мою
нужду, в своей останешься.

— Дерзкая ты, однако... видать, в Никольских и уродилась. На рожон-
то не лезь, себя и порушишь. Изжила я разум или нет — не тебе судить, на
то Бог да священник.. И еще раз повторяю: Господь Бог — не палач, Он не
наказывает, а вразумляет. Да и откуда тебе знать, может завтра твой Крен-
дель десятерых порешил бы. И тебе наука — задумайся: камо грядеши...
Исправь путь свой и дела свои. А когда исправишь, — все на круги своя
возвратится. Земля смертна, на земле смерть, рано или поздно, а смерть —
прахом все и оборачивается. Вот и разумеи: любая беда, любая болезнь для
человека — сигнал о спасении, о помощи. Исправь путь вовремя, обратись
к Господу, покаяйся. А ты, овца паршивая, на Бога блеешь.

— Оставь, бабушка, хватит. Я ведь не монашка, а теперь уж и не
буду, — оставь об этом. Ты вот подскажи, как мне с Феликсом быть...
Простить, что ли, заранее все, или уж и не думать об этом — отрубить и
отбросить раз и навсегда?

— Проси батюшку — покаяйся да причастись. Отряхнись от праха...

— А ведь может быть и так, что он и вообще порожняк. Перепутал вре-
мя, пришел, а тут его Мара Кренделя грохнула. А как он при встрече: «Ма-
а-ша»... Но врал на каждом шагу. Или теперь так принято — все врут...
Ты что молчишь, бабушка? Скажи, как мне быть?.. И что ты молчишь?..
Феликс, Феликс, прошу я тебя, и этим теплом жить буду.

* * *

За полвека службы отец Николай всего наслушался и посмотрелся.
Однажды суждено ему было исповедовать и причащать осужденного на
расстрел. Но свои, мирные прихожане, не оказывались тяжелыми пре-
ступниками. А тут такое: милая Маруся убила человека! Отец Николай
не сомневался, что в действиях ее не было преднамеренности, что убийс-
тво — случайность, но тем не менее — факт... Смущало его все это время
и осознание собственной небрежности или невнимательности. Ведь уже за-
долго до трагедии на Арбате он заметил в ней перемены, а на Петра и Павла
и вовсе понял, что с ней что-то происходит или уже произошло: она даже
под благословение не подошла, службу до конца не отстояла. Надо было
бы в тот же день позвонить матери Серафиме, после службы встретиться с
Марией и попытаться разрушить ее сомнения или соблазны. Но то ли годы
и усталость сказались, то ли небрежность, только вот и весной не уделил
времени, и летом упустил из рук беду.

После известия о случившемся на Арбате отец Николай уже вскоре
попытался получить разрешение на встречу с подследственной. Ему не от-
казали, но только по окончании следствия. И вот теперь он собирался в Бу-
тырскую тюрьму, если можно так сказать, на требы. Собирался и сердцем
чувствовал — что-то не так. На каждом шагу козни, вплоть до того, что в
последний час занемог второй священник, а надо покойного отпевать — от-
служил панихиду, увезли; так ведь вышел уже к автобусной остановке,

когда спохватился — забыл приготовленную дароносицу. И все это с раздражением, негодованием, с душевной болью.

Приехал — пропуск не приготовили. Облачиться негде — в коридоре так и облачался. Повели в другой корпус — и там мотали по коридорам. Наконец пришли. Маленький прокуренный кабинет — дышать нечем. Присел на стул, а у самого озноб нервный и сердце бухает... Да что же это такое? Будто сам человека порешил... Поднялся со стула, перекрестился, прочел молитву и воззвал: «Господи, помоги! Отгони врага лукавого!» — и только он это произнес в душе, как дверь широко открылась, открыл ее на всю руку ведущий конвоир, и на пороге предстала Маруся — не узнать: в брюках, в грубой куртке, исхудавшая, с недобрым лицом. Закрыла она глаза и как будто застонала. Шагнул отец Николай навстречу, ждет под благословение, а она медлит, и всю ее как будто коробит.

— Батюшка, отец Николай, не могу, — выговорила с трудом.

А у него и у самого борода трясется, а в глазах как будто гнев.

— Простите, батюшка, не могу. — И губы узлом.

— Бог простит, Бог простит... — Да кое-как, нескладно, все же благословил свою дочь. — Мария, милая, у нас всего полчаса времени, надо исповедаться. Прочтем молитву...

А за столом надзиратель — средних лет, дряблый от болезни или от водки — делал вид, что читает какие-то бумаги.

Иногда он коротко вскидывал взгляд и то ли морщился, то ли сдерживал усмешку.

Они сидели на стульях друг перед другом и оба хмурились, потому что оба понимали, что исповеди не получается — исповеди нет.

— Не молюсь я, отец Николай, совсем не молюсь, не могу... Сомнения одолели. Ропщу — не своей же я волей человека убила. Значит — зло. Зло повсюду, а где зло — там нет Бога...

И только теперь отец Николай как будто вздрогнул, очнулся и наконец обрел себя. Он все понял: соблазн.

— Давно ли ты соблазнилась? — строго спросил он.

— Чем соблазнилась? — и хихикнула уж совсем не к месту.

— Давно ли, спрашиваю, впала в соблазн? — Вставная челюсть хлябала, и отцу Николаю трудно и стеснительно было говорить. — Наверно все связано с ним?

— Я люблю его...

— А я тебе и не запрещаю этого. Но если любовь оборачивается соблазнами и неверием, то это не любовь христианская, а искушение и ложь, такая любовь скоро оборачивается злом. Ты веришь ему — и уже не веришь Господу и Богу нашему.

— Я и ему не верю...

— На Петра и Павла ты даже не подошла под благословение, без елеопомазания ушла со службы...

— Мне надо было идти на работу.

— Ты что говоришь?! Ты перед Богом исповедуешься. Во лжи можно утонуть.

— Я уже утонула, — и Руся заплакала. — Мне стыдно было признаться.

— Может быть и эта мелкая ложь ввела тебя в соблазн.

— Я не могу и не хочу молиться — у меня пусто и холодно на душе... некому молиться.

«Это враг, это плевела, — мгновенно оценил отец Николай. — Пришел ночью и смутил... И только во время жатвы можно будет отделить пшеницу от плевел. Пропалывать Спаситель не велел — все загубить можно. Ждать созревания. — Отец Николай тяжело вздохнул и прикрыл глаза. И причащать не знаю как... Немошен я, Господи, помоги».

— Это враг, Мария, это плевела...

— Но в чем же я так провинилась! — вскрикнула Руся и глаза ее ожесточились.

— Это тебе лучше знать — для того исповедь. — И подумал: «А надо бы ее все-таки приобщить».

— Оставьте меня! Я не хочу, не хочу исповеди! Я не готовилась, я не прочитала ни одной молитвы... Всюду зло, а где зло — там нет Бога!

— Замолчи! Именем Господа нашего, изыди вон! — воскликнул отец Николай и сам почувствовал и понял, как слаба его воля и молитва, как слабо прозвучал его голос — и стены тюремные смеются над его «изыди».

— У меня вот что, у меня вот что есть! — правой рукой Руся срывала куртку с левого плеча, и когда сорвала — с ее плеча, с ее белого крыла, нагло ухмыльнулся Рогатик, с красными глазками черт.

— Господи, — прошептал отец Николай, — возврати мне потерянную дочь! Я, грешный, не сберег ее... — Он поднялся со стула и — его знак будто подрезало — упал на колени: он молился и плакал... А она, капризно перекосив губы, независимо сидела на стуле. И лишь в душе своей растерянно соображала: «Что же это я делаю, ведь это батюшка, отец Николай... надо встать рядом на колени и помолиться». — Но ничего этого Руся так и не сделала.

Отец Николай понимал, что исповеди не получилось, что причащать нельзя, что время истекает — и надо спешить. А спешить он не мог — плакал и повторял:

— Прости ее, Господи, заблудшую. Я виноват, я не уберег...

* * *

И еще отец Николай получил разрешение на встречу с Никольской. На этот раз он был на удивление мягок, старался ободрить ее, утешить, но исповеди и на этот раз не получилось. Руся была раздражена, грубила или вовсе отмалчивалась. В конце концов отец Николай благословил ее, дал просфору и сказал:

— Я буду молиться, Бог не оставит тебя. Но ты помни: пути Господни неисповедимые... Молись. Твори Иисусову молитву. Это тебе испытание...

Руся тогда же подумала: «Ну, старик решил для начала девяносто лет прожить». А когда уводили, грудь ее вздрагивала — не хватало воздуха дышать.

Вскоре состоялась короткая встреча с защитником. Он сказал, что надежды на смягчение приговора есть, повторил Серегины прогнозы и посоветовал приготовить в письменном виде последнее слово на суде: не хотела, мол, убивать, да так уж получилось, толком и не помню — как, — и руки развел, и губы выпятил.

Однако Руся не столько думала о последнем слове, сколько вспоминала и восстанавливала события текущего года. И всего-то прошло восемь месяцев, но это теперь были две разные жизни — в январе и в октябре. Как будто машиной передавило жизненный материал: была жизнь — и кончилась; теперь вторая; третьей — не будет. Вот и соображала: как же это так на самом взлете — и рухнула. А представлялось, что жизнь только теперь и начнется

Жизнь между тем продолжалась, земля вертелась.

8. СУД

Серегу дернули на суд без предупреждения. Заседание продлилось менее полутора часов с перерывом. Прокурор просил два года, суд приговорил к одному году ИТК. А Серега под следствием в тюрьме уже год и один месяц. С гневным матом ворвалась она в камеру буквально на десять минут.

— Во, блягеры, крутые! — выкрикивала она, собирая свое нищенское шмотье. — Составы нет, вот и натянули до года, чтобы хоть следствие покрыть. Это за какого же пидера я пересидела — или за Березовского! Ну, козлы бутырские!.. Мазепа, держи овчарню! Жучки, до следующей ходки! — и загремели в дверях ключи, и на минуту камера как будто осиротела.

* * *

За бутырской решкой текла и текла ноябрьская хлябь со снегом — тоскливо ждать. И с каждым днем охватывало не только раздражение, но и страх — перед грядущим судом, перед грядущим сроком и лагерем. В такие минуты начинался лихорадочный поиск выхода. А выхода-то и не было.

Долго ожидала Руся, а тут на тебе — как кирпич на голову:

— Никольская, завтра на суд...

И охватил двойной страх — с нервной дрожью. Весь мир содрогнулся, вся жизнь оцепенела перед тайной Суда, как перед сумраком неразгаданной вечности. Это ведь не просто определяют срок — десятку, пятнашку! — определяют судьбу, жизнь по ту сторону. И вот это — *по ту сторону* — Руся до того перестрадала, что ясно увидела два своих возможных пути: один из них — путь Серегу, второй — путь «паршивой овцы». А еще суд, когда вся твоя жизнь — как на ладони. Всплывет все, и не защитишься — нелепо защищаться или оправдываться.

Камера глухо проорчала вслед: «Мазепу за пятнашкой повезли».

А Руся даже не подумала, что надо бы переодеться — так и вышла из камеры в мужских портках и в нелепой куртке... Здание суда представлялось ей таким, как на Поварской — в граните и с колоннами. Внутри — как в кино: высокие места для судебных трибунов; за барьером или за решеткой место для подсудимого. И только униформу судейскую Руся не могла представить, потому что униформу в судебной России имеет только Конституционный суд.

Ничего даже подобного. Воронок въехал во внутренний двор двухэтажных старых строений — в Москве не редкость такие общественные дворы с неухоженной закусой. Пасмурно. Дымно. Накануне прошел дождь и

от снега ничего не осталось. Из воронка через решетку видно часть двора. Вероятно, проводится капитальный ремонт. Около дверей то пиломатериал, то кирпич, известь в бочках; козлы, кучи ремонтного мусора... А посреди двора, где летом, видимо, была клумба с цветами, молодая женщина качала коляску с малышом — и курила. С другой стороны клумбы несколько мужчин — тоже курили и безадресно громко матерились. А где-то играла так называемая музыка: музыки, собственно, и не было слышно — только ритмические удары оглушителя: бум, бум, бум... Стукнула невидимая дверь, и женщина лениво окликнула:

— Эй, продукты для банка! Давай сюда...

И представилось, что вся Москва живет своей отгороженной жизнью, а вот этот двор — сам по себе; и понятно, здесь никого не волнует, что Мазепу за пятнашкой уже привезли и что вообще состоится неподкупный суд. Не странно ли: мир вне человека и человек вне мира.

Руся запрокинула голову — железный фургон! — и ей захотелось завыть, тихо, без слез.

— Сизов! Ведите! — негромко крикнул мужчина, и тотчас звучно стукнула дверца машины... В дверях воронка предстал мордатый конвоир.

— На выход, — приказал он. — Руки назад. С посторонними не разговаривать, на вопросы не отвечать. Следовать строго за ведущим.

И пошли: один впереди, за ним Руся — ноги подгибались, она с трудом переставляла их — за ней второй конвоир, постоянно напоминавший о себе:

— Быстро, быстро, быстро...

Руся полагала, что ее тотчас и введут в зал заседания, где все на местах и ждут. Но ее закрыли в темный отстойник, где сидеть на рундучке или стоять можно было, но и шага шагнуть нельзя — некуда. Руся села — и ее мгновенно склонило в сон. Она закрыла глаза и погрузилась в тягостную дремоту с паутиной нелепых полубредовых видений... Сначала погрезилось, что она дома. Бабушка берет за правое плечо и ведет, ведет по плющихинскому коридору через собрание злобных и кривляющихся лиц — и они расступаются... В конце концов она понимает, что это не бабушка Вера — рука сильная и цепкая, до боли сжато плечо. И ни вырваться, ни закричать она не может. Наконец остановились — она и тот, кто сжимает плечо. Впереди на возвышении восседает лысый трибун — он опустил глаза, не желает смотреть на них. И Руся понимает, что это и есть судья, он будет судить. Судья поднимается со своего места: высокий и могучий, и лик его суров, и губы сжаты — и ни звука. Он возносит правую руку с золотым кольцом на безымянном пальце и указывает на Русю. Она не слышит, но понимает, что он хочет сказать: «Ты богоотступница, на тебе знак». Пальцы на плече разжимаются — и только огненная боль остается... Никого — одна перед судьей.

— Во, баба, ее судить привезли, а она спит, — кто-то говорит с усмешкой. Воспринимается, что говорит судья. И Руся отвечает:

— Нет, не сплю, — и одновременно открывает глаза. В дверях отстойника мордатый конвоир:

— Как же не спишь — спишь...

Все те же двое повели ее по длинному коридору. И всюду рабочие-ремонтники. Они глядели на нее и о чем-то угрюмо переговаривались... Ввели

в небольшую комнатку с боковой дверью. Конвоир профессионально на всю руку откинул дверь — и Руся переступила порог в зал судебного заседания: на возвышенности в виде сцены за столом сидел пожилой лысый судья — и Руся даже не удивилась зеркальному сходству, как будто так это и должно быть — продолжение виденного в дреме, и только сердце как будто оборвалось — что это?!

Ей указали на стул у стены в трех шагах от двери — и она села. Ни решетки, ни барьера — ремонт. По обе стороны от нее разместились конвоиры.

Судья поднял руку с золотым кольцом на пальце и сказал повелительно, хотя и негромко:

— Прикройте дверь. — И без промедления по-деловому, не поднимая, Впрочем, взгляда от стола, начал представлять состав суда.

И Руся вздрогнула — вновь охватил страх с нервным ознобом. Только теперь она содрогалась перед судьей, с животным страхом ожидая, что сейчас-то он скажет вслух: «Ты богоотступница, на тебе знак».

Как после укуса шмеля палило плечо.

«Господи, что это — провидение... напоминание или кто-то обо мне молится?» — в растерянности думала Руся.

По обе стороны судьи — заседатели. Рядом за столиком скучала стенографистка, с другой стороны, напротив, за трибуной с гербом, государственный обвинитель, прокурор — с узкими плечами и маленькой головой высокая женщина неопределенных лет. Но никого из них, кроме судьи, Руся не воспринимала. Вся она была сосредоточена на нем, так четко и ясно явленного в дремоте — кто он и что он может?..

Зал небольшой, мест на сорок-пятьдесят. Между левой и правой сторонами стульев узкий проход. Слева в первом ряду сидели сосредоточенные и строгие мужчина и женщина в трауре. У женщины в руке белый платочек — родители Кренделя... А справа, в отдалении — Боже мой! — мама. Заметив взгляд дочери, она помахала ей рукой. Лицо матери перекошилось — она заплакала. Еще в зале никого не было.

Судья поднял подсудимую, чтобы засвидетельствовать ее для суда...

— Гражданка Никольская, доверяете ли вы суду в настоящем составе рассматривать ваше дело?

И точно лукавый из-под полы вынырнул юркий адвокат Рогаль.

— Да, доверяю, — подсказал он, проходя к стульям в зале.

— Да, доверяю, — глуповато повторила Руся.

Началось судебное разбирательство. И вот когда Руся сердцем поняла, что суд для нее — это лучшее, что только можно придумать сегодня: суд рассудит, суд приговорит — и тогда она понесет через всю оставшуюся жизнь заслуженное наказание... Поняла она и другое: ни адвокат, ни свидетели — и никто из людей! — не смогут избавить ее от наказания. Значит, заслужила, значит, вся жизнь и вела к этому. А всей жизни — и всего-то семь самостоятельных лет.

И в одно мгновение предстала изначальная московская жизнь.

Детство. Отец и мать вечно в заботах о том, как прокормить семью. Они никогда не роптали ни на Бога, ни на власть; никогда не говорили ни о вере, ни о правде. Вырастут — сами определятся, а пока лишь бы прокормить, одеть-обуть и дать образование. Зато за нравственностью и совестью

с детства следили строго; и тут уж никаких соглашательств... В общем все складывалось как и в большинстве репрессированных семей: насмотревшись на страдания родителей, дети невольно относились настороженно к тем ценностям, во имя которых пострадали родители, так что следующее поколение росло и вовсе уже без этих ценностей — младое поколение не отказывалось от них, оно их не знало. Руся даже нательный крестик отказывалась носить — как пережиток прошлого: сначала стеснялась, потом боялась, а вдруг увидят — задразнят в школе. Так у родителей без крестика и обходилась.

Вырастут — сами разберутся...

Руся училась в школе, когда скончался еще нестарый отец. Вот тогда-то и началась жизнь с бабушкой Верой — и все иначе: кое-как прокормиться, с постом да с молитвой, только бы в храме на службе побывать, причаститься и дома к молитве не остыть. А тут уж и политика изменилась — началась перестройка. За веру с тех пор из школ и вузов не выпроваживали.

И полюбилась церковная красота — да так привыкла, что и в театры перестала ходить. Но в душе все как-то ни холодно, ни жарко — и рядом никто не приютился. И даже мать до сих пор не воцерковилась. Иногда лоб перекрестит перед едой — и вся вера.

Одно смущало: уж очень много запретов и ограничений, очень уж монашеское послушание, а жизнь одна... — И Руся как будто очнулась: вот оно где отступничество — она не верит в бессмертие; верит в Господа Иисуса Христа, верит в Его воскресение — в воскресение Бога! — но не верит собственному воскресению.

В храме и дома она жила любовью и добротой душевной, любовью ко Христу Спасителю, а вот личным бессмертием никогда не жила — и до сих пор всегда пугалась смерти, робко пряталась от нее, стараясь не вспоминать, а когда не в силах бывала спрятаться — страдала, горько страдала, но и тогда или не верила, или сомневалась. Вот сюда-то и плеснул Феликс живительной влаги — и проросли плевела...

Ее о чем-то спрашивали, у нее что-то уточняли — она механически отвечала, соглашалась со всем, и лишь на одном запнулась, когда один из заседателей спросил:

— А на чьи деньги, гражданка Никольская, вы покупали французский кагор?

— Как на чьи? Я не украла, я купила.

— Понятно. Но на чьи деньги?

— У меня были деньги — и я купила. Ведь я работала.

— Но это — третья часть вашей зарплаты. Как понять? Руся склонила набок голову и пожала плечами:

— При чем же тут я, если зарплата у человека с высшим образованием на три бутылки вина, то есть десять дней надо работать на одну бутылку вина — ложь какая-то, несоответствие.

— Я о другом: как вы решились покупать такое дорогое вино?

— Феликс просил купить натурального кагора — я и купила.

Бутылка стояла на столе, и заседатель рассматривал золоченую рекламную этикетку.

— А как вы доставали бутылку из пакета — вот так или вот этак? — при этом заседатель вывернул руку до смешного.

Руся нахмурилась, помолчала и развела руки:

— Простите, не помню, даже предположить не могу — не знаю...

И ее оставили в покое. Она поспешно начала восстанавливать прерванные мысли, но отключиться от суда уже не могла.

— Пригласите свидетеля Трояновича, — сказал судья, ни к кому не обращаясь.

Феликс был одет изящно и со вкусом. Проходя мимо подсудимой, он остановился, молча склонил голову и приложил руку к груди. И это показалось так унижительно — в мужских-то брюках и в куртке! — что Руся даже побледнела... Феликс прошел на указанное место и слегка вскинув голову предупредил:

— Дополнять уже сказанное на следствии я не намерен, да мне и нечем дополнять. Прошу учесть это.

— Хорошо, мы учтем это, — согласился судья, все так же не поднимая взгляда, и все так же без нажима напомнил, что свидетель за дачу ложных показаний может быть привлечен к уголовной ответственности. — В какое время вы должны были встретиться на Арбате с гражданкой Никольской?

— В деле это записано.

— В три часа по полудни?

— Это вы говорите, я этого не говорил.

— Это Никольская говорит. Вы откуда звонили ей, когда договаривались о встрече?

— Из дома.

— Ей вы сказали, что звоните с работы.

— Да.

— С первых шагов ложь. А ведь вы могли встретиться раньше и не на Арбате, а на Плющихе, и управиться раньше, и уехать на дачу раньше. Почему же вы сами не купили кагор, а предложили сделать это Никольской?

— Личные неувязки... я не хотел бы говорить об этом.

— Какие неувязки?

— Денег под руками не оказалось.

— С кем из знакомых вы встречались за время от звонка до встречи на Арбате?

— Ни с кем не встречался.

— И вы все это время были дома?

— Дома.

— Вы звонили в ЗАГС, наводили справки?

— Нет.

— А кому звонили?

— Никому.

— Почему же вы не позвонили Никольской?.. Вы жених. Хотя бы побеспокоились, как у нее самочувствие, купила ли кагора, хотя бы решили, в какой ЗАГС идти. Ведь на Плющихе такая контора имеется. И часы работы там иные...

— Это ваши желания... — И Феликс подумал: если этот уткнувшийся в стол дятел продолжит эту долбежку, то можно в конце концов сорваться и нахамить ему, а этого делать не надо. И не завершив ответа, он понимающе улыбнулся и сказал: — Разбирайте готовое дело и не ведите нового следствия. Не устраивает — отправьте на следствие. Я повторяю: все есть в деле. Если же вы продолжите допрос, я откажусь от свидетельств.

Но судья все это пропустил мимо ушей — никакой реакции.

— Кто из знакомых видел вас после звонка Никольской?

— Я был дома, ко мне никто не заходил... Все — следствие закончено.

И вот теперь судья поднял свой тяжелый взгляд.

— Нет, только начинается...

«И зачем он обо всем этом, для чего?» — морщась, негодовала Руся.

— Гражданка Никольская, за время вашего знакомства Троянович имел при себе какой-нибудь нож?

— Какой нож?! — воскликнул Феликс.

— Троянович, я вынужден буду применить... меры. Не забывайте, слушается дело особой тяжести... Никольская, вы поняли вопрос. Отвечайте.

И Руся покачнулась, не зная, что ответить.

— Отвечайте. Это же не обвинение в убийстве.

И она ответила — и подумалось ей, что ее можно обвинить в предательстве:

— Да, имел...

— А вы, Никольская, о расстрелянном дедушке все узнали?

— Да. В Бутове.

— А еще?

— А что еще?.. Ничего.

— А вы, Троянович, все узнали?

— Это уж мое дело.

— Как! Это и мое дело, это и государственное дело — кто, как, где?

Надо же знать!.. Пригласите свидетеля Гольдмана, он же Марк Крохобор... А вы садитесь, вы свободны.

Феликс так и ошетинился:

— А нож-то при чем?!

— А что? Поинтересовался. Я тоже люблю иметь при себе нож. У меня и теперь при себе, — и судья извлек из кармана нож: — Вот какой! — и лезвие со щелчком выскочило из рукоятки.

«Точно как у Кренделя», — рассеянно думала Руся.

— Удобный нож: и банку открыть, и бутылку. Троянович, а у вас с собой нож?

— Нет, у меня вообще нет. — Феликс прошел в зал и сел по ту сторону, где сидела Русяна мама.

— А вы что, потеряли свой нож?

— Ну, блин, — тихо выругался Феликс. — Потерял и не ищу...

— Во, блин, а я нашел! — и показалось, что даже улыбка скользнула по окаменелому лицу председателя. — А вы, Троянович, принесите завтра нож, я ведь коллекционер, то есть ножи коллекционирую.

Феликс демонстративно поднялся, вынул из кармана сигареты и вышел из зала.

— А что, может быть нам всем и устроить перекур? Объявляется перерыв на десять минут.

Русю вывели в смежную комнату, где она вместе с конвоирами и покурила... А плечо так и болело, палило, жгло. Можно было подумать, что там чирей или другой нарыв. И Руся решилась: она быстро сняла куртку, растегнула кофту и, отворачивая ворот, заглянула на плечо: морда Рогатика перекосилась, а красные его глазки почернели.

«Вытравлю гада», — с гневом подумала Руся.

* * *

Судебное разбирательство продолжалось. Судья как с детьми расправлялся со свидетелями — они упрямылись, сбивались, пускали пузыри, не понимая порой, чего от них добывается судья. Они по-прежнему утверждали, что Крендель увидел свою женщину и попросил подождать, а уж потом пришел Троянович — оказалось, что это и его женщина. Вот это и подтверждаем... И во всей этой свидетельской болтовне Руся представлялась женщиной крайней, если не распутной. В конце концов вознегодовавший родитель Кренделя во время свидетельской заминки ядовито и брезгливо произнес:

— Шлюха...

Судья вскинул голову и приподнял над столом кисть руки, то ли требуя внимания, то ли тем самым обращаясь индивидуально.

— А я еще и слова коллекционирую. Слово — это уже дело; словом человека убивают, словом — и воскрешают; за слово ведь приходится и отвечать... У меня даже словарь с толкованием всегда под рукой, чтобы исключать смысловые недоразумения. А как же!.. «Шлюха» — как толкуется? Вот и посмотрим. — Он перелистывал страницы и в то же время продолжал говорить. — Слово — оно ведь живет и развивается вместе с народом, с обществом: народ меняется и слово меняется в своем значении, «Шлюха» по толкованию девятнадцатого века — это женщина неряшливая, грязнуля, в грязном платье, слоняющаяся без дела; а уже в толковании двадцатого века «Шлюха» — проститутка, развратница, женщина легкого поведения... Как ведь процветает общество — от грязнули до проститутки. Мужаем вместе с техническим прогрессом. Но цепочка развития закономерна: сегодня солгал — завтра уже мерзавец. Так вот и со шлюхой... А Никольская под толкования не подпадает. Она хотя и совершила преступление, тем не менее до этого на постоянной основе работала научным сотрудником в институте. К делу приложена достойная характеристика за подписью авторитетных ученых, профессоров. При необходимости я оглашу эту характеристику... И еще, к общему сведению, чтобы не возникало подобных недоразумений; в деле имеется заключение судебно-медицинской экспертизы: Никольская не страдает никакими формами нервно-психических расстройств или заболеваний, а ко всему прочему указывается, что Никольская является девственницей, поэтому ничьей *женщиной* она не могла быть... Как видите, в «шлюхи» Никольская никак не подходит. — Судья поднял взгляд и холодно заключил: — Я считаю уместным принести извинение гражданке Никольской за нанесенное оскорбление. Она не лишена гражданских прав и может возбудить уголовное дело.

— Прошу извинения, — после затянувшееся паузы в полной тишине — и все-таки с ненавистью! — произнес родитель Кренделя.

Руся смотрела на судью, усталого или больного, и не могла понять, что происходит: судья то начинал расплываться, колыхаться и увеличиваться в размерах; то вдруг на его месте представлялся другой, молодой, с красивой шевелюрой — Феликс... И охватывала дрожь. «Господи, что за помешательство — что со мной, с ума, что ли, схожу... Вокруг люди, мать рядом, Фе-

ликс, а я одна — одна во всем мире — и никто не поможет, никто не защитит, не облегчит моей участи. И только старый, больной человек заслонил от позора. Или осталось одно — умереть, только ведь и тогда ни помощи, ни избавления... Смерть — и перед смертью все правы. Да как же это так, Господи Вечный, Ты сотворил человека по Своему образу и подобию, но сотворил смертным! Это же насмешка над «образом и подобием», да и как совместить — разум, память и смерть?! Ты вечен, так почему же тварь остается неприкаянной, беспомощной и смертной? Почему на земле торжествует зло — и нет Тебя в этом месиве зла? Если вечная смерть неизбежна, то вольна же я прервать свои страдания, свое временное существование...» — Не сознавая того, Руся плакала в полной беспомощности и незащищенности — и растекался в слезах судья, защищающий букву закона, то вдруг оборачивался Феликсом, отрицающим любую законность, а когда она оглянулась в зал — адвокат Рогаль кривлялся ей и щурил черные глазки...

Одна — и ничего не понять.

Не могли понять и свидетели, чего от них добивается Понтий Пилат — так они уже успели окрестить судью... Не понимал этого никто, зато прекрасно понимала прокурор, хотя она и не отвлекалась от своего дела и уже подготовила обоснование предстоящего выступления, в котором будет бичевать пороки человека, правда, забыв о пороках общества и государства. Из опыта прокурор легко предугадывала, что завтра судья доиграет игру с ножом, а затем как само собою разумеющееся объявит, что все свидетели, включая и Трояновича, — единая арбатская компашка — были дети Арбата, теперь внуки — и что надругательство над подсудимой согласованная акция. Смерть — единственная неожиданность... Прокурор понимала, что председатель играет на опережение — и никаких исков со стороны пострадавших он не удовлетворит; все дело будет в его руках, он и пикнуть никому не позволит в конце слушания — таков судья, опытный, со своим норовом, со своей правдой. Тем не менее, считала она, прокурор не имеет права идти на опережающем поводе судьи; прокурор всегда прав и по государственному неукротим. У него свои задачи, и он не должен входить в разбирательство мелочей — на то и суд! — прокурор предопределяет итог, уровень наказания.

И она предопределила:

— Смягчающее обстоятельство, — заключила она свою речь, — одно: убийство не преднамеренное и квалифицировано следствием правильно, как реакция на унижение человеческих достоинств в состоянии аффекта. И все-таки совершенно тягчайшее из преступлений, которое требует и соответственного наказания...

И запросила десять лет исправительно-трудовой колонии строгого режима с удовлетворением иска родителей Кренделя — сто тысяч рублей.

Судья листал словарь, вероятно, отыскивал для коллекции слово «туфта», оброненное свидетелем, но такового в словаре не было.

Заседатели что-то чиркали в блокноты.

Защитник Рогаль одним пальчиком почесывал в затылке, щурился и чему-то улыбался.

Русина мама горестно покачивала головой.

Родители Кренделя, видимо, что-то обсуждали — поочередно ныряли друг к другу в ухо.

Арбатцы тоже что-то обсуждали. Марк Крохобор, по-детски невинно пошмыгивая носом, направлял мобильник в сторону прокурора — представлял кому-то возможность послушать историческую речь.

Феликс держался руками за спинку стула и морщился — ему надоела изолированность.

Руся выглядела обреченной, усталой, безразличной — все это она уже пережила в камере: ведь ее и привезли за пятнашкой. Руки безвольно лежали на коленях, и казалось, такое безразличие граничит с помешательством.

И только стенографистка и конвоиры были заняты делом: стенографистка раскидисто рисовала «иероглифы», а конвоиры поочередно дремали, кто-то из них даже всхрапнул.

* * *

— Мазепа! — встретила камера. — Сколько сулят?

Руся отмахнулась; во рту пересохло, язык не повернуть.

— Чо молчишь? Или уже — всучили?

— Нет, просят — десять строгого.

— Стро-го-го! Не больше восьми общака!

— А, кто просит?

— Баба... Гридина.

— Ага — в очках! Гнидина очковая!..

Руся стянула с плеч куртку — и не осталось сил отбросить ее с коленей. Тошнило, болела грудь и обмирало сердце — стукнет три-четыре раза и замрет.

— Пожуй, Мазепа, пожуй... вот и чая на заварку — щас и засмолим, есть на затяжку...

Но даже на добрые услуги отвечать не было ни сил, ни желания.

С матерью поговорить не дали — после приговора. И так больно! А ведь бывало и сама не спешила повидаться; лишний раз по телефону не звонила; а теперь вот пошла бы пешком в Ясенево — не пустят. Все иначе, наперекос — теперь новая жизнь, подневольная, тюремно-лагерная — десять лет... а может быть сто?

И охватывал страх — тоска по несостоявшейся жизни... Ей не только казалось, она верила, что и теперь, несмотря ни на что, Феликс любит ее: и сидел он одиноко — и Руся страдала, вспоминая его, впрочем, в то же время не сомневаясь, что они уже никогда воедино не сольются. Ведь если даже десять лет — это долгий срок, бесконечный. И возраст, когда уже трудно обзаводиться семьей. Да и что останется после мытарств, что станет после десяти лет лагерей?!

Камера дышала потом, перегорелой плотью и туберкулезом; камера курила, материлась с перебором, в полголоса пела и плакала — до отбоя; после отбоя — живи как мышка, иначе угодишь в карцер.

* * *

Руся лежала с открытыми глазами, не видя перед собой ни реального света, ни реальной жизни. Она тонула и всплывала, вновь тонула — задыхалась, и тогда сознание угасало: и то ли бред, то ли наваждения минувше-

го дня, то ли новое провидение: кто-то сдвинул плечо, кто-то ведет — и Руся слышит: «У тебя нет Бога — вот твой бог». И вновь лысый трибун. Теперь-то она знает, что это — Судья. И Судья говорит: «Чей это нож? Почему ты молчишь?.. Не надо оправдывать — оправдания нет. И спасения — тоже нет. А если так, то как жить и стоит ли жить? Вот и решай». — Руся стоит одна перед «своим богом», а «бог» поднял руку, как Феликс, и продолжает: «Ни себя убивать, ни других — нельзя... Погибаешь не только ты, все мы умираем: наше бессмертие кончилось — нас лишили бессмертия, выкрали наше бессмертие...» И Руся в который уже раз переживает: жизнь ничемна, и она в этой жизни никому не нужна, никто не спасет, никто не поможет, потому что все умирают... И Руся вдруг схватилась руками за голову и закричала: «Помоги! Хотя ты помоги!» Лысый «бог» развел руки и оскалил беззубые десны: могу ли я помочь без зубов?!. И земля покачнулась, как после крошки с сухарем, накренилась настолько, что вот-вот и сорвешься с плоскости в тартарары. И Руся понимает это. «Так жить нельзя, — думает в страхе. — Поэтому и умираем, что нельзя. Господи, что делать?!» — «Бога благодарить, что долго терпит и вразумляет. А ты, ветруха, помнишь ли, когда благодарственный молебен заказывала!? — это уже бабушка, мать Серафима. Она держится рукой за спинку стула и гневно топает ногой. — И не приобщила, овца паршивая!.. Не смей перечить! На колени — и молись! Тоже мне, Красная Шапочка... не тебе ли говорят: на колени!» — и вновь бабушка гневно топает ногой... Руся на коленях перед тюремным окном. Она понимает, это не ее желание, а воля бабушки Веры, и клонит голову, и прячет глаза, чтобы не выдать себя в усмешке... И все-таки Руся оглядывается: бабушки вовсе нет, а с нар высунули головы сокамерницы — они не смеются, они наверно ждут: а что же Мазепа будет делать?.. И Руся соображает: «Я-то человек с образованием, а они — глухарки, им обязательно надо верить, иначе все они сгниют по тюрьмам. Я и научу их молиться. Как говорил Феликс: пусть хоть и лапша, а простым смертным на пользу... — И охватывает сомнение: — Я так давно не молилась, теперь уже и молиться не смогу». — И слышит, кто-то говорит с усмешкой: «А ты попробуй». — «Кто это — Феликс или отец Николай». — Руся закрыла глаза, сосредоточилась — и с трудом перекрестилась, ожидая реакции нар. Но за спиной тихо — ни смеха, ни мата. Она открыла глаза — и задохнулась от неожиданности: в тюремном окне Божия Мать — и все вокруг полыхает светом... Теперь-то уж вся камера уверует! — и радостно бьется сердце, и жить радостно! Руся оглянулась — бабы на нарах скверно посмеивались и курили. И от стыда и досады Руся заплакала; она плакала и молилась — и ничего уже не видела ни перед собой, ни вокруг... Мать Божия вразуми и прости их. Я-то преступница, смертный грех на мне, а они никого не убивали, вразуми их — ведь они все женщины, все они могут быть матерями. Благослови их на материнство!» — и слезы, слезы — и дышать от слез трудно. Но и сквозь слезы она видит, как Божия Мать вошла из окна в камеру. — «Что же ты, Мария, опростоволосилась? Что с тобой?» — Руся закрыла лицо руками и заплакала навзрыд от достоинства и стыда. Она чувствует, как рука ложится на ее голову, и Мать Божия говорит: — «Вот и послужи им. А молись так: «Господи, и блудных овец Своих собери в Церковь Свою», — и отпускает голову. Руся поднимает взгляд — в окне не Мать Божия, а лысый Судья.

Он поднял руку и грозит пальцем: «Не хлопай, не хлопай... А ты помнишь приметы ножа?» — «Помню, — всхлипывая, отвечает Руся. — Зазубринка на лезвии: в патрон электрический, говорит, сунулся ножом, а не выключено — вот и замкнуло». — Судья склонил голову и молчит. А Руся вдруг понимает, что все виденное и происходящее — сон. И так досадно, что не наяву; она взмахивает рукой — и просыпается.

Ночь. За окном темно. Камера сопит и стонет, кто-то бормочет во сне; соседка по нарам сидит, наверно и не спала, курит — баба третья, по третьей ходке.

— Ты что все хлопаешь? — горестно усмехаясь, говорит она. — То не плакала, а теперь захлопала. Нового нет ничего — все то же. Привыкай. — Она крепко затынулась, точно и сама боялась заплакать. — Оно, конечно, бабы мы — трудно. Не для тюрьги же мы созданы, для семьи... Мне вот уже тридцать четыре, а впереди еще срок корячится. Ни мужа, ни детей, и сама вся измызгана — никто и слова доброго не скажет. — Она по-мужски раздавила окурков в коробок из-под спичек и судорожно вздохнула. — А ты, Мазепа, поешь, не то и поведет — вырубишься... Я тебе все полотенце мокрое к голове прикладывала... Какие мы все несчастные... твою мать. — И соседка ткнулась головой в подушку — скрипнули нары.

Все еще скованная тем, что увидела во сне, Руся закрыла лицо ладонями и содрогнулась: «Ну надо же — Богородица приснилась... А если это не просто сон? Господи, не мне, не мне... Безмерны человеческие страдания на земле — воистину безмерны, и бессмертие, говорит, у нас выкрали. Вот и я лишилась бессмертия... А ведь если бессмертия нет, то и страдания бессмысленны — и человечество давно бы закончило свое существование... самоубийством. Зачем нужны страдания, если впереди в любом случае вечная смерть?! Безумие. — Того не сознавая, все последнее время Руся плутала вокруг самоубийства, и всякий раз, начиная к этому подступ, наталкивалась на убеждение, что человечество все-таки живет бессмертием. И понимала, что в этом вопросе только своим умом не разберется. Но состояние это настолько подавляло, что даже явное чудо с видением в дремоте судьбы, она воспринимала в затмении, не так, как следовало бы воспринять верующему человеку. А вот теперь, подумав о бессмысленности человечества, насторожилась. — А можно ли выкрасть бессмертие? Наверно, можно. Вращивать поколение за поколением в атеизме — вечная смерть станет реальностью, а это и есть похищение бессмертия. — Руся даже головой потрясла. — В таком положении самоубийство народа неизбежно: вымирание... И все становится ясно. Но это опять через разум. А как этим жить, просто жить... В какой же путанице я оказалась! А ведь все просто: вера утрачена, не стало личной благодати — и преступление... А что, если и я Господу нужна... Ведь какие слова Матерь Божия сказала — так просто и не придумаешь: *«Господи, и блудных овец Своих собери в Церковь Свою»*... «Вот и послужи им». — Руся обвела взглядом сопящие и стонущие нары и удивилась соседке: страдающая бессонницей, она спокойно посапывала во сне. — И сколько же физического и духовного надрыва в одной камере, а сколько камер по России, сколько колоний — единый лагерь... Так нельзя. Не выжить. Без Феликса, наверно, можно, без Бога — нельзя. Иначе духовное и нравственное помешательство...

Ребенком, беспомощным и беззащитным, осознала вдруг она себя. Одна на краю бездны — и никто уже не поддержит, и нет выхода... Но теперь Руся знала, что делать — ведь если уже было провидение с судией, то почему бы ему не быть и на этот раз?!

В проходе между нарами Руся опустилась на колени — как во сне — лицом к окну за решеткой, перекрестилась и тихо вздохнула: «Господи, и блудных овец Своих собери в Церковь Свою». — И еще раз перекрестилась и продолжила: «Господи, и меня, блудную, не оставь на погибель...».

* * *

— Подсудимая Никольская, вы не заметили, были какие-то особые приметы у ножа, принадлежащего Трояновичу? — так начал судья заседание второго дня. Русю передернуло: «Господи, было это или только теперь?!» И она невольно оглянулась за подсказкой. Мать сидела на прежнем месте, но сегодня рядом с ней сын с внуком — брат с племянником. Где Феликс?.. А Феликс сидел с арбатцами. Все они были одеты в кожу с замками, у всех в ушах висело по серьге, все они по-барски отвалились на спинки стульев, и только Марк Крохобор сосредоточенно возился с мобильником. Они глотали пиво из одной банки, передавая ее по-свойски друг другу... И точно волосы на голове зашевелились: неужели, Господи? Быть этого не может. — А вы, Никольская, не удивляйтесь... На вопрос отвечайте.

— А я уже... ответила. — Руся с лихорадочным восторгом припоминала, какими же словами она уже ответила.

— Стало быть, в уме, — судья и руки на столе развел, — а теперь вслух отвечайте: были какие-то приметы у ножа Трояновича?

Руся коротко тряхнула головой:

— Ага, были. Зазубринка, нет, щербинка на лезвии в верхней части. Я еще спросила — отчего это? Он сказал, что полез ножом в электрический патрон было — вот и замкнуло.

— Свидетель Троянович, а вы свой нож принесли?

— Не принес и не принесу.

— Понятно, откуда же вам его взять, если он у меня в руках — вот он, ваш нож! Каким образом ваш нож...

— Это ваш нож, а не мой, — опередил Феликс и усмехнулся.

— Повторяю: каким образом ваш нож оказался в руках Кренделя, ставшего, кстати, причиной его преждевременной смерти?

— Я не намерен отвечать на выдумки.

— Подсудимая в отделении милиции зашила, как говорится, через край подол платья — так вот я эту ниточку выдергиваю. — Судья развернул платье и, подрезав ножом, вытянул нитку: подол буквально отвалился. — Это дело вашего ножа. Как бы вы чувствовали себя в таком облачении?

Брат Русин вскочил с места:

— Ну, петухи, головки пооткручиваю...

— Братец, не угрожай, не то ведь рядом с сестрицей и сядешь, — Крохобор и руки на груди сложил. — И хамить не надо, братец. Не по адресу...

А судья тем временем продолжал:

— Я не намерен вас обвинять или возбуждать против вас уголовное дело. Тем более, что вы сегодня в полном параде и на своем месте... «Ар-

батцы» — чудесное слово для коллекции! — поняли, что их виновность определяется лишь по теории вероятности. А суд совести и чести им не угрожает... Их можно брать только в ежовых рукавицах.

— Уже брали. Или заскучали? — холодно заметил арбатец в очках.

А Руся слушала — и не верила своим ушам.

— Феликс! — невольно вскрикнула она.

Феликс и руку вскинул, и губы изогнул:

— Мара, ведь это суд...

«Знает ли он, что значит — Мара? — с досадой подумала Руся. — Наверно знает». — И ее передернуло в ознобе.

— Не правда ли, веселый процесс, веселое разбирательство, — ни к кому не обращаясь, проговорил судья и подтвердил: — Но звонков не будет, принципиально не будет...

Вольное разбирательство дела продолжалось. Судья в виде реплик уже изложил свою версию трагических событий, так что даже арбатцы насторожились. Но судья не настаивал на своих предположениях, «он лишь называл вещи своими именами», — как отметила для памяти прокурор. А все это «веселое разбирательство» ему необходимо было для протокола и для своего отчета.

Очень коротко и вяло выступил защитник Рогаль. Он сказал, что дело следователем не отработано, можно бы отправить на доследование, хотя и после этого прокурор выберет ту же меру наказания, потому что факт преступления неоспорим, наказание неизбежно. Но преступление непреднамеренное, судимость первая — и суд, будем надеяться, учтет эти обстоятельства, смягчит по возможности меру наказания... И речь была бы на редкость безликой и никчемной, не пристегни Рогаль короткое сообщение:

— Я бы сказал, точнее, я бы напомнил, — он обвел рукой присутствующих в зале и шире, — вся ваша жизнь представляет собой то ли недоразумение, то ли трагикомедию: держите друг друга за горло, а вините во всем третьего, кого угодно, только не себя. Вот и молодые люди — хорошие молодые люди, умные, красивые; а один уже вскакивает «головки открутить», а второй грозит судом. А виновата будет власть или Рогаль — не защитил. А кого защищать: друг друга за горло держите — так жили, так и живете... Зашел я в архив и заглянул в дела давно минувших дней: у Никольской бабушка поп — расстрелян в Бутове; у Трояновича — старший следователь с Лубянки, расстрелян в Бутове. Оба там. А ведь оказывается, следователь Троян (сегодня Троянович) и вел с нажимом под высшую меру дело Никольского, отца Бориса. Вот и получается: сами себя кушаете — с продолжением! — и засмеялся Рогаль мелко, рассыпчато.

— М-м-мыбы, — отчетливо в наступившей тишине замычал судья: вот и расщепил, подлил масла в огонь. — Какой факт! Хотя к нашему делу этот факт не подошьешь. Спасибо, Владимир Ильич, за информацию.

И только теперь в зале сообразили в чем дело.

Феликс вытянулся со стула, побледнел, закрыл глаза и, клонясь, обхватил голову руками... Руся видела этот момент и бессознательно подумала: «Господи, вот и наказание».

Судья объявил перерыв на тридцать минут, предупредив, что сразу после перерыва подсудимой будет предоставлено последнее слово перед вынесением приговора.

Для Руси минуты перерыва обернулись откровением. В какой-то момент Она даже решила, что поняла тайну жизни и смерти человека.

...Столько лет молилась, ходила в церковь, причащалась и соборовалась — и все это как будто в одночасье рухнуло и сотрясло! Даже в Боге усомнилась, забыла: если нет Бога — все бессмысленно и нелепо. Черная дыра и безумие... Вот и безумствуем, вот и «кушаем друг друга с продолжением». Значит, нельзя, как было, как есть, значит, не устоять над пропастью. Просто веровать, что есть Бог — мало, просто исполнять обряды и установки — мало; какая вера, а до суда увидела судью, и Божия Матерь является и говорит — нет, разум сваливает на сон и нервное расстройство!.. Да не верить в Бога мы призваны, а жить с Богом и в Боге! Сама жизнь и есть живая вера в Боге!.. Можно бесконечно твердить «Отче наш» и «Верую», а прозябать в пустыне... «Вот и молись о них», — сказано... Буду, буду молиться о них! Господи, Матерь Божия, и в тюрьме буду молиться, и в лагере, а даст Бог, освобожусь, выживу, если удостоюсь — уйду в монастырь, и в монастыре буду молиться о заблудших грешниках...

— Надо жить в Боге! — не сознавая того, сказала она вслух и нервно усмехнулась.

— Ты, девка, не хихикала бы, а прикинула, что сказать, — посоветовал мордатый конвоир. Он сидел возле окна с открытой форточкой и курил.

— А что говорить, братец! Человек — ложь, и слова его — ложь...

— Это точно: ложь... Уж такая ли гнида человек... Покурить хочешь?

— Нет. Никогда...

— А вроде курила?

— Мне Богородица в камере явилась, а я курить? Нет уж.

Конвоир подозрительно покосился на Русю. «Кажись, крыша поехала», — рассудил он.

— Ты, девка, остерегись, не заговаривайся, а то в психушку и отправят — там еще хуже.

— Ладно. Спасибо за совет, — согласилась она, и хмурая осень вновь как будто осела на ее лицо.

«Не просто верить в Бога, а жить в Боге! И это так просто — неужели нельзя было понять раньше!» — радовалось сердце.

* * *

И все-таки вновь опутал страх перед грядущим сроком. Спазматические боли в затылке, тошнота и мелкая дрожь в груди, и губы дрожат — и не разомкнуть губы.

— Подсудимая Никольская, мы вас ждем. — Судья поигрывал пальцами на столе и взгляда не поднимал.

Руся закрыла глаза, запрокинула голову — и так на мгновение застыла.

— А о чем говорить? Все сказано. Я готова понести заслуженное наказание. — Руся перекрестилась. — Простите, люди, меня, преступницу. — И упала на обе колени — и земно поклонилась в сторону зала. — И вы, судьи, простите меня. — И в сторону судей поклонилась. Поднялась, перекрестилась и села на стул.

И тихо было в зале. И только Русина мама всхлипывала, плакала.

Суд удалился на совещание.

И зал как будто насторожился. Посторонние, а их теперь было пятикратное большинство, сидели и стояли вдоль задней стены — и никаких разговоров, все ждали.

Прокурор аккуратно укладывала бумаги в папку: дело сделано. Защитник Рогаль с изумлением, даже с восторгом, во все глаза смотрел на Русю. Он не верил искренности подсудимых — и теперь восхищался бабьей игрой. «Ну, молодец — ничего не скажешь!» — так и отсвечивалось на его лице.

Как-то неожиданно или поспешно, уже через несколько минут, появились судья и заседатели, и только когда уже подошли к столу, секретарь повелительно объявила:

— Встать, суд идет!

И все подчинились этому приказу. Но, застигнутые врасплох, поднялись нескладно, перекошенно. Пострадавшая родительница, воспользовавшись перерывом, перекусывала, да так и поднялась с раздутой щекой. Прокурор уронила папку, так что нырнула за трибуну. И даже защитник, замешкавшись, некоторое время стоял, обернувшись к суду спиной. Но только Феликс не поднялся, он так и сидел, склонившись и обхватив голову руками.

— Именем Российской Федерации, — возвышенно начал судья, но уже тотчас переключился на свой голос. Даже монотонно он зачитал вступление и по сути короткий пересказ обвинительного заключения, и все так же монотонно перешел к определению меры наказания: — ... Суд приговорил Никольскую Марию Дмитриевну к восьми годам лишения свободы... Суд счел возможным меру наказания определить условно...

И все в зале, кроме подсудимой, тотчас поняли: восемь лет условно. И это оглушило, парализовало всех, и жизнь в зале как будто остановилась. У каждого на лице обозначилось неповторимое внутреннее состояние: мать: «Да неужели... », брат: «Есть правда!...», родители-истцы: «Ка-ак?!..», арбатцы: «На лапу бросили... », Рогаль: «Э, опротестуют... », прокурор: «Ну, это уж слишком!», галерка: «Ни фу-фу, вот дает!...». А судья с приговором в руках, не поднимая головы, печально смотрел на Феликса — ему хотелось увидеть его лицо.

9. ЗА ПЬЯНОЙ РЕКОЙ

С тех пор минуло более полутора лет. Многое изменилось за это время, и только жизнь на земле осталась прежней, в помешательстве.

Умерла бабушка, мать Серафима. Она дождалась внучку и встретила ее так, как если бы ничего трагичного не происходило. И только слезы выкатывались из жидких ее глаз.

— Что-то ты, Руся, замешкалась, и чайку попить не с кем... Подойди, подойди, я к тебе и приложусь. — Она все так же сидела в кресле, только теперь и голова ее тряслась. Как подкошенная упала Руся к ногам бабушки и ткнулась лицом в ее иссохшую грудь. И бабушка гладила голову внучки и прикладывалась к ней сухими бледными губами. И плакала от счастья — дождалась.

И Руся прочла единственное дедушкино свидетельство из тюрьмы, каким-то чудом в 1937 году дошедшее на Плющиху. Выгоревшее карандашное письмо на клочке газетной бумаги читалось по буквам, складывалось по словам. Слова добрые — жене и детям; общее благословение и прощание навсегда: «Прощайте, родные мои. Из рук моего следователя живыми не уходят — Клим Троян, это уже нелюдь. Прости и его, Господи».

— И ты помнила это письмо? — Прикрыв глаза, Руся нервно вздрагивала.

— А как же — помнила... да только письмо не открывалось... И путь свой каждый должен пройти до конца — и оценить, и понять Господа, — холодно заключила бабушка.

А весной, когда уже определилось тепло, в апреле, мать Серафима уснула — и не проснулась. Отпели ее в храме Ильи Обыденного. Похоронили на Немецком кладбище, в родительской могиле. После Сорокоуста и Руся исчезла из Москвы. Никто, кроме матери, не знал, куда она делась — и как будто забыли о ней раз и навсегда.

В шестистах километрах от Москвы, за Пьяной рекой, уже не первый год возрождался монастырь. Монастырь небольшой, с одноглавым теплым храмом и двумя корпусами — в одном корпусе келии, во втором — гостиничный номер, покои игуменьи, комнаты для священника и духовника; кладовки, склад, мастерские для работы зимой, а в холодной кирпичной подклети — овощное хранилище.

Монастырь и вовсе стерли бы с лица России, да очень уж подходящим оказался он для революционного режима: поставили козырьки, натянули колючку по верху кирпичной ограды, подняли вышки с прожекторами — и получился великолепный политизолятор с камерами и кирпичной подклетью для карцеров и расстрела. Шестьдесят лет служил монастырь тюрьмой, да еще какой — для обреченных.

Три километра от Павловского посада дорога к обители покрыта асфальтом — за перелеском поселка не видно. А за дорогой от монастыря пологий спад к пойменным лугам и к Пьяной речке. Уж такая вертлявая речушка, что и на километре не поймешь, в какую сторону течет. Так когда-то и называли речку — Пьяная. Дальше за обитель и дороги нет — только тропы проселочные.

Вот здесь и возрождали обитель пятнадцать монахинь с настоятельницами, пять послушниц и преклонных лет иеромонах, священник и духовник.

Послушница сестра Мария летом в пойме пасла коров, а зимой ухаживала за этими коровами и между делом формировала монастырскую библиотеку. Обветренное и загорелое ее лицо осунулось, руки огрубели, губы вечно трескались — и она смазывала их топленным маслом. Сестра Мария уже привыкла к ежедневным церковным службам, к келейным правилам и молитвам. И она наверно согласилась, что здесь для нее и свет клином сошелся. И уже нередко в душе пела тихая радость.

Она полюбила этот монастырский островок, этот пологий откос к Пьяной речке, по утрам которая словно чаша тумана. И сладковатой сыростью омывает лицо, когдаходишь в этот туман и бродишь в нем потерянно бесконечно долгое время. Но поднимается солнце, туман бледнеет и уходит — можно сесть на раскладной стульчик и отдохнуть, почитать Евангелие или Псалтирь. И нередко казалось, что здесь — единственное место на земле, где тишина и покой врачуют поврежденную душу.

Тяжело бывало уединение, тяжело одиночество, тяжело покаяние изо дня в день. И чтобы побороть эту тяжесть, необходима молитва. Теперь уже нет прежней тяжести... Преследовало и унижение — пастушка с историческим образованием. Духовник подсказал: «Но ведь это послушание Господу»... А то вдруг потянет закурить! Или припомнится, что Рогатик на левом крыле кривляется и заывает восвояси. И послушница срывала с плеча рукав, но всякий раз натыкалась на лиловый шрам выжженной кожи — и ударяло в лицо горелой плотью... Манил университет, работа. А надо было все это забыть, от всего отречься. И шаг за шагом она отрекалась, вязче и вязче погружаясь в уединение — это и должен быть ее мир.

О будущем сестра Мария не думала: будущее — это келия, молитва и где-то впереди — схима. О чем же думать? О благословении Божиим и благодати — к этому и будет стремиться нераскаянная душа.

Через неделю монастырь посетит епархиальный Владыка. Состоится постриг трех послушниц — в их числе и сестра Мария... Нет, не тревога, не волнение и страх — охватила вдруг тоска, девичья тоска: трепетно всколыхнулась грудь — вспомнилась Пчелка с напряженными диковатыми глазами. И горько сделалось на душе, и слезами омыло горло. Колыхнулись стены монастырские на взгорке через пелену слез... Ведь это все, ведь это порог, перешагнув который — возврата уже не будет... Это и личный подвиг, и личная жертва. Зачем?!.. Грезилась семья, грезились дети — и представлялось чудовищным и несправедливым лишать себя права на семью... Но ведь пути наши Господу Богу только и ведомы. А если бы замужество во лжи, если бы десять лет лагерей — тоже реально, тоже жизненный путь. Значит, выбор сделан, значит, узкие врата указаны Господом... А если все-таки это ошибка и не хватит сил на подвиг смирения — тогда новые страдания и раскаяние?! Боже, Боже, кто скажет, чего удостоены мы! Да ведь еще целая неделя, целая жизнь — и тогда можно сказать: нет, — и никто не осудит, никто не упрекнет и совесть останется прежней. Монастырь — это не тюрьма, и постриг — не тюремный срок: любой срок кончается, постриг — никогда. Время есть и все еще возможно — и тогда Пчелка... Еще неделя, семь дней.

В конце мая похолодало, но в подрыснике тепло. Слепней нет, коровы пасутся мирно. Где-то в траве кричит коростель, пронзительно, но не назойливо. Низко пролетела стая уток — и слышно было, как с ударами крыльев шлепались они на речной омут. Потрескивание травы и сопенье коров — все это уже так привычно и понятно.

А там на взгорке, в монастыре, своя жизнь: видно, кто-то вышел из ворот, а кто-то входит. На церковном куполе в лесах появились реставраторы — обновляют позолоту на кресте. Все до копейки утекает на ремонт и реставрацию. В советские времена монастырь довели до запустения. И все надо было обновить и освятить. А денег нет, и молящихся кроме насель-

ниц в монастыре мало — пока некому притягивать паломников, нет своей Матренушки. Монахини не молитвенницы, а трудницы, от усталости ноги подкашиваются. В миру редкая так трудится. И не для личной нужды, ради Божией обители, ради Христа и спасения. Без веры этого не понять, а если жить пред Господом, то и тяготы монастырские в радость. Жизнь главная там, впереди, в ином измерении. И мир иной, и жизнь иная — радостная и торжественная тайна. Но разве не тайна — Пчелка, муж, семья?! И тайна, и радость... А если он заблудился, упал, а теперь и любит, и страдает? Господи...

Доносились далекие удары по железу: наверно Колокол большой на звонницу подняли — и теперь крепят... Проехала к Посаду из монастыря машина — молоко утреннее увезли. Какое ведь хозяйство на двадцать-то монахинь!

Из перелеска по дороге в сторону монастыря вышел человек: не понять — мужчина или женщина. Идет не спеша или устало, приостанавливается, по сторонам посматривает... Так после суда и не видела — ни здравствуй, ни прощай... И не надо, — посоветовал отец Николай, — в любом случае не надо... Вот и теперь — не надо. Значит, за деда ему отвечать? За свои-то грехи принести бы покаяние... Все простила бы, но как простить ложь и коварство? А наверно коснись — и это простила бы. Поздно. Хотя в запасе еще шесть дней и ноченька... Уже можно было разобрать, что идет по дороге мужчина, похоже, курит — только ведь теперь все курят, все в брюках... А вот и почтальонша на велосипеде. Вчера получила письмо от матери: пишет, что отец Николай в тяжелом состоянии — в больницу не хочет, дома лежит. Поговаривают, вряд ли поднимется... А у брата жена вновь понесла! Как хорошо-то! Все хоть Никольские продлятся. Два сына уже есть — авось третий!.. А он — последний из Троянов...

Мужчина на дороге уже поравнялся с монастырскими воротами: постоял, подумал — и медленно пошел в сторону стада, в сторону послушницы на стульчике... И что ему здесь? Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... Господи, еще неделя — и повенчают с черною фатой. Так неужели это и есть предназначение! Зачем же был университет, зачем научные намерения? Правда, образование и здесь пригодится. Вот если бы открыть архивы по здешней тюрьме, составить хотя бы картотеку заключенных и синодик расстрелянных, убиенных — вот о них и молиться. Во имя чего же страдали эти люди — ради каких это идей и целей?!.

Сестра Мария коротко вскинула взгляд, но даже не вздрогнула — может быть, это только походка? Да нет, к ней медленно подходил Феликс. Был он одет точно так, как тогда, в Бутове: все те же туфли, джинсы, кожаная куртка — только все это теперь было заношено, стоптано, замки на карманах куртки сорваны, гусарских цепей и вовсе нет. Шел он медленно, не поднимая глаз, и руки точно мертвые свисали беспомощно. И не успела сестра Мария опомниться, как Феликс бесшумно рухнул перед ней и уронил голову на ее колени. И ни слова...

Он обвис неподвижно — слышно было лишь дыхание. Опустив руку ему на голову, сестра Мария тихо запускала пальцы в его волосы, теребила их, гладила, ласкала — и тихо радовалась и вздыхала: как хорошо... Но и от него отрешусь через неделю, буду Христовой невестой — и никогда не будет Пчелки... Бедный, измучился, наверно шел пешком — и не осталось в

нем ничего прежнего, и волосы не промыты и не пахнут дорогим шампунем. А мог быть милым — в запасе неделя, вечность... Как он узнал — неужели обошел все монастыри?.. И обрядят меня в черную фату — и отрешусь от всего. И от тебя тоже — я твоего друга убила... Вы решили надо мной надругаться, а ведь я никого из вас не обидела... Теперь монастырь. И я буду молиться по ночам об убиенных здесь, за женщин в тюрьмах, за Серегу... и о тебе, чтобы ты примирился с жизнью, чтобы Господь простил тебя... и меня в покаянии. Видишь, я и теперь плачу. Или мне уйти отсюда? Но как же я тебе доверюсь...

Сестра Мария вздрогнула, очнулась — и открыла глаза: рядом сидела чужая собака, положив голову ей на колени — она и гладила собачью шерсть, и ласкала собачью голову... На мгновение перехватило дыхание. Но уже тотчас сестра Мария отшвырнула обоими руками собаку и вскочила на ноги.

— Собака! — вскрикнула она.

Собака отскочила на несколько шагов, не понимая, что же вдруг случилось. Она готова была и зарычать, и приласкаться, но не понимала, что означал этот вскрик: «Собака!»

И потекла минута вечности.

Сестра Мария побледнела, ужас отразился в ее глазах и на лице, и, хватаясь за голову, она истошно закричала:

— Феликс! Феликс!..

Собака уронила хвост и боком-боком, чтобы видеть происходящее сзади, побежала к Пьяной речке...

В монастыре пробно ударили в большой колокол — с колокольным звоном будут встречать епархиального епископа.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

М.М. Бахтин

*Портретная
галерея
художника
Юрия
Селиверстова*

В.В. Розанов

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г.А. Ильина*
Дизайн обложки *Г.Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т.Б. Макаровой*

Подписано в печать 15.09.2008 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.